

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

На правах рукописи

КЛЫЧКОВ Андрей Евгеньевич

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Меркулов Павел Александрович

Орел – 2020

Содержание

Введение	3
Глава 1 Теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы взаимодействия (интеракций) парламентских партий в процессе формирования органов исполнительной власти	23
1.1 Политические партии: сущностные аспекты институционализации в политических системах и в рамках моделей демократии	23
1.2 Особенности политических интеракций парламентских партий в контексте формирования органов исполнительной власти	52
Глава 2 Потенциал интеракций парламентских партий в процессе формирования региональных органов исполнительной власти в Российской Федерации	76
2.1 Своеобразие системы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: политологический анализ	76
2.2 Механизмы и формы взаимодействия парламентских партий в процессе формирования органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации	96
Глава 3 Опыты взаимодействия парламентских партий в процессе формирования региональных органов исполнительной власти в Российской Федерации	117
3.1 Основные модели партийно–политических интеракций при доминировании партии «Единая Россия»	117
3.2 Политические практики управления региональными органами исполнительной власти губернаторами от партий парламентской оппозиции	132
Заключение	174
Список использованной литературы	180
Приложения	

Введение

Актуальность темы исследования. В последнее время в повестке дня современной России проблематика эффективного функционирования политических институтов, включая государство, политические партии и структуры гражданского общества, нормы, правила и форматы взаимодействия между ними становятся не только актуальными, но и востребованными в научном и прикладном дискурсах. Тем более что их эффективность, действия и взаимодействия ключевых акторов в политической системе существенным образом влияют на приращение общего (публичного) блага, на развитие и прогресс страны, на устойчивость и стабильность систем в общенациональном масштабе. Вследствие этого исследование темы институционализации взаимодействия парламентских политических партий РФ в контексте формирования органов исполнительной власти на субнациональном и общенациональном уровне приобретает особую актуальность по ряду важнейших причин.

Во-первых, транзакции и интеракции (взаимодействия) на региональном уровне имеют как свою выгоду, так и свои пределы позитивной продуктивности. Что лучше: соперничество партий или их сотрудничество? Если соперничество, то до каких пределов? Если симметричное взаимодействие партий, включая совместную работу партий на базе региональных администраций (правительств), то где наступает тот этап, когда такое сотрудничество начинает приносить меньший эффект, а то и проблемы для сторон, для региона и населения? Нахождение баланса интересов партий и равновесия в формировании и в реализации государственной политики с участием конкурирующих парламентских партий – актуальная суть такого исследования.

Во-вторых, политическая традиция как в исторической России, так и в постсоветской практически не предусматривала нахождения консенсуса между соперничающими политическими силами, тем более участия сторон в эффективном взаимодействии, включая создание коалиций в системе

исполнительной власти. Вследствие этого изучение функционирования партий в конкурентных условиях политической борьбы, опыта акций, трансакций и интеракций на уровне территорий является важным научным и прикладным знанием для отработки норм и правил нахождения консенсуса, формирования участнической политической традиции разных партий в выработке и реализации государственной политики.

В-третьих, актуальным и востребованным в масштабах страны является позитивный и негативный опыт как конфликтных деструкций между парламентскими партиями, так и опыт эффективного сотрудничества данных акторов на региональном уровне. Это позволяет экспертному и научному сообществу, органам власти и управления, выстраивать рациональный алгоритм действий партийно-политических сил на общенациональном уровне, тиражировать и масштабировать хорошо зарекомендовавшие себя практики конкуренции, улучшающие партийный дизайн, и взаимодействие между партиями, конструктивно влияющее на социально-экономическое и политическое развитие территорий.

Хронологические и географические рамки исследования. Временной отрезок исследования заявленной темы взаимодействия парламентских политических партий РФ охватывает период с 2000 года по 2019 год с включением эмпирического материала по всем территориям страны. Особый акцент сделан на российские регионы, где сформированная исполнительная ветвь представляла (представляет) конструктивный интеракционизм партии власти («Единая Россия») с активом оппозиционных партий, а также субъекты РФ с главами, выдвинутыми политическими партиями парламентской оппозиции и выстроивших конструктивное взаимодействие с доминирующей партией в партийной системе РФ.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика взаимодействия политических партий, в том числе парламентских, в российских регионах неизбежно связана с особенностями процесса становления института политических партий, их транзакций и соперничества

в складывающихся общественно-политических условиях национального государства, а также в рамках специфики политических режимов на субнациональном уровне. Данный ракурс рассматриваемой темы исследования не имеет комплексного всестороннего анализа в отечественном и зарубежном научном дискурсе, однако отдельные компоненты рассматриваемой темы исследования имеют обширную представительность и разработанность в политической и отчасти экономической и социологической мысли. Имеющиеся работы условно можно разделить на пять групп.

Первая группа исследований связана с политическими партиями и системой власти. Важную роль в понимании природы взаимодействия политических партий играет исследование основных принципов создания и функционирования партий, их взаимоотношений с системой государственной власти и управления. Данные аспекты классической теории партий детально раскрываются в корпусе работ К. фон Бойме, М. Вебера, М. Дюверже, П. Игнаци, К. Лоусона, Р. Михелса, Л. Морлино, М. Острогорского и др. Особый интерес для автора представляет масштабное пятитомное исследование «Политические партии и демократия» под редакцией К. Лоусона. В частности, в третьем томе исследования дается сравнительный анализ функционирования политических партий в постсоветских республиках (РФ, Украина, Грузия, Молдавия)¹. Значительный вклад в изучение становления института политических партий в партийной системе России внесли современные отечественные

¹ Political parties and democracy. Volume III. Post-soviet and Asian political parties / Kay Lawson, set. editor. – Santa Barbara, Denver, Oxford: Praeger, 2010. – 300 p.; Вебер М. Власть и политика / пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 432 с.; Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. Л.А. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2002. – 560 с.; Игнаци П. Партии и демократии в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 49–76; Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 29–142; Морлино Л. Политические партии // Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 350–378; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 760 с.

исследователи. Это Б.А. Исаев, Г.В. Голосов, А.А. Казанцев, И.К. Кисовская, Ю.Г. Коргунюк, Г.М. Михалева, А.В. Кынев и А.Е. Любарев, А. Кулик, О.В. Попова, С.П. Поцелуев, П. Данилин и др.²

Для научного анализа взаимодействия политических партий на общенациональном и субнациональном уровнях важна операционализация таких категорий, как «политический режим», «региональный политический режим», «гибридные режимы», патрон-клиентеллистские (принципал-агентские) отношения, субнациональный авторитаризм. В этом отношении научный интерес представляют работы, раскрывающие общее и особенное в развитии партийно-политических систем на федеральном и региональном уровнях. Данным категориям посвящены работы таких исследователей, как Генри Е. Хейл (патрональная политика при правлении В. Путина), Р.Ф. Туровский (региональные политические системы и региональные режимы), В.Я. Гельман (неформальное управление и «недостойное правление»), Я.Ю. Шашкова и А.В. Баранов (региональные партийные системы), А. Кынев (губернаторы в «вертикали власти»), А. Фисун (патримониальное государство), Г. Голосов (стратегии

² Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993-2003. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.; Данилин П. Партийная система современной России. – М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015. – 400 с.; Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 361 с.; Кисовская И.К. Партии и перспективы демократизации в России // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: ООО «Феникс+», 2001. – С. 444–463; Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.; Кынев А.В. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция / А.В. Кынев, А.Е. Любарев. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 792 с.; Попова О.В. Партии и партийные системы. Основные тенденции развития партологии в России / О.В. Попова, Я.Ю. Шашкова, Ю.Г. Коргунюк, Б.А. Исаев // Структурная трансформация и развитие отечественных школ политологии: научное издание / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – С. 111–123; Кулик А. Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 8–28; Поцелуев С.П. Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: научное издание / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – С. 208–226.

доминирования и партийная система, авторитарная консолидация), И.Л. Недяка (власть и господство).³

Вторая группа работ объединена исследованием категории институтов и субкатегорий, имеющим к ним непосредственное отношение: институционализм, институциональное развитие, институциональный дизайн. Теоретическое осмысление данной категории претерпело несколько школ и подходов. Политической науке и общественной мысли в целом известны подходы классического понимания институционализма в работах «старых» институционалистов (Т.Б. Веблена, Дж. Коммонса, Р. Коуза и др.) и «новых» институционалистов (неоинституционалистов) – П. Дж. Димаджо и У.В. Пауэлл, Д. Марч и Д. Ольсен, Д. Норт., Э. Острон, К. Поланьи, О. Уильямсон и др.⁴ Институты как предмет исследования получили

³ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.; Айвазова С.Г. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.В. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.; Гельман В.Я. Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 34 с.; Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики: сб. статей / под ред. В. Гульмана и О. Маргания. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 64–88; Кынев А. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – 1030 с.; Голосов Г. Политическая реформа: эволюция стратегий доминирования и партийная система // Политическое развитие России. 2014–2016: Институты и практики: авторитарная консолидация / под ред. К. Рогова. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2016. – С.99–115; Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений / 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399 с.; Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187; Henry E. Hale, Russian Patronal Politics Beyond Putin, Daedalus, Spring. – 2017. – Vol. 146. – № 2. – р. 30–40; Шашкова Я.Ю. Региональные партийные системы: смена парадигм / Я.Ю. Шашкова, В.А. Ковалев, А.В. Баранов, П.В. Панов // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 272–293.

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. / вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; общ.ред. В.В. Мотылева. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. – 368 с.; Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.; Коуз Р.Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995. (Вехи экономической мысли). – № 2. – С. 11–32; March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. – 1984. – № 3. – 734–749. – Р. 734; Димаджо П.Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. – М.: Изд. дом Высшей

всестороннее рассмотрение с позиции влияния на жизнь людей, методологических принципов конструирования, проявления социальных факторов в работах таких авторов, как Д. Асемоглу, А. Грейф, Б.Г. Питерс, А. Сен, Ю. Эльстер и др.⁵ Институциональные практики и институциональные изменения, связанные с политическими партиями в РФ, достаточно основательно исследованы отечественными политологами: Г.Л. Купряшин, П.В. Панов, И.С. Семенов, и др.⁶

Учитывая, что проблематика политических партий так или иначе сопряжена с достижением согласия (консенсуса) в вопросах обеспечения поступательного развития государства, принципиально важным становится исследование политических партий как одних из базовых институтов демократии. В этом отношении особый научный интерес представляют *работы третьей группы*, посвященные осмыслению обширной категории «демократия» и «модели демократии». Прежде всего, это классические

школы экономики, 2014. – С. 164–192; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.; Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / под общ. ред. С.Е. Федорова; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. – СПб.: Алетейя, 2014. – 312 с.; Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / научное редактирование и вступительная статья В.С. Каткало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Каткало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова, Н.Н. Цытович. – СПб.: Лениздат; CEVPress, 1996. – 702 с.

⁵ Асемоглу Д. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асемоглу, Дж. А. Робинсон; пер. с англ. С.В. Моисеева; под науч. ред. Л.И. Полищука, Г.Р. Сюняева, Т.В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 512 с.; Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнareвой; вступит. ст. М. Юдкевич; 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с.; Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – 816 с.; Сен А. Идея справедливости / А. Сен; пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.; Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода А. Морозов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 296 с.

⁶ Купряшин Л.Г. Государственное управление посредством институциональных изменений // Политические исследования. – 2012. – №6. – С. 112–125; Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.; Семенов И.С. Группы интересов в социокультурном пространстве: вызов демократии или ресурс демократии? // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: ООО «Феникс+», 2001. – С. 81–99.

работы Р. Арона, А. Де Токвиля и др.⁷, а также корпус публикаций, посвященных различным моделям демократии. Это классическая либеральная (представительная) демократия – Д. Мэдисон; охранительная демократия – И. Бенхам; партиципаторная демократия – К. Пейтман, К. Макферсон, Н. Боббио; элитарная демократия – Й. Шумпетер; плюралистическая демократия – Г. Экстайн, Р. Даль, А. Лейпхард; развивающая демократия – Д.С. Миль, А. Сен; делегативная демократия – Г. О’Доннелл; марксистская модель – К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин; мониторинговая демократия – Дж. Кин, С.П. Перегудов; превентивная демократия – Ф. Закария и В. Иноземцев; отзывчивая демократия – А. Этциони С.П. Поцелуев и др.⁸ Данный корпус работ вносит существенный вклад в понимание демократии и демократических режимов как неких идеалов, к которым нужно стремиться политическим партиям при взаимодействии друг с другом, тем более в рамках конкурентного демократического процесса. Вместе с тем, на основе имеющихся научных теорий демократии автор исследует конкретные практики функционирования

⁷ Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с франц. Г.И. Семенов. – М.: Текст, 1993. – 303 с.; Токвиль де А. О демократии в Америке: перевод с 14-го французского издания. – М.: Книга по требованию, 2016. – 636 с.

⁸ Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.; Иноземцев В.Л. Превентивная демократия. Понятие, предпосылки возникновения, шансы для России // Политические исследования. – 2012. – №6. – С.101–111; Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.; Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Политические исследования. – 2012. – №6. – С. 55–67; Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии / пер. с англ. А. Кырлежева. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.; Маркс К. О демократии / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1988. – 518 с.; О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Политология. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006. – С. 255–257; Поцелуев С.П. Моральные диалоги в модели «отзывчивой демократии» А. Этциони // Политическая концептология. – 2010. – №4. – С. 208–234; Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.; Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: пер. с англ. / под общ.ред., с предисл. Н.Н. Яковлева. – М.: Издательство «Весь мир», 2000. – 592 с.; Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

региональных политических режимов, которые являются либо авторитарно-технократическими, либо «гибридными». При этом политические партии в субъектах РФ, взаимодействуя друг с другом, легитимируют данные режимы. И для диссертанта, в данном случае, важно увидеть и отметить отличие идеала демократии от политических реалий, показать эффективность разных типов региональных режимов в разрезе социально-экономического и политического развития субъектов РФ.

Четвертая группа работ выходит на проблематику интеракций между политическими партиями. Вступая в процесс акций (действий), транзакций (сделок) и интеракций (взаимодействий), политические партии формируют политические практики и демократические традиции. Автор прибегает к классическим и современным работам политической и экономической мысли, анализируя понятия «рынок» (У. Дж. Баумоль, К. Поланьи, Л. Роббинс, А. Смит, Х. Уайт, С. Хедлунд и др.⁹), «политический рынок» (М. Ротбард, Д.В. Нежданов, О.Ф. Русакова, Дж. Ходжсон и др.¹⁰), теорию полезности (Дж. Винер, В. Парето и др.¹¹). Концепции «конкуренция» и

⁹ Баумоль У. Дж. Состязательные рынки: мятеж в теории структуры отрасли. / пер. Демченко О.В. / Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков. Т.5. Под общ. ред. А.Г. Случкого. – СПб.: Экономическая школа. 2003. – С. 110–141.; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / под общ.ред. С.Е. Федорова; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. – СПб.: Алетейя, 2014. – 312 с.; Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / пер. с англ. Н.В. Автономовой, под ред. В.С. Автономова. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017. – 488 с.; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. – М.: Эксмо, 2017. – 1056 с.; Уайт Х. Откуда берутся рынки? // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с.; Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.

¹⁰ Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / пер. с англ. Б.С. Пинскера, под ред. Гр. Сапова. Челябинск: Социум, 2016. – С. 284; Нежданов Д.В. Метафора «политический рынок» как дискурсивный компонент и теоретико-методологическая основа современных политических исследований / Д.В. Нежданов, О.Ф. Русакова // Полития. – №4(55). – 2009. – С. 185–195; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

¹¹ Винер Дж. Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Теория потребительского поведения и спроса. Серия «Вехи экономической мысли»; под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1993. – № 1. – С. 48.; Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.

«соперничество» получают детальное рассмотрение в работах М. Портера, И. Кирцнера, А. Пшеворского и др.¹²

И, наконец, *пятая группа* представлена некоторой совокупностью работ, лишь отчасти раскрывающих проблематику функционирования политических партий на субнациональном уровне через призму понимания категорий «регион», «региональный политический режим», «региональная политическая элита». К этой группе работ следует отнести исследования отечественных политологов О.Ю. Грайворонского, И. Жегулева, Б.И. Макаренко, Д.Н. Нечаева, Р.Х. Усманова и др.¹³ Представленный корпус работ имеет определенную научную значимость, но далеко не достаточен для понимания сути интеракций (взаимодействия) партийных акторов в интересах развития региона, прогресса всех его отраслей и сфер. При этом в политической науке РФ необходимо исследование институционализации взаимодействия политических партий в российских регионах, которое могло бы быть не только теоретико-методологическим, но и прикладным фундаментом, на основе которого станет возможным и приращение научного знания в разрабатываемом предмете и основа для практической работы политических институтов.

¹² Портер М.Э. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. – 495 с.; Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / пер. с англ. А.В. Куряева, Д.А. Бабушкина, под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2010. – 272 с.; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. / пер. с англ., под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 320 с.

¹³ Грайворонский О.Ю. Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. – 2018. – №1. – С. 45–61; Жегулев И. Операция «Единая Россия». Неизвестная история партии власти / И. Жегулев, Л. Романов. – М.: Эксмо, 2012. – 304 с.; Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя / Б.И. Макаренко // Политическая наука. 2018. – № 1. – С. 122–147; Нечаев Д.Н. Партийное строительство в регионах России: институционализация «полупартийной» модели // Вестник РУДН. 2007. – №1. – С. 42–51; Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С. 262–280; Усманов Р.Х. Демократизация партийных организаций как фактор устойчивости современных политических систем // Проблема устойчивости политических систем современного мира: материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – С. 278–287.

Объект исследования – парламентские политические партии и их региональные отделения («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»).

Предмет исследования – взаимодействие парламентских политических партий РФ в процессе формирования и функционирования органов власти и управления на уровне субъектов РФ и в рамках общефедеральных трендов.

Научная задача – на основе проведенного исследования институционализации акций, транзакций и интеракций (взаимодействий) политических партий в регионах РФ сформулировать научные и практические выводы относительно оптимальных моделей и практик взаимодействия парламентских политических партий на региональном уровне в целях развития территорий и приращения общего публичного блага.

Цель исследования состоит в объяснении значимости институционализации взаимодействия парламентских политических партий при формировании и функционировании исполнительной власти на уровне субъектов РФ, в определении условий и предпосылок появления и укоренения практик достижения между ними консенсуса на уровне ценностей, процедур и выработки государственной политики, в реализации эффективных форм и механизмов интеракций сторон в социально-экономическом и политическом развитии региональных территорий.

Для достижения цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1) уточнить в рамках диссертационного исследования понятие парламентских политических партий в ракурсе процесса институционализации, в контексте научных подходов к пониманию концептов «институты», «модели демократии» с целью выработки в регионах РФ оптимальных политических практик;

2) раскрыть политическую сущность взаимодействия парламентских политических партий как комплекс форматов, арен, приемов и процедур в

процессе формирования и функционирования органов исполнительной власти субъектов РФ и реализации региональной государственной политики;

3) выявить особенности формирования и развития системы исполнительной власти в субъектах РФ в период 2000-х годов, степень влияния парламентских политических партий на институционализацию данного процесса;

4) обосновать смысл, роль и значение каналов, форм и механизмов политического интеракционизма парламентских партий и системы исполнительной власти субъектов РФ в социально-экономическом и политическом развитии региональных территорий;

5) предложить основные модели интеракционизма парламентских политических партий в субъектах РФ, главами органов исполнительной власти которых являются представители партии «Единая Россия» (модель технократических команд, модель «приводного ремня» и др.);

6) выявить основные формы и механизмы интеракций парламентских политических партий в регионах РФ (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») с властью и партией власти, включая реализацию политического курса губернаторов от оппозиции в ряде субъектов РФ в целях воспроизводства на новом уровне аналогичных практик в перспективе, в том числе и создании региональных коалиционных правительств.

В качестве гипотезы диссертационного исследования выступает предположение о том, что взаимодействие (интеракционизм) парламентских политических партий РФ и органов исполнительной власти территорий существенным образом влияет на динамику позитивного развития субъектов РФ, на их политическую, социальную и экономическую составляющие. Интеракции сторон на региональном уровне могут обеспечить и равновесие, баланс в территориальной политической системе (ТПС), открытость и транспарентность демократических процедур, эффективность органов власти и управления в целях приращения общих (коллективных) благ. Антагонизм, деструктивный конфликт партийных акторов и власти может приводить к

политическим кризисам в политических регионах, враждебности и поляризации в территориальных сообществах. Не содействует позитивной динамике развития общества и монополизация власти в руках одной партии, приводящей к социальным протестам, хаотизация конкурентного политического процесса без консенсуса парламентских партий по совместному управлению государственными институтами в интересах граждан.

Теоретико-методологическая основа. Исследование базируется на ключевых концептах зарубежных и отечественных авторов: качество и эффективность управления, партогенез, интеракционизм (конфликт, конкуренции, соперничество, консенсус, сотрудничество, коалиционность), институциональные изменения, политико-экономические модификации регионов с различными типами политических режимов. Особое значение в работе имеет концепт «политическое развитие», когда при помощи отдельных институтов (к примеру, партий) региональные политические системы приобретают новые продуктивные качества и возможности.

Методологическую основу работы составляет междисциплинарный подход с опорой на основные положения и методы неинституционального анализа. Методология исследования детерминруется совокупностью научных подходов и методов, в том числе системного и сравнительного метода, структурно-функционального и нормативного подходов, статистического анализа, метода «единого поля» (стадиальность формирования территориально-политических систем). Автором также применялся метод мониторинга средств массовой информации и новых медиа, контент-анализ документов, метод наблюдения, в том числе включенного наблюдения, а также метод *casestudy* в анализе и оценке практик взаимодействия и конкуренции парламентских политических партий в российских регионах.

Эмпирическая база исследования представляет собой разнообразные источники, которые можно разделить на четыре основные группы. *Первая*

группа источников – это официальные документы, представленные Конституцией РФ, действующим законодательством о политических партиях, официальная информация Росстата, данные Центральной избирательной комиссии, данные региональных избирательных комиссий по итогам выборов в период с 2000-х годов. Эта группа источников базируется на объективных данных, на основе которых можно делать ключевые выводы.

Вторая группа источников – это официальные документы и материалы парламентских политических партий, в частности партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». К таким документам следует отнести уставы, программы партий на выборах как на общенациональном, так и на субнациональном уровнях, соглашения между политическими партиями, официальные заявления, материалы с сайтов политических партий. Данная группа источников представляет собой необходимый набор эмпирической информации, который позволяет дать анализ акциям, транзакциям и интеракциям политических партий на общенациональном и субнациональном уровнях. Данный блок эмпирических источников требует критического осмысления и тщательной их перепроверки с помощью других источников информации.

Третья группа источников связана с материалами экспертных государственных и аналитических групп. Она представлена научными докладами экспертного сообщества, посвященными развитию политических партий, их взаимодействию между собой; итогами работы губернаторов, представляющих разные политические партии. К данной группе следует отнести материалы средств массовой информации и новых медиа. Ценность этой группы источников невысока, однако данную группу источников следует использовать, чтобы иметь живую картину взаимодействия между различными региональными отделениями политических партий РФ, а также этих партий на общенациональном уровне.

Четвертая группа источников представлена данными социологических исследований по рейтингу доверия и поддержки

политических партий и кандидатов от них как до проведения избирательных кампаний, так и в рамках проведения избирательных кампаний в российских регионах, уровень поддержки политических партий на федеральном уровне. Данная группа источников ценна тем, что показывает влияние партий на политический процесс, на различные социальные группы и слои населения.

Область диссертационного исследования соответствует п. 4 Паспорта специальности 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии. Типы политических организаций. **Место и роль партий в политических отношениях современности.** Социальные основы и природа политических партий. Функции политических партий. Партии и государство. Партии и движения. Партии и другие формы артикуляции интересов (корпоративизм, группы давления и пр.). Структура политических партий. Партии и избирательные системы. Идеологии политических партий. Партийные системы. **Механизмы взаимодействия партий в рамках партийных систем. Современная партийная система в России.** Программатика основных политических партий в стране.

Научная новизна исследования заключается:

1. В выявлении потенциала многоаспектного политического взаимодействия парламентских политических партий, внесистемных структур, с точки зрения полезности и качества, способных оказать существенное влияние на выработку оптимальной стратегии развития регионов, на эффективность реализации государственной политики субъектов РФ в различных отраслях и сферах.

2. В понимании того, что в политических условиях РФ 2000-х годов именно авторитарно-технократические режимы в российских регионах, в функционировании которых интегрированы и парламентские политические партии, как правило, являются наиболее успешными в социально-экономическом развитии территорий. Таким образом, на примере многих субъектов РФ подтверждается положение о том, что экономически демократия далеко не всегда созидательнее иных форм правления, а

демократические режимы недостаточно эффективны в управленческом плане. Правда, большая эффективность авторитарно-технократических режимов в сравнении с демократическими вовсе не исключает необходимость открытости и транспарентности органов власти субъектов РФ в принятии решений, соблюдения ими демократических процедур, важность участия партийных структур в региональном политическом процессе, как механизмов профилактики и преодоления конфликтных деструкций. В то же время, именно интеракционизм отделений парламентских партий несет в себе позитивные практики в институционализации правил для органов власти и управления. Данный интеракционизм партий в итоге содействует устойчивости и стабильности региональных политических систем.

3. В обосновании положения о политическом развитии субъектов РФ, согласно которому отделения партий своей деятельностью легитимируют региональные политические режимы, многие из которых являются либо авторитарно-технократическими с различными вариациями «просвещенности», либо гибридными (к примеру, диктабланда – либерализация, без демократизации). При этом именно активность парламентских партий усиливает конкурентный демократически процесс в территориях (Хабаровский край, Владимирская область), а в сочетании с интеракционизмом институт партий снижает уровень регионального авторитаризма, масштабы патрональной политики и принципал-агентских отношений, содействуя функционированию режима в направлении «либерализация-демократизация-консолидация».

4. В выявлении конкретных каналов, форм и механизмов взаимодействия парламентских партий в конкурентных условиях (соглашения, выдвижение единых кандидатов, совместные действия, создание коалиций), которые являются оправданными с точки зрения обеспечения доверия и поддержки избирателей, в интересах развития территорий и населения, устойчивости и стабильности партийно-политических систем.

5. В обосновании двух основных форматов взаимодействия парламентских партий на региональном уровне, которые уберегают регион от дестабилизации и политического хаоса. Это 1) губернатор от победившей «партии власти», сводящий к минимуму задействование потенциала (идеи, установки, программы, проекты) оппозиционных партий и их кандидатов в системе исполнительной власти, 2) губернатор от оппозиционных партий, интегрирующих в большом объеме потенциал и ресурсы «партии власти».

6. В выработке научно-теоретического подхода, в рамках которого стоит считать, что основным стимулом к развитию территорий является фактор парламентских политических партий, в которых концентрируются идеи институциональных изменений, лидеры и актив, готовые осуществлять данные изменения, поддержка таких изменений частью активного населения, ориентированного на перемены. Вследствие этого в конкуренции и сотрудничестве партий заложен механизм преемственности и обновления, улучшающих качество государственного управления и самого государства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Парламентские политические партии, функционируя в региональной институциональной среде, артикулируют и агрегируют интересы территориальных сообществ в виде партийных платформ, перенося их посредством успешных парламентских выборов в принятие решений по поводу этих интересов. Наличие эффективно функционирующих парламентских политических партий в субъектах РФ, их взаимодействие с исполнительной властью при формировании и функционировании правительств регионов определяет качество государственных институтов и полезность демократических процессов, на выходе которых находятся оптимальные политические решения.

2. Парламентские политические партии функционируют в условиях двух основных парадигм взаимодействия: конфликтологической парадигмы и парадигмы сотрудничества. Взаимодействие этих партий представляет собой комплекс форматов, арен, приемов и технологий для обмена

информацией, опытом и практиками, которые приводят к сотрудничеству или конфликтной деструкции, к приращению позитивных дел, багажа и потенциала, или к политической маргинализации. В рамках «мирного периода» более логичной выглядит парадигма сотрудничества между ними в интересах социально-экономического развития территории, а также приращения общего публичного блага.

3. Значимыми политическими акторами на региональном уровне являются парламентские политические партии РФ, которые вступают во взаимодействие друг с другом при формировании и функционировании системы исполнительной власти в субъекте РФ: администраций, правительств региона. Система органов государственной власти субъектов РФ устанавливается ими самостоятельно. Общим в функционировании органов исполнительной власти субъектов РФ является то, что они входят в единую систему исполнительной власти РФ. А высшее должностное лицо региона (губернатор, глава, президент) избирается, наделяется установленными законом компетенциями, он назначает руководителей структур прямого подчинения, участвует в решении кадровых вопросов структур двойного подчинения, несет федеративную ответственность. При этом в рассмотрении многих вопросов у него имеется канал взаимодействия с лидерами и активом парламентских политических партий, который активно востребован партийными структурами.

Взаимодействие парламентских политических партий и органов власти происходило в следующем формате: партии влияли своими действиями на разработку политического курса этой власти, включаясь в политические потоки (проблемные вопросы, лоббистские структуры, свои представители в структурах власти), тогда как органы государственного управления в субъектах РФ осуществляли этот политический курс. Парламентские партии, до и после губернаторских выборов (назначений), оказывают сильное влияние на формирование политической повестки дня системы исполнительной власти субъекта РФ и принятие политических решений.

4. В период 2000-х годов в регионах РФ институционализировались каналы, основные формы и механизмы политического интеракционизма парламентских партий и системы исполнительной власти субъектов РФ в социально-экономическом и политическом развитии региональных территорий. При реализации данного взаимодействия парламентские политические партии на субнациональном уровне ориентировались на консенсус (ценностный консенсус, консенсус процедур, консенсус выработки конкретной политики). Вследствие этого на субнациональном уровне вне зависимости от того, какая партия правит – «Единая Россия» или оппозиционные политические партии (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), – эти партии во многом реализуют государственную политику в интересах развития территорий и большинства населения.

5. В период 2000-х годов сложилось две основные модели взаимодействия глав регионов от партии «Единая Россия» с оппозиционными парламентскими политическими партиями, вне зависимости от того, был ли губернатор избран всем населением или назначен Президентом Российской Федерации. Первая модель – это губернатор, формирующий команду администрации (правительства) региона и взаимодействующий с другими акторами в системе приводного ремня (Московская область). Вторая модель – это управление регионами со стороны глав регионов в системе технократических команд (Белгородская, Калужская области). Результаты реализации двух моделей позволили добиться определенных результатов в социально-экономическом развитии регионов и в усилении стабильности в обществе либо за счет лояльности руководства регионов реготделений парламентских политических партий, либо за счет интеграции части идей и контрэлиты в политические практики деятельности органов исполнительной власти.

6. Взаимодействие оппозиционных парламентских политических партий и власти в период 2000-х годов было реализовано в рамках системы государственного управления в субъектах РФ. Это позволило трем

оппозиционным парламентским политическим партиям за счет назначений (избраний) глав регионов из своей среды внедрять все лучшее из своих партийных программ и практик в деятельность региональных администраций (правительств). Форматами взаимодействия между ними и партией «Единая Россия» стали создание коалиционных правительств (Смоленская область), соглашения с выбором приоритетов развития, с кадровой политикой, поддержка конкретных проектов (Орловская область, Забайкальский край). Это способствовало формированию демократии согласований, которая позволяет реализовывать ответственную за развитие территорий и благосостояние граждан политику на уровне субъекта РФ.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуальном осмыслении научных теорий «управления», «демократии», «интеракционизма», «политических режимов», «изменений» и в преломлении данных теорий в управленческой сфере на российскую почву. Диссертант вводит в научный оборот новые эмпирические данные относительно результативности взаимодействия партий в процессе формирования и деятельности администраций субъектов РФ, а также своими выводами дополняет научную проблематику интеракционизма политических партий в органах власти и управления.

Практическая значимость исследования состоит в том, что на основе анализа и выводов исследования может быть разработана система рекомендаций по достижению консенсуса между конкурирующими политическими партиями в процессе выработки и реализации государственных отраслевых политик на уровне субъектов РФ, в подготовке и осуществлении концепции политического социально-экономического и политического развития регионов. Основные положения диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по дисциплинам в сфере государственного и муниципального управления.

Апробация и внедрение результатов. Основные выводы и положения диссертационного исследования были представлены автором на международных, федеральных и региональных научных и научно-практических конференциях, в том числе на конференции «Россия-Беларусь: перспективы интеграции и стратегии развития Союзного государства» (Орел, декабрь 2019 г.). Ключевые положения диссертационного исследования были отражены в научных работах автора, посвященных проблематике партий в ракурсе теорий институционализма, моделей демократии, конкуренции в условиях политического рынка. По теме диссертации опубликовано 8 научных статей, в том числе в рецензируемых научных изданиях ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Объем и структура диссертации. Предложенная тема, цели и задачи исследования определили структуру диссертационной работы, состоящей из введения, трех глав, заключения, используемых источников и литературы, приложений.

Глава 1 Теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы взаимодействий (интеракций) парламентских партий в процессе формирования органов исполнительной власти

В современных политических условиях перед каждым национальным государством, включая Российскую Федерацию, стоит, с одной стороны, конкретная задача обеспечения социально-экономического развития страны и ее территорий, с другой стороны, – более широкая цель движения к социальному прогрессу в обозримой перспективе. И такую задачу могут решать, и такую цель могут реализовывать политические акторы и политические институты в пространственно-временном континууме. Тем более что, по справедливой оценке Р. Нисбета, на протяжении тысячелетий ни одна идея «не была так важна и, возможно, даже равна по важности, как идея прогресса»¹⁴.

1.1 Политические партии: сущностные аспекты институционализации в политических системах и в рамках моделей демократии

Одним из таких институтов в политических системах национальных государств, на которых в том числе лежит миссия решения задачи развития страны, ее территорий, достижения цели прогресса, является институт политических партий. В рамках нашей диссертационной работы имеет смысл провести теоретико-методологический анализ таких понятий и категорий в плане исследования их социально-политической сущности, как: «институт», «партия», «институционализация», «партийная система» (партиома), акторы политической системы и политического процесса (партийные акторы), «демократия», политическое взаимодействие.

¹⁴ Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер с англ., под ред. Ю. Кузнецова, Гр. Сапова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.

Известно, что «старые» институционалисты Т.Б. Веблен, Дж.Р. Коммонс исследовали в своих работах традиционные институты, такие как семья, церковь, государство, партии, финансовые институты. В частности, Т.Б. Веблен полагал, что такого рода институты способствуют распространению «образа мысли, являющегося характерной чертой режима»¹⁵. Дж. Р. Коммонс в политической сфере выделял как особый вид институтов — «массовые движения индивидов, организованные и неорганизованные»¹⁶. При этом каждый из исследуемых институтов ориентирован на взаимодействие (интеракции). А взаимодействие может быть как позитивным, так и негативным, как конструктивным, так и деструктивным.

Согласно оценке А. Сен, политические институты, к которым относятся и политические партии в том числе, делают свой вклад в процесс создания общественного блага в нескольких направлениях. Во-первых, они самым прямым образом оказывают влияние на жизнь людей. Во-вторых, они обладают способностью анализировать рассматриваемые «ценности и приоритеты, особенно когда есть возможность публичного обсуждения»¹⁷. Данный список возможностей характерен, в том числе и для политических партий. Поскольку одна из главных их функций — борьба за власть, то внутри данных конструкций вырабатывается определенная программа действий (политический курс). Кроме того, политические партии в своих документах и деятельности отражают определенные ценности, идеологические рамки, которым следуют в дальнейшем как рядовые члены, так и лидеры.

Сторонники неоинституционализма, в частности Д. Норт, под институтами понимали некие рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. При этом, как подчеркивал данный

¹⁵ Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; под общ. ред. В.В. Мотылева. Изд. стереотип. — М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. — С. 291.

¹⁶ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — С. 338.

¹⁷ Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов. — М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. — С. 17.

исследователь, формальные и неформальные правила, их точное соблюдение «образуют в совокупности весь характер игры»¹⁸. Д. Норт логично и обоснованно проводил четкое различие между институтами и организациями. Под категорией «организация» данный автор понимал органы и учреждения, к примеру, сенат, городской совет, контрольное ведомство. Таким образом, в институтах Д. Норт видел правила игры, а организациях – агентов институциональных изменений.

Если взять за основу эту логику, то политические партии, в частности парламентские, выступают некими носителями правил игры. В той или иной мере эти партии участвуют в их разработке, принятии для всех акторов, как правило, принуждают к их соблюдению. Например, некоторые парламентские политические партии инициируют предварительное партийное голосование (праймериз) и выступают за обязательное участие лидеров и актива партий в публичных политических дебатах в рамках как парламентских, так и президентских избирательных кампаний.

Исследователи институтов П. Бергер, Т. Лукман утверждали в своих работах, что институты связаны историчностью и контролем, они не могут быть оформлены моментально произвольно. Институты, считали данные исследователи, проявляются в человеческой деятельности и разнообразных многочисленных процессах. Кроме того, всякая «человеческая деятельность подвергается хаби́туализации (т.е. опривычиванию)»¹⁹. В итоге, в рамках политических практик наиболее важная часть хаби́туализации человеческой деятельности, к примеру партийно-политическая работа, сопряжена с процессом институционализации. Институциональному же миру, по оценке П. Бергера и Т. Лукмана, требуется легитимация, то есть объяснения и оправдания в публичном политическом пространстве.

¹⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С.19.

¹⁹ Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – С. 89.

Таким образом, к примеру, конкуренция и сотрудничество как элементы взаимодействия парламентских политических партий вошли в привычку. По П. Бергеру и Т. Лукману, мы имеем на деле процесс хабитуализации, или опривычивания. Точно так же, как взаимодействие между партиями приводит, в частности, к созданию коалиций. В ФРГ, например, частью политической традиции стало создание больших правительственных коалиций из массовых парламентских политических партий ХДС/ХСС, с одной стороны, и СДПГ, с другой стороны. Правда, стоит отметить при этом, что у данной традиции есть и негативный аспект, который ряд ученых называют общим разочарованием населения в политических партиях (*Politikverdrossenheit*), поскольку в данном случае для избирателей «все меньше становится различий между партиями»²⁰.

Основатели «нового институционализма» Джеймс Дж. Марч и Йохан П. Олсен видели в институтах «устойчивую совокупность правил и организованных практик»²¹, встраиваемых в структуру смыслов и ресурсов, в предпочтения и ожидания отдельных акторов в меняющихся обстоятельствах. В таком понимании, по мнению авторов, институты расширяют возможности действий этим акторам (к примеру, парламентским партиям) и сдерживают их в разных направлениях, формируют у них способности функционировать в соответствии с предписываемыми правилами. Институты также подкрепляют действия третьей стороны (государства) для соблюдения правил и наказания за их несоблюдение.

В качестве иллюстрации проявления действия данной теории в политических практиках стоит привести пример регулирования третьей стороной партийно-политических процессов и правил избирательного законодательства в России в начале 2000-х годов. Масштабный успех избирательного блока «Родина» с идеологией умеренного русского

²⁰ Каширских О.Н. Политические партии Германии в контексте модернизации политических коммуникаций / О.Н. Каширских // Политические исследования. – 2009. – №2. – С. 108.

²¹ March James G. New Institutionalism / James G. March, Johan P. Olsen // Political institutions / R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman. – New York: Oxford: University press. – 2006. – 228 p.

национализма на выборах в Государственную Думу в 2003 году в условиях сильной конкуренции с другими партиями был таргетирован государственными структурами за нарушение правил на региональных выборах в 2005 – 2007 годах. Например, в 2005 году на выборах в Московскую городскую думу из-за слогана «уберем грязь с улиц Москвы» партию «Родина» сняли с выборов, сочтя визуализацию этого слогана как антиэмигрантский ролик.

Еще один западный исследователь институтов Р. Графштейн полагает, что институты возникают как при эволюции, так и при революции. Институт, доказывал он, представляет собой механизм как поведения индивидов и их структур, так и «поведенческих диспозиций, побуждающих их воспроизводить данный механизм».²² В свою очередь, Ю. Эльстер определяет следующие методологические принципы института. Во-первых, важно чтобы институт получил широкое распространение, не являясь при этом маргинальной структурой. Во-вторых, с работой каждого института в итоге определяется его совокупный эффект. В-третьих, полезность институтов стоит видеть в ракурсе долгосрочных последствий их функционирования²³.

В этом разрезе, рассматривая российскую партию 1990-х годов с позиций Ю. Эльстера, стоит отметить следующее. Парламентские политические партии РФ этого времени, их взаимодействие между собой, сама партийная система не сформировали позитивный тренд в политическом развитии страны. Партии, работавшие в Государственной Думе РФ в период 1990-х годов, кроме КПРФ, ЛДПР и партии «Яблоко» Г. Явлинского, политически обанкротились и перестали функционировать. Ушли в политическое небытие и сменявшие друг друга парламентские «партии власти». Речь идет о партии младореформаторов «Демократический выбор

²² Grafstein R. Institutional Realism: Social and Political Constraints on Rational Actors // New Haven and London: Yale University Press, 1992. – 244 p.

²³ Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода А. Морозов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – С. 162.

России» (1993-1995 гг.), партии В. Черномырдина «Наш дом Россия» (1995-1999 гг.), блоков Ю. Лужкова и Е. Примакова «Отечество – Вся Россия», «Единства» (1999-2003). При этом совокупный эффект данных партий власти научное и экспертное сообщество страны не отмечают как позитивный и продуктивный.

Для того чтобы представить процесс институционализации взаимодействия парламентских политических партий РФ при формировании и функционировании органов исполнительной власти субъектов РФ, диссертант считает необходимым рассмотрение основных типов институционализма²⁴. При этом акцентируя внимание на видных представителях научных школ, направленности в исследовании институционализмов и выделяя ракурс политических партий в интеракциях между ними. Такой подход поможет уяснить как сущность данного взаимодействия, так и совокупный эффект интеракционизма парламентских политических партий РФ в период 2000-х годов.

Итак, в основе исторического институционализма (Д. Ашфорд, С. Стейнмо) лежит проблематика первоначального институционального выбора. Вследствие этого политические партии в своей деятельности при формировании системы исполнительной власти меняют цели и средства достижения либо оставляют все так, как есть. Шведский политолог С. Стейнмо в ряде своих работ выделяет институты как некую парадигму участия политических сил в принятии решений и систему власти государства всеобщего благосостояния как итоговый комплекс политических результатов от взаимодействия этих сил. На примере Швеции данный автор иллюстрирует сущность первоначального институционального выбора, гарантировавшего набор позитивных результатов. А это относительно

²⁴ Подробнее: Клычков А.Е. Проблематика развития политических партий в ракурсе основных теорий и разновидностей институционализма // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Том 14. – №3. – С. 57–78.

однородная культура страны, небольшое население, «избирательные институты, быстрая индустриализация»²⁵.

В ракурсе нормативного институционализма (Джеймс Дж. Марч и Йохан П. Олсен) доминирующим фактором в функционировании институтов становятся нормы и ценности, что позволяет парламентским политическим партиям либо жестко конкурировать за идеологическую повестку дня, либо осуществлять символический интеракционизм. Эти ученые полагали, что институты как нормы и ценности, стали более мощными, куда более сложными, чем ранее, ресурсными, важными для коллективной жизни. Ведь даже в моделях рациональной конкуренции, считают эти авторы, существует большое количество акторов, каждый из которых «в течение неопределенно долгого времени предвосхищает действия и реакции других»²⁶.

И именно на основе норм и ценностей в период 2000-х годов парламентские политические партии РФ приходили к символическому консенсусу, что давало основание для широких интеракций этих политических сил на общенациональном и субнациональном уровнях. Следствием данного процесса становится как активный диалог партийных отделений партий в разрезе политических действий по формированию системы исполнительной власти в субъектах РФ, так и проведение широких политических компаний. Такая система взаимодействия обеспечивала институциональное строительство в российских регионах, институциональные реформы (формирование Общественных палат, диалоговых площадок), обеспечивающие существенное приращение коллективного блага, развитие и прогресс территорий.

Реальные цели при взаимодействии парламентских политических партий РФ как институтов можно проследить в рамках теории рационального

²⁵ Стейнмо С. Управление государством как техническая задача: политическая экономия шведского успеха С. Стейнмо // Политика в эпоху жесткой экономии / под ред. А. Шефара, В. Штрика; пер. с англ. А.А. Алвертян, Н.С. Глазкова, А.Г. Кузянина, Д.В. Мышьяковой, А.А. Порецковой; под науч.ред. А.А. Порецковой, И.В. Соболевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – С. 123.

²⁶ March J.G. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / James G. March, Johan P. Olsen – New York, London: The Free Press, 1989. – 228 p.

выбора (Д. Норт, О. Уильямсон, Э. Остром). В основе этой теории правила и, соответственно партии, либо выступают за соблюдение принятых правил (формальных или неформальных), либо игнорируют часть функционирующих в политической системе правил. Д. Норт отмечает, что формальные правила не составляет труда изменить достаточно быстро путем принятия политических или юридических решений. Но для акторов, к числу которых относятся и политические партии, важны и неформальные ограничения, воплощенные «в обычаях, традициях и кодексах поведения»²⁷.

К примеру, в конце 2011 – начале 2012 годов КПРФ могла бы стать одним из организаторов широкомасштабных политических протестов против политического режима (Болотная пл. в Москве). Но, в отличие от организации «Левого фронта» С. Удальцова, не стала этого делать, поскольку это было связано с неформальными правилами по поддержанию политической стабильности в стране, некоем кодексе поведения, принятого среди парламентских партийных структур. Точно так же, как в 1996 году лидер КПРФ Г. Зюганов не стал выводить на акции протеста против имевших место фальсификаций во втором туре президентских выборах, победу на которых признали за действующим главой государства Б. Ельциным.

Система особых «контрольно-пропускных пунктов» лежит в основе структурного институционализма. Дж.Л. Прессман, А. Вильдавски отмечают, что в процессе взаимодействия многие совместные программы постигает неудача, если не может быть «достигнуто политическое согласие»²⁸. Стоит также добавить, что в рамках структурного институционализма, контрольно-пропускные пункты позволяют предотвращать некоторые акции и интеракции политических партий, блокировать их деструктивные действия. Социальный институционализм (Ф. Шмиттер, Р. Родс, Д. Марш)

²⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С.21.

²⁸ Прессман Дж.Л. Реализация программы / Дж, Л. Прессман, А. Вильдавски // Классики теории государственного управления. Американская школа; под ред. Дж. Шафтица, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 460–466.

предусматривал социальные связи групп интересов, политических партий и государства (неокопоративизм²⁹), в рамках которых имеют место стабильные и нестабильные модели взаимодействия, влияющие на работу госструктур.

Исследуя проблематику институционализма, важно обратить внимание и на научный подход П.Дж. Димаджо и У.В. Пауэлла. В институциональном определении, или структуризации, эти исследователи обращают внимание на четыре важных элемента. Во-первых, на усиление взаимодействия организаций, в нашем случае парламентских политических партий. Во-вторых, на появление неких межорганизационных структур паттернов коалиционного сотрудничества (coalition) при формировании власти. В-третьих, на усиление роли информации в работе партийных структур в поле. И в-четвертых, на развитие взаимной осведомленности политических акторов о том, что «они вовлечены в совместную активность»³⁰.

Ф. Анкерсмит, специалист по политической репрезентации (представительству) и эстетической политике, предлагает в своих работах следующую гипотезу, которая является некоей базой для эффективного взаимодействия парламентских политических партий и которая легитимирует эти интеракции. В рамках парламентской демократии, где население, в том числе и посредством политических партий, избирает своих депутатов, а те – исполнительную власть, имеется некий эстетический разрыв. Суть этого разрыва – народный избранник, который и формирует власть, выступает не поверенным избирателя, а всего лишь делегатом избирателя. И соответственно, избранный депутат должен иметь свою автономию по отношению к тем, кто его выбирал в представительные органы. На этом разрыве и базируется легитимная политическая власть.

²⁹ Шмиттер Ф. Неокопоратизм // Полис. – 1997. – №2. – С. 14–23.

³⁰ Димаджо П.Дж. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / П.Дж. Димаджо, У.В. Пауэлл // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 164–192.

Следовательно, она (власть), созданная «эстетической репрезентацией, и есть по существу легитимная политическая власть»³¹.

Разумеется, взаимодействие парламентских партий при формировании системы исполнительной власти базируется на определенном типе культур. Г.А. Алмонд и С. Верба, обосновывая парохильную, подданическую и участническую культуру, подчеркивали, что интеграция участнической политической культуры Запада («активистская» роль личности в политике³²) в развивающиеся страны, как правило, трудноосуществима. К таким странам они относили государства Центральной и Восточной Европы, СНГ. В России, на наш взгляд, в большей мере доминирует подданическая политическая культура. Однако в последние десятилетия в деятельности ряда политических сил все в большей мере прослеживаются и ростки участнической культуры.

Таким образом, явная связь между ценностями социальных групп и демократическими институтами преподносится этими авторами с точки зрения «институциональной» концепции. Согласно институциональному объяснению Р. Инглхарта и К. Вельцеля, «имеющийся демократический опыт общества оказывает мощное воздействие на политическую культуру масс»³³. «Культурный» детерминизм Ш. Эйзенштадта, напротив, убеждает ученых и практиков в том, что ценности культуры ряда наций (цивилизаций) оказывают более сильное воздействие на последующее развитие демократии. Впрочем, современные сдвиги предполагают, как считает Д. Тросби, «разрушение господствующей позиции норм высокой культуры высших и

³¹ Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. – М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2012. – 288 с.

³² Алмонд Г.А. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры / Г.А. Алмонд, С. Верба // Политика. – 2010. – №2 (57). – С. 122–144.

³³ Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель / пер. с англ. М. Коробочкин. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

средних классов и создание культуры, складывающейся из транзакций «обычных» людей»³⁴.

Вслед за Ш. Айзенштадтом, Р. Инглхартом и К. Вельцелем, российские политологи, с одной стороны, выделяют значимую роль культуры в политическом поведении институтов, с другой стороны, считают культуру и институты двумя сторонами одной медали: «институты являются продуктом культуры и общества, а культура и общество, в свою очередь, – результирующей действия институтов»³⁵. Применительно к деятельности политических партий важен учет формирующего тренда, при котором, как отмечает ряд авторов (В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров), появляется возможность становления промежуточных институтов как определенного моста на пути движения к инклюзивным институтам, структур с эффективной обратной связью между ними и различными социальными слоями и группами, разумеется, с учетом адекватного культурного контекста.

Следуя логике исследования политических институтов, мы неизбежно переходим к процессу институционализации. Д. Асемоглу, исследуя процесс институционализации отмечал, что индивиды имеют предпочтения относительно различных политических институтов потому, что они «предвидят различные действия, которые политические акторы предпримут при этих институтах, а значит и различные политические меры, и общественные выборы, являющиеся результатом этих действий»³⁶.

Разные подходы к пониманию сущности «институт», «институционализм» диссертант изложил в своей научной статье³⁷. Вместе с

³⁴ Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнareвой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 256 с.

³⁵ Федотова В.Г. Культура, институты, политика / В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров // Политические исследования, 2018. – №1. – С. 143–156.

³⁶ Асемоглу Д. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асемоглу, Дж. А. Робинсон / пер.с англ. С.В. Моисеева; под науч. Л.И. Полищука, Г.Р. Сюняева, Т.В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2018. – 512 с.

³⁷ Клычков А.Е. Проблематика развития политических партий в ракурсе основных теорий и разновидностей институционализма // Среднерусский вестник общественных наук, 2019. – №3. – С. 57–78.

тем, автор считает, что политические институты – это нормы, правила и традиции по поводу распределения властных ресурсов, вошедшие в привычку. Степень полезности политических институтов определяется тогда, когда функционирующая политическая власть де-факто является преходящей. В свою очередь, преходящий характер власти может быть итогом различных экономических, социальных шоков политической системы.

Политические институты связаны с контролем и историчны (первоначальный институциональный выбор). В то же время институционализация взаимодействия политических партий является процессом, который «имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода»³⁸. Институты отличаются от учреждений, которые (учреждения) представляют собой конкретные организационные структуры.

Следствием функционирования институтов в политических системах национальных государств, включая постсоветскую Россию, являются институциональные практики и институциональные изменения, которые достаточно основательно исследованы отечественными политологами, такими как: С.П. Перегудов, И.С. Семененко, П.В. Панов, Г.Л. Купряшин и др.

Г.Л. Купряшин полагает, что в любой институциональной системе «институты «сцеплены» друг с другом. Они дополняют друг друга и образуют непрерывное институциональное пространство»³⁹. К примеру, такая конгруэнтность, поддерживающая единство и устойчивость институциональной системы, характерна для института государства и парламентских политических партий. Совокупность же институтов во времени представляет собой институциональные траектории. Г.Л. Купряшин

³⁸ Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Изд-во «Медиум», 1995 г. – 338 с.

³⁹ Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с.

выделяет два механизма, порождающих эти траектории. Это «локальные» институциональные инновации (жизнеспособные и нежизнеспособные) и целенаправленное институциональное строительство, как правило, при ведомай роли государства.

Рассматривая проблематику институтов и политических партий как элемент политической системы, важно исследовать их с точки зрения плюралистической и корпоративистской концепций. Ведь данные концепции выражают различные варианты (модели) взаимодействия заинтересованных лиц и государств. Правда, как считает ряд отечественных исследователей, их не стоит рассматривать как «равнозначные». Корпоративистская модель жестко очерчена областью взаимодействия интересов групп и государства, плюралистическая же имеет выход на весь ландшафт взаимодействия общества и государства, в котором определяет характер политической системы. При этом наряду с «плюрализмом групп она включает плюрализм партий, средств массовой информации, у нее есть свои идеологические, ценностные, социально-психологические и т.п. измерения»⁴⁰.

Проблематика соперничества и сотрудничества политических партий в партийно-политических системах тесно связана и с категорией «демократии», «моделей демократии». Французский политолог А. де Токвиль, исследуя демократические конкурентные процессы в США, отмечал наличие конкуренции между политическими партиями (республиканской и демократической – авт.). Однако при этом де Токвиль выделяет главное: в Америке обе партии были согласны насчет наиболее существенных пунктов. Ни той, ни другой, чтобы победить, не нужно было «ни разрушать старинного порядка, ни производить переворота во всем общественном строе»⁴¹.

⁴⁰ Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство / С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семененко И.С. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.

⁴¹ Токвиль де А. О демократии в Америке: перевод с 14-го французского издания. – М.: Книга по требованию, 2016. – 636 с.

Таким образом, конкурентные политические партии, которые владеют, по мысли де Токвиля, двумя важнейшими орудиями для достижения власти: периодической прессой и ассоциациями, – имеют в то же самое время и основу для согласия (консенсуса) как формы взаимодействия между собой в обеспечении развития страны. И партии в данном случае стали тем демократическим институтом, который направлен на достижение поставленной цели. Кстати, как считает Ю. Эльстер, воспевавший демократию в другой стране, француз А. де Токвиль «в своей оценке демократической системы в Америке хвалил ее за те эффекты, что по сути являлись побочными продуктами»⁴². Иначе говоря, успехи в США в социально-экономическом развитии второй половины XIX века были побочным результатом строительства в государстве демократических институтов.

Британский политолог Дэвид Хэлд пока еще не является классиком политической науки, однако ряд его работ, в том числе и в области теории демократии, сейчас является достаточно цитируемым в зарубежной и отечественной политической науке. Кстати, на сегодняшний день в политологии отмечено порядка двух десятков научных подходов к определению демократии, в рамках которых существуют и различные научные школы. Д. Хэлд посвятил свое исследование моделям демократии⁴³, где не только дал основательную и аргументированную интерпретацию этих моделей (классическая демократия, республиканизм, либеральная демократия и прямая демократия), но и внес свой научный вклад в приращение знаний по концепту «совещательной демократии», которая по смыслу близка к партиципаторной модели демократии.

Однако вернемся к дефиниции «моделей демократии» в разрезе политического участия и взаимодействия парламентских политических партий. В этой связи имеет смысл обратиться к некоторым из имеющихся

⁴² Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода А. Морозов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 296 с.

⁴³ Хэлд Д. Модели демократии. Третье издание / пер. с англ. М. Рудакова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.

моделей. Это: 1) классическая либеральная или представительная демократия (Д. Мэдисон), 2) охранительная демократия (И. Бентам), 3) партиципаторная демократия, или демократия участия (К. Пейтман, К. Макферсон, Н. Боббио), 4) элитарная демократия (Й. Шумпетер), 5) плюралистическая демократия (Г. Экстайн), 6) развивающая демократия (Д.С. Миль, А. Сен), 7) делегативная демократия (Г. О'Доннел), 8) марксистская модель, 9) мониторинговая демократия (Дж. Кин), 10) превентивная демократия (Ф. Закария), 11) отзывчивая демократия (А. Этциони) и др.

В этой связи диссертант отмечает, что в каждой модели отводится особая роль функционирующим парламентам. К примеру, в рамках *классической либеральной или представительной демократии* парламент является одним из механизмов, защищающих людей от произвола исполнительной власти. В центре *модели охранительной демократии*, являющейся системой конституционной демократии, опять же находится парламент, который формирует формальные правила, ограничивающие государственную власть. В ракурсе *партиципаторной модели демократии* граждане участвуют в обсуждении и принятии решений, в том числе и через парламенты. В разрезе *элитарной демократии*, в процессе функционирования которой есть правящее меньшинство и невластвующее большинство, именно большинство через выборы парламенты передает право меньшинству принимать политические решения и руководить политическим процессом.

Важно также отметить, что за последние десятилетия политологами предложены и новые модели демократии. К примеру, *делегативная демократия* обоснована Гильермо О'Доннеллом на основе обобщения опыта политического развития новых демократий в Латинской Америке, на Филиппинах и посткоммунистических странах. Делегативная демократия носит резко выраженный мажоритарный характер. Это заключается в том, что путем справедливых выборов она «формирует большинство, которое

позволяет кому-либо на несколько лет стать единственным воплощением и толкователем интересов нации»⁴⁴.

В рамках делегативной модели демократии важно рассмотреть и парламентскую демократию как одну из ее вариаций. Именно данная форма представительной власти играет важную роль во взаимодействии парламентских политических партий РФ на федеральном и региональном уровнях. Исследуя парламентскую демократию, к примеру, Дж. Локк отмечал, что в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, «собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы»⁴⁵. Вопросам исследования моделей демократии диссертант посвятил одну из своих научных статей⁴⁶.

Один из крупных исследователей политических партий П. Игнаци отмечал взаимозависимость между партиями и демократией. И привел данные о том, что в 20 укоренившихся и очень молодых (и еще только экспериментирующих) демократиях подавляющее большинство людей заявляет, что партии необходимы: в 13 странах доля тех, кто говорит, что партии не нужны, ниже 10%; в 6 других – от 10 до 20%; в то же время только на Украине, где стандарты демократии весьма сомнительны, доля таковых поднимается до 26%⁴⁷. Среди семи стран с наиболее сильными антипартийными настроениями только две – Япония и США – являются укоренившимися демократиями. Эти данные входят в некоторое противоречие не только с организационным закатом партий, но и с низким доверием и низкой оценкой их роли.

⁴⁴ О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Политология. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006. – С. 255–257.

⁴⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. – М.; Челябинск: Социум, 2018. – 494 с.

⁴⁶ Клычков А.Е. К вопросу об основных моделях демократии: институт политических партий в условиях конкурентных демократических процедур // Научные ведомости Белгородского государственного университета, 2019. – №4. – С. 774–782.

⁴⁷ Игнаци П. Партии и демократии в постиндустриальную эру / П. Игнаци // Политическая наука. – 2010. – №4. – С.49–77.

Конечно, стоит учитывать, что политический процесс в странах Запада с его сложившимися институтами и участнической политической культурой и политический процесс в постсоветской России с ее не сформировавшимися институтами, историческими традициями и культурой не один и тот же процесс. Поэтому в свое время исследователь Л. Пай выделил в особый тип процесса – незападный политический процесс, для которого характерны: «наличие политических клик..., отсутствие интеграции его участников, серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений»⁴⁸.

Достаточно интересная точка зрения на политические процессы имеется у Г.А. Алмонда и С. Вербы, которые под ним (процессом) понимают «исходящие от общества требования», которые «поступают в политику и конвертируются во властную политику»⁴⁹. При этом среди структур, преимущественно включенных в процессы на «входе», эти исследователи выделяют прежде всего политические партии, группы интересов и средства коммуникации. Отдельно Г.А. Алмонд и С. Верба выделяют административный процесс, или процесс на «выходе». Для этих авторов административный процесс – это череда событий и решений, где реализуется и воплощается в жизнь властная политика.

При исследовании процесса конкуренции (соперничества) и иных интеракций (взаимодействий) политических партий особое значение приобретает институциональная среда, в которой разворачиваются действия различных акторов. В данном случае стоит привести классическое определение В. Парето в отношении условий для данного процесса, которые были актуальны и за сто лет до написания работ итальянского политического мыслителя (первые два десятилетия XX века) и которые сохраняют свою актуальность и сто лет спустя (два десятилетия XXI века). О феноменах социально-экономического развития западных обществ В. Парето пишет в работе «Трансформация демократии».

⁴⁸ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука, 2003. – №2. – С.66–75.

⁴⁹ Г. А. Алмонд Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры / Г.А. Алмонд, С. Верба // Полития, 2010. – №2 (57). – С. 122–144.

Если мы очистим этот процесс, подчеркивает данный исследователь, от случайных воздействий, то сможем отметить следующие характеристики: 1) стремительный рост богатства, накоплений, капитала, вложенного в производство, 2) такой способ распределения, который предполагает сохранение неравенства, 3) «постоянное возрастание значения двух общественных классов, а именно богатых спекулянтов и рабочих, или, если угодно, трудящихся»⁵⁰. Согласитесь, что констатация В. Парето институциональной среды Италии начала XX века соотносится со многими характеристиками экономики и политики постсоветской России периода 2000-х годов, которые учитываются современными политическими партиями РФ в политическом взаимодействии между собой.

Исследуя различные интересы акторов конкурентного процесса, в который вступают политические партии, мы неизбежно сталкиваемся и с категорией конфликта как крайней формы политического взаимодействия. Один из основателей конфликтологической парадигмы Р. Дарендорф полагает, что в основе конфликта – социальная база политических разногласий, которая в современном обществе стала такой же неясной, как и партийные структуры, служащие рупором этих разногласий. Исследовав структуру разногласий, Р. Дарендорф дает определение социального конфликта, который, по его мнению, связан с действием неравенства, ограничивающего полноту «гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами»⁵¹. Важное значение при этом, по Р. Дарендорфу, отдается правам, которые реализуют положение гражданина как статус.

Итальянский политолог Дж. Сартори исследовал партии с точки зрения теории «среднего уровня» и также в рамках теории конфликта. Данный исследователь отмечал, что политические общества реального мира являются

⁵⁰ Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.

⁵¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

более или менее: «а) обладающими консенсусом или конфликтными; б) интегрированными, сегментированными или дезинтегрированными; в) однородными или разнородными, едва ли удивительно, что теориям консенсуса общества должен быть брошен вызов со стороны конфликтных теорий общества и наоборот»⁵². Выигрышный путь теории демократии, по оценке Дж. Сартори, если состояние общества более или менее «согласительно конфликтно», просто представляет собой набор развивающих или затрудняющих характеристик, в рамках которых функционирует демократия.

При этом необходимо отметить, что ключевую роль партий, партийно-политического процесса и функционирования партийной системы обозначил и ввел в научный оборот отечественный исследователь М. Острогорский (1854-1921 гг.), который на базе обширного эмпирического материала функционирования политических партий Англии и США существенно прирастил научные знания в данных аспектах. Опубликованная в 1898 году работа «Демократия и политические партии» дает системный анализ процесса перехода от традиционного общества к демократии. Кроме того, она представляет в научном дискурсе значение всеобщих выборов в качестве механизма политической мобилизации граждан, раскрывает ролевую функцию взаимодействия социальных групп и слоев населения с политическими партиями.

Интересен и тезис М.Я. Острогорского о том, что партия может представлять собой всего лишь вывеску, необходимую для прикрытия глубоких расхождений во мнениях, борьбы между фракциями. При этом такая борьба может быть иногда более ожесточенной, чем борьба с соперничающей партией. Анализируя институт партии, отечественный политолог ввел в научный оборот понятие «кокус» как феномен

⁵² Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. Сборник статей / Пер с англ., нем., исп., венг., итал., составитель Киселева Е.А. – М.: Политологический центр РАУ, 1992. – С.122–127.

возникновения особой политической машины, позволяющей лидерам сосредоточить власть над партийными структурами.

Французский политолог М. Дюверже, посвятив свое классическое исследование данному институту, дал следующее определение политических партий, понимая под ними как «большие народные организации, которые выражают общественное мнение в современных демократиях, так и враждующие группировки в республиках и кланы»⁵³. Структура некоей универсальной теории партий по М. Дюверже выглядит следующим образом: появление партий, инфраструктура данных организаций, членство, классификация, внутренняя власть в партии, взаимодействие партий с парламентом, с депутатами и др.

В условиях конкурентного демократического процесса парламенты именно партии являются носителями партийных программ, доктрин, лозунгов, предлагающих свой путь к развитию страны, прогрессу, и именно они наиболее гармонично подвержены как соперничеству в борьбе за власть, так и возможному сотрудничеству (транзакциям) между собой. Кстати, М. Дюверже большое внимание в исследовании отводил анализу сущности данного политического явления, подчеркивая, что главной движущей силой формирования политических объединений выступает общность политических доктрин (по Г. Моска доктрина – это «политическая формула, образующая моральную основу власти»⁵⁴).

Свое понимание партий как игроков, последовательно играющих в разные игры, и предположение о том, как избиратели перед выборами в парламент «вырабатывают основные партийные предпочтения»⁵⁵, сделал Ф.У. Паппи. В представлении данного исследователя центральным моментом модели рационального избирателя является близость «идеальных

⁵³ Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. Л.А. Зиминной. – М.: Академический Проект, 2002. – 560 с.

⁵⁴ Моска Г. История политических доктрин / Г. Моска; пер с итал. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 2012. – 326 с.

⁵⁵ Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С.262–281.

представлений» избирателя и его восприятий или иной партии по конкретным вопросам. Ну, а поскольку между рядом близких по идеологии партий есть символическое согласие по ряду проблем в разрезе их решения, то возникает возможность для их взаимодействия между собой, причем как на общенациональном, так и на субнациональном уровнях.

Французский политолог М. Дюверже в 1950-е годы типологизировал политические партии, выделяя кадровые и массовые партии. Уже тогда М. Дюверже в левых партиях Западной Европы предугадывал партии современного типа, с глубоким осознанием членами партии доктрин, организационных сложностей, высокой централизации власти⁵⁶. Свое понимание партий как политических игроков, последовательно и азартно играющих в разные игры, предложил Ф.У. Паппи. Как и предположение о том, как избиратели перед выборами в парламент «вырабатывают основные партийные предпочтения»⁵⁷.

В представлении данного исследователя центральным моментом модели рационального избирателя является близость «идеальных представлений» избирателя и его восприятий или иной партии по конкретным вопросам. Ну, а поскольку между рядом близких по идеологии партий есть символическое согласие по ряду проблем в разрезе их решения, то возникает возможность для их конструктивного взаимодействия между собой, причем как на общенациональном, так и на субнациональном уровнях.

Политолог С.М. Липсет полагал, что в политических партиях логично видеть организации-посредники между государством и избирателями. Кроме того, доминирующим критерием функционирования стабильной демократии в государствах являются парламентские партии с хорошей базой поддержки. Такая поддержка, по оценке политолога, должна быть настолько не критичной, чтобы «никакие, даже самые явные политические просчеты и

⁵⁶ Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. Л.А. Зиминной. – М.: Академический Проект, 2002. – 560 с.

⁵⁷ Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С.262–281.

скандалы не смогли бы ее ослабить»⁵⁸. Г. Экштайн выделял особую миссию в обществе парламентских партий, способных не только к взаимодействию друг с другом, нахождению политического компромисса, но и в интересах большинства избирателей, готовых обеспечить «выход на создание коалиционного правительства»⁵⁹.

Р. Михельс, изучая феномен политических партий, отмечал глубокую связь данного института с институтом парламентаризма. Он предлагал следующий ракурс рассмотрения партий, в котором партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа, которую она должна реализовывать. И далее, «партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов, находящихся там»⁶⁰. Данное утверждение является актуальным и востребованным в политических практиках современных политий и принципиально значимо для понимания роли парламентских партий в РФ.

Еще одна дефиниция, которая будет полезна в нашем исследовании, это «картельная партия», сущность которой (-ых) изучили Р.С. Кац и П. Мэйр. Именно эти авторы ввели в научный дискурс понятие «картельная партия» как некий феномен к пониманию модели межпартийного сговора или сотрудничества, а также конкуренции. Более того, авторы за разработкой данного политического явления видят больше, чем просто партийный институт. Они [эти исследователи] настаивают на том, что предложенный ими конструкт является не чем иным, как влиянием государства на сам институт партий. Р.С. Кац и П. Мэйр справедливо полагают, что появившаяся «картельная партия» – это такой тип партий в демократических

⁵⁸ Липсет С.М. Размышление о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. / Научный редактор С. Кордонский. – М.: «Бек XX и Мир», 1994. – С. 10–26.

⁵⁹ Eckstein G. Rationale Wahl im Mehrparteiensystem. Die Bedeutung von Koalitionen im raumlichen Model der Parteienkonkurrenz. – Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 1995. – 308 p.

⁶⁰ Михелс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Вся политика. Хрестоматия / Сост. В.Д. Нечаев, А.В. Филиппов. – М.: Издательство «Европа», 2006. – С.158–168.

политиях, который характеризуется «взаимопроникновением партии и государства и тенденциями сговора между партиями»⁶¹.

По мнению польского политолога Э. Внук-Липиньского, партии в политической системе служат организационным инструментом возведения во власть через парламентские выборы собственных кандидатов. Вследствие таких явно выраженных интересов они представляют собой самый важный канал интеграции активных граждан в политическую элиту. При этом, отмечает политолог, партия (или коалиция партий), которая «создает правительство, располагает властью – в границах действующих обязательных процедур, – позволяющей реализовать политическую волю, выработанную руководящими органами этой партии и поддерживаемую теми социальными тылами, которые партия сумела к себе привлечь и удержать»⁶².

Один из представителей неоинституционализма Джон Х. Олдрич в статье «Политические партии в стенах легислатур» в сборнике научных работ 2006 года, посвященном политическим институтам, отмечает следующее. Партия, с точки зрения организации, – это структура с «наличием активистов, ресурсов и специалистов по проведению кампаний, то есть с теми, кто является посредником между общественностью и правительством»⁶³. Данный исследователь подчеркивает, что в диалоге с обществом она проявляет себя иногда довольно незаметно, иногда весьма заметно, иногда автономно от своих представителей в правительстве, содействуя тем самым расширению своего влияния. И это серьезный сдвиг в оценке деятельности самого института партий.

Не менее важное значение для диссертационного исследования имеет дефиниция «парламентская партия» с учетом специфики национального государства. Согласно действующему законодательству РФ, политическая

⁶¹ Кац Р.С. Картельная партия: возвращение к тезису / Р.С. Кац, П. Мэйр // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 77–113.

⁶² Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни / пер. с польского Е.Г. Генделя. – М.: Мысль, 2012. – 536 с.

⁶³ Aldrich J. H. Political Parties In and Out of Legislatures // The Oxford Handbook of Political Institutions; Edited by R.A. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. – P.555-576.

партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан РФ в политической жизни общества. А также для участия в общественных и политических акциях, «в выборах и референдумах, а также» для «представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»⁶⁴. Парламентская партия – это партия, федеральный список кандидатов которой был допущен к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации⁶⁵.

На основании вышеизложенного диссертант считает необходимым предложить свое авторское определение парламентских политических партий. По нашему мнению, это вид партий, акторов политического процесса на общенациональном и субнациональном уровнях, который является доминирующим элементом в политической системе страны и в территориальных политических системах (ТПС). *Парламентские политические партии, функционируя в институциональной среде, артикулируют интересы социальных групп и индивидов, обобщают, то есть агрегируют эти интересы в виде партийных платформ, перенося их посредством успешных парламентских выборов в принятие решений по поводу этих интересов. Основной функцией парламентских политических партий следует считать их реальную, а не имитационную борьбу за власть с целью формирования парламентского большинства, последующих интеракций между собой по поводу формирования правительства.*

Таким образом, по оценке исследователя партиом К. Лоусона «от партий ожидается, что, формируя тесную связь между гражданами и государством, они закладывают фундамент демократии»⁶⁶. Отечественные партологи (А.Н. Кулик, Б.А. Исаев, Ю.Г. Коргунюк и др.), вносящие свой

⁶⁴ О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. – 16.07.2001. – № 29. – Ст. 2950.

⁶⁵ О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами: Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. – 18.05.2009. – № 20. – Ст. 2392.

⁶⁶ Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука, 2010. – №4. – С.29–142.

вклад в исследования общего и особенного в институционализации и развитии политических партий в РФ, как правило, обращают внимание на особенности парламентских политических партий РФ в борьбе за власть. И в данном случае включение парламентских партий в систему власти – цель любой партии, а «достижение этой цели – логический итог партийного строительства»⁶⁷. Данный подход в оценке главной функции политических партий совпадает и с исследованиями западных ученых.

Стоит отметить, что к 2000 году (начало временных рамок нашего исследования) в России уже оформился ряд важных итогов в партийно-политической конфигурации, на которые обращает внимание отечественный исследователь И.К. Кисовская. Среди позитивных – из кружков соратников партии превратились в организации со своими уставными документами, более или менее значительной региональной сетью, определенными кадрами⁶⁸. В остальном специалистом по партийной проблематике отмечены достаточно негативные тренды в развитии данного института. В частности, по оценке И.К. Кисовской, это отсутствие густой сети местных организаций. Это также то, что ни одна из партий не стала эффективным инструментом консолидации политической и экономической элиты, в условиях размытости целевых аудиторий оказалась не востребованной идеологическая и программная идентичность партий. Ну, и, наконец, ни в содержании, ни по функциям политические партии страны не стали значимым компонентом государственного устройства и локомотивом продвижения ценностей демократии в российское общество.

Рассматривая цифровые показатели численности политических партий в РФ в период 2000-х годов, стоит выделить определенную синусоиду количественного параметра данного института: в период 90-х годов, начале «нулевых» рост их численности, затем падение, а потом опять рост. Согласно

⁶⁷ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.

⁶⁸ Кисовская И.К. Партии и перспективы демократизации в России // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: ООО «Феникс+», 2001. – С. 444–463.

официальным данным, к выборам в Государственную Думу 2003 года их было 44, в 2009 году – 7 (не последнюю роль в этом сыграла и норма увеличения минимальной численности членов партии с 10 тысяч до 50 тысяч человек). Новая партийная реформа (отмена сбора подписей, численность членов не менее 500 человек) мотивировала увеличение числа зарегистрированных партий до 76 на середину 2015 года⁶⁹.

Исследуя конкурентные действия политических партий России периода 2000-х и другие их взаимодействия на федеральном и региональном уровнях, стоит обратить внимание на их идеологическую основу. В этой связи имеет смысл рассмотреть современные парламентские политические партии, представленные в Государственной Думе с 2003 года, в ракурсе политических идеологий. Для партии «Единая Россия» – это консервативная идеология («консерватизм предлагает развитие ради повышения эффективности политической и экономической общественных подсистем»⁷⁰). Для КПРФ и «Справедливой России» – это социалистическая идеология, для «Яблоко» – либеральная. ЛДПР – вождистская партия по сути, но по программным документам – либеральная, для «Родины», работавшей в парламенте РФ в 2003 – 2007 гг. – националистическая идеология.

Проблематика принятия партией «Единая Россия» своей идеологии достаточно сложна и противоречива. Официально идеологией партии является консерватизм. Вместе с тем, в самой партии в «нулевые» годы функционировало несколько клубов с тремя идеологиями: социализм, либерализм, консерватизм. Лишь во втором десятилетии 2000-х годов данные платформы были ликвидированы. Кроме того, текущая политическая практика не подчеркивает того факта, что партия «Единая Россия» сделала ставку именно на идеологию консерватизма, партия не педалирует эту

⁶⁹ Попова О.В. Партии и партийные системы. Основные тенденции развития партологии в России / О.В. Попова, Я.Ю. Шашкова, Ю.Г. Коргунюк, Б.А. Исаев // Структурная трансформация и развитие отечественных школ политологии: Научное издание; под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – С. 116–117.

⁷⁰ Симонов К.В. Формула консервативной партии: государство, эффективность, модернизация // Библиотека Единой России: Действия. – М., 2006. – С. 3–5.

идеологию из-за стремления не оттолкнуть от себя избирателей во время проведения избирательных кампаний.

Стоит отметить еще один очень важный аспект, на который акцентировал особое внимание С.П. Поцелуев. Данный исследователь, несмотря на наличие к 2016 году более 70 официально зарегистрированных политических партий, выделяет три основные институционализированные символические партии: «демократы-западники, имперские националисты, коммунисты-националисты – в России формируется ограниченный национально-символический (патриотический) тип символическое уравнивание крайностей и диалог национальных символов»⁷¹. Данное утверждение С.П. Поцелуева позволяет нам предложить свою гипотезу о возможности и необходимости не только символического интеракционизма 4 парламентских политических партий в Государственной Думе РФ и в региональных законодательных собраниях, существенно влияющих и на власть исполнительную, но и долговременный консенсус между ними.

Политические партии РФ как институт национальной политической системы не изолирован от других институтов, к примеру, от государства. Институт государства в постсоветской России не только формирует законодательство о политических партиях, создавая определенные условия для их деятельности, регистрирует их (Минюст), регулирует их деятельность, но и вступает с ними в интеракции. Примером такого взаимодействия, ориентированным на развитие данного института, является государственная финансовая поддержка, которая берет свой отчет с начала 2000-х годов.

Так, например, партия, набравшая на парламентских (или ее представитель на президентских) выборах более 3% голосов, получает финансирование из федерального бюджета. При этом сумма поддержки зависит от количества голосов – «по 152 руб. за один голос. Партии отчитываются о доходах и расходах в ЦИК (Центральную избирательную

⁷¹ Поцелуев С.П. Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание; под ред. Л.В. Сморгунюва. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – С. 218–222.

комиссию РФ). Так, в 2018 г. бюджет «ЕР» на 75% состоит из бюджетных средств, а у оппозиционных КПРФ, СР и ЛДПР более, чем на 95%»⁷².

Особый ракурс нашего диссертационного исследования – партии в социальных, политических, партийных, избирательных системах, где происходит их взаимодействие между собой, акции партий в парламентах (федеральных и региональных), правительствах (общенациональных и субнациональных). Теоретико-методологической основой в этом нам послужат работы Л. фон Берталанфи («Общая теория систем: критический обзор»), Д. Истона («Категории системного анализа»), Т. Парсонса («О социальных системах»), Н. Лумана («Социальные системы»), Э. Гидденса («Устроение общества») и др.

Л. Фон Берталанфи определял живые системы как «иерархически организованные открытые системы, сохраняющие себя или развивающиеся в направлении достижения подвижного равновесия»⁷³. Т. Парсонс, исследуя социальную жизнь и социальные системы (схемы), видит их как системы координат и описывает их как ориентацию одного или многих действующих лиц (акторов). При этом «данная схема, описывающая таким образом элементы действия и взаимодействия, является схемой отношений»⁷⁴. Политолог Д. Истон, в свою очередь, анализируя политическую жизнь, обозначал ее как «сложный комплекс процессов, с помощью которых определенные типы «входов» (inputs) преобразуются в «выходы» (outputs) (назовем их властными решениями)»⁷⁵. Данный ученый сравнивал политическую жизнь с поведенческой системой в определенной среде, с которой эта система взаимодействует.

⁷² Сводные финансовые отчеты политических партий за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_18.php (дата обращения 31.08.2019)

⁷³ Берталанфи фон Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / Общ ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Издательство «Прогресс», 1969. – С. 23–82.

⁷⁴ Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланоовского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

⁷⁵ Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006. – С.94–105.

Р. Таагапера и М.С. Шугарт, изучая политические партии и избирательные системы в разных государствах, пришли к выводу о том, что абсолютной свободы в выборе избирательных систем не существует. Эти системы ограничены общенациональными условиями и традициями. Более того, если одна или две крупнейшие политические партии преобладают в партийно-политических системах, то у них нет стимулов вводить в стране пропорциональную систему, «позволяющую малым партиям встать на ноги»⁷⁶, но при этом сдерживающую силу больших партий. Кстати, Р. Таагапера вместе с М. Лааксо принадлежит паттерн обоснования расчета эффективного числа политических партий в партийной системе национальных государств.

Интересен и взгляд М. Богаардса, С. Мэйнуоринга, Т. Скалии на «структурированные» или устойчивые партийные системы (в современной терминологии можно охарактеризовать как «институционализированные»). Данные исследователи определяют четыре критерия институционализации: 1) модели конкуренции постоянно воспроизводятся; 2) партии укореняются в обществе; 3) граждане и организации воспринимают партии и выборы в качестве единственных легитимных средств определения того, кому принадлежит власть; 4) партийные организации должны быть «относительно крепкими и сплоченными»⁷⁷.

Особый ракурс нашего исследования – проблематика становления партийной системы в РФ. Российский политолог А.А. Дегтярев еще в конце 90- годов XX века считал, что в нашей стране мы имеем партийную систему «умеренного плюрализма»⁷⁸. Учитывая, что эволюция партийной системы происходила не так радикально в середине «нулевых», как считает ряд отечественных исследователей, Россия «постепенно эволюционирует к

⁷⁶ Таагапера Р. Описание избирательных систем / Р. Таагапера, М.С. Шугарт // Политические исследования, 1997. – №3. – С. 114–136.

⁷⁷ Богаартс М. Избирательные системы и институциональный дизайн в новых демократиях // Демократизация / сост. и науч. Ред. К.В. Харпфер, П.Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч.ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюк. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С.379–401.

⁷⁸ Дегтярев А. А. Основы политической теории. – М: Высшая школа, 1998. – 239 с.

«полуторапартийной» системе, с наличием «большой» партии (партии власти) и «довеска» из числа малых партий. И региональные выборы эту тенденцию цементируют»⁷⁹.

1.2 Особенности политических интеракций парламентских партий в контексте формирования органов исполнительной власти

В данном разделе исследования автор обращается к анализу научных дефиниций для последующей их операционализации в работе: «акции» (действия), «транзакции» (сделки), «интеракции (взаимодействия)», «символический интеракционизм» «власть», «государственное управление», «эффективность взаимодействия». В целом же представленный понятийно-категориальный аппарат позволит нам провести четкую взаимосвязь между деятельностью парламентских партий, формированием органов власти и эффективностью государственного управления.

И, самое важное, мы намерены предложить более эффективную парадигму символического интеракционизма, в рамках которой политические партии вступают в диалог по ряду вопросов, заключают сделки (даже с последующими транзакционными издержками), а существующие практики взаимодействия между частью партий (интеракции) затем тиражируются и масштабируются на разных уровнях (локальном, региональном, общенациональном, глобальном).

Западный политолог Р. Арон, исследуя конструктивный и деструктивный потенциал соперничающих друг с другом политических партий, задает в своем исследовании логический и аргументированный вопрос: как добиться согласия (консенсуса) в государстве, где партии постоянно спорят между собой и воюют за власть? В данном разрезе для ответа на поставленный вопрос Р. Арон предлагает два метода.

⁷⁹ Нечаев Д.Н. Партийное строительство в регионах России: институционализация «полуторапартийной» модели // Вестник РУДН, 2007. – №1. – С.42–51.

Первый, по его оценке, связан с институтами государства и заключается в том, чтобы определенные функции и государственные служащие стояли над межпартийными спорами и разногласиями. Второй метод, как признается сам Р. Арон, еще более мучительный (правда при этом ученый охотно признает его достаточно действенным). Рецепт в снижении масштабов партийно-политической деструкции, по Р. Арону, состоит в том, что «устанавливаются ограничения действиям правителей – с тем, чтобы ни одна из групп не поддавалась искушению сражаться, а не подчиняться»⁸⁰. Данный подход и методы преодоления конфликтных деструкций нам представляются универсальными, достаточно эффективными для того, чтобы использовать их в качестве арбитража и в современной России.

Исследуя потенциал политических партий для развития страны и территорий, для приращения общего (публичного) блага, нужно иметь в виду различные формы взаимодействия: конфликт (включая деструкцию), конкуренция, соперничество, сотрудничество. При этом, как подчеркивает Э. Фромм, деструктивность встречается в двух различных формах: спонтанной и связанной со структурой личности. Под первой формой подразумевается проявление дремлющих деструктивных импульсов, которые активизируются при чрезвычайных обстоятельствах, в отличие от деструктивных черт, которые не исчезают и не возникают, а присущи конкретному индивиду или институту «в скрытой или явной форме всегда»⁸¹. Для деструктивных действий всегда существует ряд условий. Во-первых, имеются внешние обстоятельства: религиозные или политические конфликты, нужда и чувство обездоленности. Во-вторых, есть также субъективные причины – высокая степень группового нарциссизма на национальной или религиозной почве.

Для политических партий, как парламентских, так и внепарламентских, характерны универсальные действия (акции) в «мирный» период и в период

⁸⁰ Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с франц. Г.И. Семенов. – М.: Текст, 1993. – 303 с.

⁸¹ Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 624 с.

проведения избирательных кампаний (выборы в парламент, кандидатов в президенты и губернаторы). Эти действия могут быть как конструктивные, так и деструктивные, как с нарушением действующего законодательства, так и без нарушений оно. Стоит также отметить, что политическая традиция стран Запада практически исключает нелегитимные действия парламентских партий: Республиканской и Демократической партий в США, блока ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП, «зеленых», «левых» в ФРГ, Консервативной и Лейбористской партий в Великобритании.

Впрочем, примеры нелегитимных действий данных партий имели место: «Уотергейт» в США в 1972 году с «прослушкой» оппонентов, привлечение зарубежных средств Н. Саркози, который был кандидатом в президенты Франции от партии «Республиканцы» в 2007 году. Российская политическая традиция в деятельности парламентских политических партий («ЕР», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России») в период 2000-х годов как на общенациональном, так и на субнациональном уровнях имеет свои примеры конструктивной и деструктивной деятельности, проведения легитимных и нелегитимных акций (об этом пойдет речь ниже).

Не менее важным для нас является и теория политических сделок (транзакций), системного взаимодействия (интеракций) политических партий. Профессор Стэнфордского университета А. Грайф в рамках анализа институтов уделяет значительное внимание транзакциям. Под данной категорией исследователь понимает «действие, совершаемое, когда нечто (например, товар, социальная установка, эмоция, мнение или информация) переходит от одной социальной единицы к другой. Этими социальными единицами могут быть индивиды, организации или иные сущности ... Их считают действующими лицами те, чье поведение мы изучаем»⁸². По оценке исследователя, есть экономические транзакции (передается денежное вознаграждение), политические (голосование), социальное (одобрение

⁸² Грайф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнareвой; вступит. ст. М. Юдкевич. 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с.

обществом чего-либо). При этом сами совершаемые сделки, как правило, эмоционально окрашены, вызывают боль или выражают симпатию.

Если вернуться к межпартийным отношениям, то на понятие сделки (транзакции) как значимый элемент развития, по Р.Г. Коузу, влияют разные факторы, в том числе и «различное отношение правительств и других контролирующих органов»⁸³. Р. Коуз представил некоторые положения, в которых анализ государства как института и реализуемой данным институтом государственной политики проводился с использованием теории добровольного обмена (контракта). Однако взаимовыгодные договоренности и сделки осуществляют и политические партии, используя коузовский контракт, которые дают в целом общественно эффективную политику.

Более того, политический торг ведет к результатам, которые являются по Парето – эффективными или, по крайней мере, близки к общественно эффективным. Таким образом, парадигма взаимовыгодных политических сделок позволяет нам объяснить хорошие исходы. Ведь когда партии добровольно участвуют в сделках, то это практически исключает жульничество, ошибки и улучшает их положение. Правда при этом мы не должны упускать из виду то, что Р. Коуз назвал транзакционными издержками, поскольку иногда они бывают настолько высоки, что выгода от некоторых сделок не перекрывает расходов, связанных с ведением переговоров.

Вместе с тем, от научного подхода Р. Коуза со сделками и транзакционными издержками в сфере бизнеса, полагает ученый Р. Ронкалья, получили начало многие направления научных исследований в политологии, социологии и других науках, в которых политические институты в общем рассматриваются как результат процесса рационального выбора при «наличии транзакционных издержек (а также при наличии асимметрии информации, что приводит к возникновению проблемы «принципал –

⁸³ Коуз Р.Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995. (Вехи экономической мысли); Вып. 2. – С.11–32.

агент»))»⁸⁴. К примеру, в 2006 году за год до парламентских выборов в РФ была заключена сделка между «Партией Жизни» (С. Миронов), партией «Родина» (А. Бабаков) и Российской партией пенсионеров (И. Зотов) с образованием новой партии «Справедливая Россия: РОДИНА/ПЕНСИОНЕРЫ/ЖИЗНЬ».

В итоге, партия «Справедливая Россия» (С. Миронов) попала в Государственную Думу в 2007 году, аналогично сделав то же самое и в 2011, и 2016 годах. Однако сам проект оказался нежизнеспособным. В 2012 году при либерализации партийного законодательства партия «Родина» и Российская партия пенсионеров прошли регистрацию заново, не преодолев 5% барьер на выборах в 2016 году. И это при наличии определенной потенциальной базы избирателей. Лишь А. Журавлев (лидер партии «Родина») прошел в Государственную Думу по одномандатному избирательному округу, представляя в единственном числе свою партию в российском парламенте.

Исследователь механизмов власти М. Олсон, который прослеживал взаимосвязь между демократическим правлением и устойчивой тенденцией к экономическому росту, политическому развитию национальных государств, отмечает следующий факт: «Повсеместный опыт свидетельствует, что многие сделки, или транзакции, взаимовыгодны»⁸⁵. Однако неудачи часто случаются и с рациональными людьми, и с институтами, реализующими рациональную политику. В работе «Власть и процветание» М. Олсон доказывает, что правительство и политики от партий часто бывают причиной поразительно неэффективных результатов. Ведь крайнюю бедность ряда государств, считает он, трудно объяснить без учета системы плохого управления.

⁸⁴ Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли / пер. с англ., под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2018. – 656 с.

⁸⁵ Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. – М.: Новое издательство, 2012. – 212 с.

В политической теории ряд авторов указывал на различные форматы сделок между политическими партиями. При этом различные исследователи опирались на различные примеры политических транзакций и взаимодействий в партийно-политических системах различных государств Европы, США, Латинской Америки, Азии. К примеру, А. Пшеворский выделяет формат транзакций в виде заключения политическими партиями пактов. Как отмечает польский политолог, такие пакты опираются на давнюю традицию в Италии, Испании и Уругвае и называются «transformismo». Сущность оформления политических пактов или соглашений между лидерами политических партий (или протопартий), по мнению А. Пшеворского, заключается в распределении представительств в правительственных учреждениях «вне зависимости от результатов выборов, выявлении основных политических ориентаций и исключении или подавлении аутсайдеров»⁸⁶.

Научную проблематику взаимодействий (интеракций) глубоко и системно исследовал Н. Луман, которые, по его мнению, имеют определяемые границы. Они включают в себя всех, кого можно считать присутствующими. Интеракции «капитализируют» преимущества присутствующих и предоставляют их в распоряжение общества. Так, восприятие осуществляет прежде всего: 1) высокую комплексность приема информации при незначительной четкости анализа; 2) приблизительную синхронность и высокую скорость работы с информацией; 3) низкую способность к отрицанию и самоотчету; 4) способность к модализации коммуникации⁸⁷.

В общепринятом значении политическое взаимодействие представлено как в симметричных отношениях (союз, сотрудничество, соглашение), так и в асимметричных отношениях (конкуренция, нейтралитет, конфликт,

⁸⁶ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. / пер. с англ., под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 320 с.

⁸⁷ Луман. Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб.: «Наука», 2007. – 648 с.

гегемония). Таким образом, существуют различные виды интеракций (взаимодействий) и формы их проявления, которые характерны и для политических партий. Зарубежные исследователи П. Бергер и Т. Лукман, исследуя дефиницию взаимодействия, обращаются к образу «лицом к лицу», что более тонко передает, на наш взгляд, концепт интеракций. По оценкам исследователей, «в ситуации лицом-к-лицу есть непосредственная данность партнера, его действий, атрибутов и т.д.»⁸⁸.

Отечественные исследователи в политическом взаимодействии между акторами политики видят взаимное влияние, в рамках которого происходит определение и переопределение ценностей и символов субъектов политики. Сам же акт политического взаимодействия между акторами (в нашем случае партиями) подчеркивает готовность участников соотносить свои цели и интересы, которые интегрированы в многоуровневую систему политических отношений и расстановку политических сил. При этом важно подчеркнуть, что конкретные акты взаимодействия ориентируют исследователей и практиков на понимание механизмов становления и развития политического сообщества⁸⁹.

Опираясь на теорию интеракций (взаимодействий) в преломлении к институту политических партий, диссертант предлагает свое определение данного понятия. На наш взгляд, *взаимодействие парламентских политических партий представляет собой комплекс форматов, арен, приемов и технологий для обмена информацией, опытом и практиками, которые приводят к сотрудничеству или конфликтной деструкции, к приращению позитивных дел, багажа и потенциала либо к таргетированию и убыванию политического арсенала.*

Кроме того, диссертант подчеркивает и следующие важные аспекты. Во-первых, *институционализация взаимодействия парламентских*

⁸⁸ Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 338 с.

⁸⁹ Новая философская энциклопедия в 4-х томах / Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. Т. 1. – М.: Мысль, 2000. – 2659 с.

политических партий РФ в процессе формирования органов исполнительной власти на субнациональном уровне требует от сторон выход на качество государственного управления (хорошее управление), на его результативность (устойчивое социально-экономическое развитие), на проектируемую перспективу (прогресс регионов). Во-вторых, вследствие этого, мы выходим на понимание дилеммы взаимодействия, стоящей перед парламентскими политическими партиями в пространственно-временном континууме: либо деструктивный конфликт, либо продуктивное сотрудничество. Ставка на эгоистические интересы или приращение коллективного (общего) блага в субъектах РФ. При этом одна и другая линия поведения парламентских партий, диктуемых ее лидерами в рамках партийных доктрин, может как позитивно, так и негативно повлиять на рост доверия и поддержки партий и власти среди населения, на усиление ресурса данных институтов.

Таким образом, исследуя действия (акции), политические сделки (транзакции) и взаимодействия (интеракции) парламентских политических партий мы выходим на логическую взаимосвязь деятельности партийных структур, задействованных в принятии решений, и качествам государственного управления. Подчеркнем, что парламентские партии РФ активно участвуют в процессе формирования и функционирования системы исполнительной власти в российских регионах. На наш взгляд, это выглядит обоснованным. Тем более что некоторые авторы, исследующие роль политических партий, конкуренцию в рамках демократического процесса и их взаимодействие друг с другом (К. Джанда), пытаются объединить демократический процесс и результаты предоставления благ государством в понятии «democraticgovernance»⁹⁰.

Серьезный вклад в разработку важности интеракций и, в первую очередь символического интеракционизма индивидов и институтов, сделал

⁹⁰ Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука, 2010. – №4. – С.49–76.

Дж.Г. Мид. Данный автор видит особую выгоду всего общества от таких взаимодействий. Поскольку индивид или институт действует не только в собственной перспективе, но и «в перспективах других, особенно в общей перспективе группы, возникает общество»⁹¹. Дж.Г. Мид своим исследованием подготовил почву для рассмотрения реальных связей между социальными процессами и сознанием, установив тот органический процесс, посредством которого каждый мыслительный акт связывается с поведением человека (института) и с отношениями взаимодействия. Мир организованных социальных отношений воспринимался им как ментальный феномен, но при этом он же является и частью «объективной фазы» опыта.

Кстати, основу взаимодействия (интеракций) ряд исследователей видит в обобщенной морали, опыте или в институциональных образованиях (Дж.Г. Мид) при производстве доверия и поддержания порядка. Вместе с тем, как отмечает М. Грановеттер, последователь теории укоренности институтов, «не многие готовы положиться на действие обобщенной морали или институциональных образований как защиту против бесчестности»⁹². По его мнению, при взаимодействии индивидов и институтов одним из стимулов в избежание обмана является угроза повредить своей репутации. А функцию поддержания порядка, считает М. Грановеттер, несут в себе сети отношений, а не мораль или институциональные образования.

При этом, что очень важно, при интеракциях (взаимодействиях) между политическими партиями, как правило, возникает консенсус, с чем сложно спорить. По мнению Дж. Сартори, во-первых, консенсус – это еще не реальное согласие. Во-вторых, консенсусом может быть просто признание каких-либо очевидных положений (консенсус в пассивном смысле). То есть, это общее признание, которое лишь отчасти объединяет. В данном разрезе

⁹¹ Мид Дж.Г. *Философия настоящего* / под ред. А.И. Мерфи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьмина; под науч. ред. В.Г. Николаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.

⁹² Грановеттер М. *Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренности* // *Классика новой экономической социологии* / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 345–379.

Дж. Сартори выделил «три уровня консенсуса: 1) консенсус на уровне сообщества или основной консенсус; 2) консенсус на уровне режима или процедурный консенсус; 3) консенсус на уровне политики»⁹³. Данное положение о консенсусе Дж. Сартори имеет важное значение для системы интеракций между политическими партиями.

Стоит также добавить, что в основе консенсуса находится то, что в 80-е годы XX века Дж. Бассет и Д. Хелд называли «совещательной демократией» (у них это одна из моделей демократии, девятая по их счету). В нашем же случае это всего лишь одна из разновидностей плюралистической демократии (демократии согласований). Суть данного формата консенсуса состоит в улучшении качества демократии, где на повестке дня утверждено улучшение природы и формы политического участия. В качестве же управленческих принципов, как полагает Д. Хелд, должно находиться следующее: «компетентность в полемике, использование интеллекта общественности в государственных делах и непредвзятость в обретении истины»⁹⁴.

С категорией политических партий четко коррелируется и понятие публичная политика, которая, по оценке Ч. Тилли, включает в себя «регистрацию избирателей, выборы, законодательную деятельность..., где одной стороной выступает государство»⁹⁵. Публичная политика интегрирует в себя и коллективную борьбу. Таким образом, с публичной политикой тесно связаны «публичное управление», государственное управление. Политические партии, борющиеся за власть и получающие ее посредством демократического процесса, Ч. Тилли рассматривает в рамках демократизации и дедемократизации. Причем главными он признает три процесса: интеграции сетей доверия в публичную политику, изоляцию

⁹³ Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов: сборник статей / пер. с англ., нем., исп., венг., итал., составитель Киселева Е.А. – М.: Политологический центр РАУ, 1992. – С. 122–127.

⁹⁴ Хелд Д. Модели демократии. Третье издание / пер. с англ. М. Рудакова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.

⁹⁵ Тилли Ч. Демократия / пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. – 264 с.

публичной политики от категориального неравенства и таргетирование автономных центров власти, использующих методы принуждения и насилия.

Разумеется, исследование конкурентного партийно-политического процесса, в котором соперничают акторы во имя отбора лучших стратегий развития национального государства или его территорий (регионов), программ, тактических схем для достижения поставленных целей развития, предполагает соотнесение таких понятий, как «политика» и «управление». При этом значимым аспектом исследования является и организационно-управленческий компонент. Во-первых, понимание сути политической организации (в нашем случае – политических партий). Во-вторых, это взаимодействия между конкурирующими организациями (партиями). В-третьих, взаимодействия между организациями и структурами (партиями и органами власти, в становлении которых они участвуют). И в-четвертых, это взаимодействия между структурами государственного управления, состоящими в том числе и из партийных представителей, и основными социальными слоями и группами населения.

В данном аспекте одна из гипотез нашего исследования состоит в следующем предположении. В одном случае конкурентный политический процесс, в котором победившие партии и их кандидаты на формирование законодательной и исполнительной власти являются мощным драйвером обновления, внедрения эффективных программ и методов управления, служащих целям развития. В другом случае – победившие партии и их кандидаты приводят государства и отдельные территории к политическому и социально-экономическому регрессу.

Такая гипотеза базируется на научной теории классика эффективного управления структурами и организациями Г. Минцберга. Данный исследователь подчеркивал, что он не является сторонником «болезней». В данной образной парадигме «политика – болезнь» исследователь проблематики управления Г. Минцберг логически обосновывает свою позицию: политику можно считать болезнью организации, действующей и

против системы, и ей во благо. С одной стороны, политика вредит полезным, здоровым процессам, проникая в них и разрушая. Но с другой стороны, «политика может и усилить систему, указывая на серьезные проблемы и даже активируя защитные адаптивные внутренние механизмы системы»⁹⁶.

Ценность теоретических разработок Г. Минцберга состоит не только в том, что он предложил и обосновал семь эффективных управленческих конфигураций (машинная, инновационная, диверсифицированная и др.), но и в том, что он увязал интеграцию организаций (к примеру, государственных структур) и идеологий (носителями идей и идеологий являются политические партии). Причем этот исследователь эффективного менеджмента не ставит знак равенства между «идеологией» и «культурой». Когда Г. Минцберг исследует идеологию в организациях, он акцентирует внимание на «глубоко укорененной системе ценностей и убеждений, которые отличают данную организацию от других»⁹⁷.

Автор работы об управленческих конфигурациях также подчеркивает, что идеология организации может быть настолько мощной, что вокруг нее может выстроиться целая структура организации. В таком случае Г. Минцберг выделяет самостоятельную конфигурацию организации – миссионерскую⁹⁸. Данный теоретический постулат будет важен для нас в рамках возможной реализации идеологических принципов оппозиционных парламентских партий, чей кандидат возглавляет исполнительную власть в субъекте РФ.

При анализе проблематики управления, в том числе хорошего, эффективного управления, чрезвычайно важен и подход представителя «австрийской» школы Л. фон Мизеса. Данный исследователь рассматривает

⁹⁶ Минцберг Г. Менеджмент: природа и структура организаций / пер. с англ. Е.Д. Ряхиной. – Москва: Эксмо, 2018. – 512 с.

⁹⁷ Там же. С. 286.

⁹⁸ Там же. С. 287.

в совокупности ряд важных категорий: «государство», «правительство», «власть», «территория», «суверенитет», «люди (граждане)», «сообщества»⁹⁹.

Системный подход к изучению организаций во многом отражен в работе Д. Катца и Р.Л. Кана. Фактор состязательности организаций и различные подходы к управлению – Д. Х. Розенблюма, аспекты демократического процесса и государственного управления исследованы в работе М. Барзиля и Б. Армаджани (сравнение бюрократической и постбюрократической парадигмы), транзакции граждан и низшего уровня («уличного») бюрократической системы управления отражены в исследовании М. Липски. Показательно и то, что представленные исследования образуют работы по управленческой проблематике, изданные на базе МГУ в обобщающем переводном исследовании «Классики теории государственного управления: американская школа»¹⁰⁰.

Д. Катц и Р.Л. Кан, системно анализируя функционирующие в социальной и политической системах различные организации (политические партии – это такие же организации), стараются уйти от общепринятых в научном дискурсе стереотипов. Они исследуют, что очень важно, их ролевую структуру, их психологическую природу, границы организаций. Важнейшей их особенностью, по мнению представленных авторов, является то, сущность организации «состоит в рассмотрении ее как некоторого выражения целей ее создателей, лидеров, основных действующих лиц»¹⁰¹.

Анализируя деятельность организаций в рамках различных подходов к государственному управлению (менеджеристский, политический, правовой), в которых задействованы и представители конкурирующих политических партий, Д. Х. Розенблум особое значение придает политическому подходу. В

⁹⁹ Мизес Л. ф. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война / пер. с англ. Б.С. Пинскера, под ред. А.В. Куряева; комментарии В.В. Кизилова. – Москва; Челябинск: Социум, 2013. – 458 с.

¹⁰⁰ Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 800 с.

¹⁰¹ Катц Д., Кан Р.Л. Системный подход к изучению организаций // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 269–284.

рамках такого подхода основной акцент делается на «представительности, политической отзывчивости и подотчетности выборных должностных лиц перед избирателями»¹⁰². Критерии эффективности политического подхода, как отмечает Д. Х. Розенблум, часто не согласуются с менеджеристским подходом. Кроме того, заключает данный автор, кадровый состав вышестоящих государственных служащих (в нашем случае губернаторов) будет иметь более богатый опыт (к примеру, работа с массами в процессе избирательных кампаний в качестве кандидата в губернаторы или депутаты).

М. Барзилей и Б. Армаджани, исследуя конкурентный демократический процесс, в котором задействованы различные акторы, интегрируемые затем в систему государственного управления, особенно подчеркивают фактор контроля над бюрократией. Цель такого вне бюрократического аудита состоит в том, чтобы «сделать деятельность органов государственного управления продуктивной и подотчетной»¹⁰³. Таким образом, на наш взгляд, политические партии участвуют не только в формировании этих органов госуправления, но и в контроле над ними, способствуя продуктивности и подотчетности их деятельности, способствуя переходу, как считают М. Барзилей и Б. Армаджани, от бюрократической к постбюрократической парадигме. Отличие одной парадигмы госуправления от другой данные авторы представили в виде таблицы (данное сравнение будет использовано в рамках уже нашего исследования при определении эффективности деятельности губернаторов от разных партий в субъектах РФ).

Интеракции парламентских политических партий оформляются и на низовом, локальном, уровне, который М. Липски называет «уличным» уровнем госуправления. Такой интеракционизм мотивирован игроками заботами общественного характера, поскольку сами акторы «помогают

¹⁰² Розенблум Д.Х. Теория государственного управления и принцип разделения властей // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С.571–588.

¹⁰³ Барзилей М., Армаджани Б. Прорыв сквозь демократию / Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 654–683.

сформировать общество как единую целостную структуру»¹⁰⁴. Критериями взаимодействия парламентских политических партий при формировании системы власти, по оценке Л. Фуллера, является следующее. Это наличие непротиворечивости, строгий характер норм, ясность правил, осознание выгод интеракций для сторон, отсутствие невыполнимых требований, стабильность, соответствие акций и интеракций законам¹⁰⁵.

Деятельность политических партий как института политической системы, их конфликты друг с другом или сотрудничество в процессе борьбы за власть и ее формирования, невозможны без анализа новых тенденций в демократических процессах, происходящих во всех регионах мира. Об этих новых тенденциях ведет речь М. Наим в работе «Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе»¹⁰⁶. В частности, М. Наим считает, что «власть укрепляется благодаря барьерам, которые отделяют лидеров от конкурентов (*прим. авт.*: правила проведения выборов, доступ к ресурсам, рекламные бюджеты, харизма некоторых политиков) ... Однако за последние тридцать лет барьеры стали не такими прочными. Теперь их проще разрушить, преодолеть или обойти»¹⁰⁷.

Сама же власть во многом находится в упадке, поскольку, как обосновывает свою логическую схему М. Наим, происходит утрата веры в профессию политиков и государственные организации. Вернуть эту веру могут новые генерации общественных деятелей и политиков. Как доказывает данный исследователь, даже революционеры тяготели к тому, чтобы занимать высокие посты. При этом современные лидеры, по оценке М. Наима, за счет компьютерных технологий могут распространять свои

¹⁰⁴ Липски М. «Уличный» уровень бюрократической системы управления: важнейшая роль чиновников данного уровня // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 524–536.

¹⁰⁵ Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. – Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 308 с.

¹⁰⁶ Наим М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 512 с.

¹⁰⁷ Там же. С. 29.

идеи, в результате чего усиливать свое влияние и занимать посты, не прибегая к помощи партийной инфраструктуры, неправительственных организаций и прессы.

При оценке процессов институционализации взаимодействия политических партий логично рассмотреть четыре широкие цели реформ или институциональных изменений в национальных государствах, которые не только сильно влияют на эффективность государственного управления, но и в течение трех десятилетий являются общим трендом для многих стран. Это 1) снижение государственных расходов; 2) повышение способности к развитию и реализации политики; 3) улучшение выполнения государством функций работодателя; 4) повышение качества предоставления услуг и укрепление доверия к власти со стороны населения и частного сектора¹⁰⁸.

Кстати, научная дефиниция «хорошего» управления активно изучалась в зарубежных политических и социальных науках в 80-е и 90-е годы XX века, в период 2000-х годов. Данный ракурс исследования стал одним из базовых в научных дискурсах при обсуждении на XVIII Всемирном конгрессе международной ассоциации политической науки (Квебек, 2000 год), где управление исследовалось в разрезе шести концептуализированных категорий: «минимальное государство, корпоративное управление, новый публичный менеджмент, хорошее управление, социкибернетическая система и самоорганизующиеся сети»¹⁰⁹.

Для системы государственного управления, в котором задействованы представители политических партий, может быть характерен и инновационный подход. Авторитетные исследователи проблематики эффективного управления Д. Осборн и Л. Пластрик, ориентируясь на идеал развития территорий в системе государственного управления, выделили несколько правил в данном разрезе. Они в своей работе акцентировали

¹⁰⁸ Мэннинг Н. Реформа государственного управления: Международный опыт / Ник Мэннинг, Нил Парисон; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 496 с. – С. 35–36.

¹⁰⁹ Смирнов В.В. Некоторые итоги конгресса МАПН в Квебеке / XVIII всемирный конгресс международной ассоциации политической науки // Полис, 2000. – №6. – С. 166-169.

внимание на следующих тезисах: «когда вы хотите, чтобы люди в чем-то вам уступили, дайте им что-нибудь взамен, стройте обсуждение вопроса так, чтобы противопоставить общие интересы частным групповым интересам, формируйте группы населения, готовые поддержать ваши реформы¹¹⁰» и др.

Важно подчеркнуть, что в современной политической науке не принято ставить знак равенства между «институтами» и «властью». Этому же мнению придерживается и отечественный исследователь Г.Л. Купряшин. Подвергая анализу «институт государственного управления», данный автор уточняет, что при своем оформлении институциональная структура вовсе не является носителем власти. Вместе с тем, полагает Г.Л. Купряшин, лишь по истечении времени, когда сам институт госуправления усиливает свою базу (социальную и экономическую), он [институт] обретает необходимый для функционирования авторитет, посредством статусно-ролевого механизма, становясь при этом источником властеотношений¹¹¹.

Еще один ракурс в системе государственного управления: крайне велика роль политических партий, поскольку именно они могут использовать все преимущества коллективного разума, ценностей, идей и идеологий. По оценке Г.В. Пушкаревой, А.И. Соловьева и О.В. Михайловой, это достигается за счет коммуникаций партий с обществом и «мобилизации креативного потенциала граждан»¹¹². Ведь институционализация взаимодействия партий происходит не только в рамках совпадения интересов, очевидной выгоды в совместных действиях, в усилении общего влияния, в получении дополнительной поддержки граждан (избирателей), но и в наличии общих и объединяющих идейно-ценностных структур.

Таким образом, взаимодействие политических партий перерастает в консенсус по ценностям (идей, мифов, объединяющих идеологий),

¹¹⁰ Осборн Д. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, Л. Пластик; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Л.И. Лопатникова. – М.: ОАО Издательская группа «Прогресс», 2001. – 536 с.

¹¹¹ Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с.

¹¹² Пушкарева Г.В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография / Г.В. Пушкарева, А.И. Соловьев, О.В. Михайлова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 272 с.

процедурам и по выработке и реализации общей политики, которая институционализируется как символическая политика. Поэтому в итоге это взаимодействие объективно востребовано органами власти и управления для осуществления своих функций: потребностью в выработке общеполитического курса развития общества; необходимостью определения характера общественных благ; необходимостью уточнения операционных параметров проектируемых государством целей; потребностью в выработке планов реформирования структур и институтов государственного управления.

Политические партии во многих странах, включая РФ, как правило, взаимодействуют друг с другом не только на общенациональном, но и на субнациональном (региональном) уровнях. Регионы (территории), как отмечал классик центр-периферийных отношений Стейн Роккан, естественно окружают (обволакивают) центры. Более того, как подчеркивает данный политолог, ТПС, или территориально-политическая система, структурируется на ряд территорий (регионов), где каждая из них [территорий] обретает зависимость от какого-либо центра. В итоге, полагает этот автор, регион становится множественностью единиц, обладающих некоторыми общими признаками¹¹³.

Отечественный исследователь Р.Ф. Туровский, применительно к социально-экономическим и политическим процессам постсоветской России, выделяет уровень (возможный потенциал) региональных интересов в балансе отношений в нашем случае, с федеральным центром. Этот потенциал состоит из экономического и социального веса территории, ее естественно-географической обособленности, субъектности данного региона¹¹⁴. При этом особая миссия в выражении интересов регионов на общенациональном уровне отводится региональной политической элите, значительная часть

¹¹³ Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана. 2006. – №4. – С. 73–163.

¹¹⁴ Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399 с.

которой представлена в парламентских и непарламентских политических партиях.

Как подчеркивает еще один российский политолог А.Е. Чирикова, роль региональных элит в постсоветской России обусловлена их влиянием на политические процессы в территориях. Поэтому, с одной стороны, региональные элиты реализуют функцию проводника целей общенациональной элиты на уровне субъектов РФ (в том числе и по укорененности федеральных партий в территориях), с другой стороны, региональная элита имеет и иную функцию, эти элиты «с той или другой степенью успешности репрезентируют интересы населения регионов элите Центра»¹¹⁵.

На институционализацию взаимодействия политических партий в регионах национального государства оказывают огромное воздействие типы политических режимов. Поэтому в рамках изучения интеракций партийных акторов нам необходимо рассмотреть такие понятия, как «режим», «политический режим», «региональный политический режим». Автор обращается как к классическим определениям режима, так и к современным его трактовкам (Г. Сатаров, Ф. Туровский, Е.Ю. Мелешкина, Б.И. Макаренко). Операционализация распространена на такие понятия, как «авторитарный режим», «гибридный режим», «недемократические режимы», «сомнительная демократия», «диктабланда», «демократура».

Стоит отметить при этом, что при формировании и развитии политических и партийных систем политологи чаще всего используют дефиницию «политический режим», которая подчеркивает соотнесение власти и общества. Фактически же при операционализации понятия «режим» мы имеем дело с набором ресурсов, механизмов и методов, реализуемых государством при отправлении власти. Кроме того, понятие «режим» подчеркивает и уровень политической свободы, положение с правами граждан, влияние и самодостаточность политических

¹¹⁵ Чирикова А.Е. Региональные элиты России. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 271 с.

институтов. И если в определении демократического режима все обстоит ясно, то с авторитарными режимами все гораздо сложнее. Авторитарный режим, по мнению Т. Адорно, отождествляет себя с властью, одновременно отвергает все, что находится «снизу», сопровождает свои действия моралью, подавлением инстинктов эгоизма¹¹⁶.

Западный исследователь Ф. К. Шмиттер исследует проблематику прогресса и регресса, развития и отсталости в корреляции этих дефиниций с понятием политического режима, причем с учетом опыта перехода бывших социалистических стран, республик бывшего СССР, к рыночной экономике и либеральной демократии. При этом Ф. К. Шмиттер отмечает, что нет простого выбора между, с одной стороны, прогрессом к демократии, с другой стороны, регрессом к авторитаризму. Данный автор обосновывает и две иные возможности. Во-первых, это наличие гибридного режима, сочетающего и элементы демократии, и элементы авторитаризма. Во-вторых, это формат некоей устойчивой неконсолидированной демократии¹¹⁷. Ф. К. Шмиттер при обосновании гибридных режимов отмечает и их вариации: *диктабланда*, когда речь идет о либерализации в экономике, но без демократизации, и *демократура*, это задействие демократических процессов в управлении, без экономической либерализации.

Понятие политический режим, в том числе и в постсоветской России, ученые рассматривают в рамках правового (нормы и институты) и социологического (механизмы реализации публичной власти) подходов. К примеру, Э. Паин политический режим первого президента постсоветской России Б. Ельцина определяет как «минимально демократический», функционирующий с опорой на традиционные институты (церковь, патриархальные семьи, клановые группы и др.) и на политическую

¹¹⁶ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общей редакцией д. филос. н. В.П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.

¹¹⁷ Шмиттер Ф.К. Угрозы и дилеммы демократии // Пределы власти. / Научный редактор С. Кордонский. – М.: «Век XX и Мир», 1994. – С. 27–48.

пассивность населения¹¹⁸. В свою очередь исследователь Н.А. Баранов, анализируя период с 2000 по 2018 год, констатирует становление в России консолидированного режима. Сформировавшаяся в стране политическая система воспринимается большинством россиян как «демократическая и соответствующая их интересам. Но это не институциональная демократия, а персонифицированная¹¹⁹».

Категория регионального политического режима воспринимается не всеми отечественными политологами. Часть из них, к примеру Р.Ф. Туровский, допускает его использование при определении региональных политических культур, региональных партийных систем и «иных территориальных проекций»¹²⁰. Кроме того, очевидным является факт того, что если в национальном государстве функционирует тот или иной тип политического режима, то его территориальные формы (даже в федеративных странах) не могут отличаться существенно.

Р.Ф. Туровский, типологизируя региональные политические режимы предлагает подходить к ним: 1) по механизмам принятия решений (авторитарные, чаще персонифицированные и либеральные, более демократические), 2) по наличию политической оппозиции (конкурентные, с отсутствием альтернативы), 3) по влиянию партий на принятие решений (партийно-идеологизированные, внепартийные и надпартийные), 4) по степени консолидации (консолидированные и неконсолидированные); 5) по стабильности и устойчивости (стабильные, среднестабильные и нестабильные), 6) по эффективности функционирования (эффективные и неэффективные).

¹¹⁸ Паин Э. Особенности постсоветского политического режима // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: сб. ст.; под ред. Э. Паина. – М.: Три квадрата, 2010. – С. 266–296.

¹¹⁹ Баранов Н.А. Устойчивость политических систем: институты и технологии // Проблема устойчивости политических систем современного мира: материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – С. 211–220.

¹²⁰ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.

Обращаясь к проблематике эффективности взаимодействий парламентских политических партий в РФ, имеет смысл апеллировать к Парето – эффективности. Эффективность, по В. Парето, – это рациональность, постоянное соотнесение выгоды (публичного блага) и затрат при ограниченности различного вида ресурсов. Таким образом, Парето-эффективность состоит в том, что общее (публичное) благо максимально при такой ситуации в национальном государстве и на ее территории, когда никто не может улучшить свое положение, не ухудшая положение другого. Для Парето-эффективности должно быть наличие трех неперенных условий. А именно: эффективность в реальном секторе экономики, эффективность в структуре воспроизводства благ и эффективность в их распределении между всеми потребителями¹²¹. Соответственно, если интеракции парламентских политических партий не ухудшают положение людей (возможно даже улучшают), то их деятельность может быть признана эффективной.

Кроме того, исследуя проблематику эффективности государственного управления, в том числе постсоветской России, мы логично подойдем к двум прогностическим сценариям. Во-первых, к усилению роли представительной власти на общенациональном и субнациональном уровнях. Во-вторых, функционирование представительной власти в современных демократиях (особенно парламентских) характеризуется резко усиливающимся конфликтом между представительностью и управляемостью или между требованиями отзывчивости и ответственности.

Ряд ученых называет это конфликтом представительности и управляемости между требованием отзывчивости (responsiveness) и ответственности (responsibility). Хотя, как полагают они, подобные трения в той или иной мере «характерны для большинства демократий, но в последние два десятилетия проблема существенно обострилась¹²². И на это

¹²¹ Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.

¹²² Майр П. Смаги против партий: ответственное правительство и его институциональные ограничения // Политика в эпоху жесткой экономии / под ред. А.Шефара, В.Штрика; пер. с англ.

существует, по мнению П. Майра, две причины. Первая: обозначенные проблемы более остро представлены в системах, где ключевую роль играет партийное правительство, и где законодательная и исполнительная власти сливаются в одну. Вторая: эти режимы, выражаясь в терминах теории «принципал-агентских отношений», являются показательным примером прозрачной и сингулярной «цепи делегирования».

Подводя итоги первой главы исследования, отметим следующее.

Во-первых, партии, являясь важнейшим институтом политической системы, представляют собой две парадигмы взаимодействия: ассиметричную и симметричную, способные с одной стороны, императивно обеспечить институциональные изменения, с другой стороны – избежать хаоса, во многом гарантируя за счет соревновательных избирательных процедур устойчивость и стабильность политической системы, демократических процедур. В этой связи важно отметить, что в каждой функционирующей модели демократии отводится особая роль функционирующим парламентам. К примеру, в рамках классической либеральной или представительной демократии, парламент является одним из механизмов, защищающих людей от произвола исполнительной власти. В ракурсе партиципаторной модели демократии граждане участвуют в обсуждении и принятии решений, в том числе и через парламенты. Вместе с тем, в политических условиях постсоветской России 2000-х годов демократия и демократический режим как на общенациональном уровне, так и на субнациональном уровне были скорее идеалом, к которому стремились партии. Более того, партии были вынуждены действовать и взаимодействовать на уровне субъектов РФ в условиях патримониального государства, авторитарно-технократических и гибридных режимов, с доминированием принципал-агентских отношений, «недостойного» правления и неформального управления.

Во-вторых, парламентские политические партии, основной функцией которых является борьба за политическую власть, выступают посредником между населением (избирателями) с агрегированием и артикулированием их интересов, и государством, куда партии интегрируют своих представителей для принятия соответствующих решений. Реализуя в своих действиях различные формы взаимодействия, партии обеспечивают политический порядок, реализуют тренд на преемственность и обновление государства, государственной политики в различных отраслях и сферах. Взаимодействие парламентских политических партий представляет собой комплекс форматов, арен, приемов и технологий для обмена информацией, опытом и практиками, которые приводят к сотрудничеству или конфликтной деструкции, к приращению позитивных дел, багажа и потенциала для страны и ее регионов, либо к стратегическому отставанию территорий и политической маргинализации самих партий.

В-третьих, конкурируя и сотрудничая в рамках взаимодействия друг с другом, парламентские политические партии формируют российскую отечественную традицию нахождения ценностного и процедурного консенсуса, согласия по реализации политики в интересах большинства населения, социально-экономического и политического развития страны и ее территорий. Кроме того, институционализация взаимодействия парламентских политических партий РФ в процессе формирования органов исполнительной власти на субнациональном уровне требует от сторон выхода на качество государственного управления (хорошего управления), на институциональные изменения в территориях, гарантирующие прогресс, на результативность регионального государственного управления (устойчивое социально-экономическое и политическое развитие) в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Глава 2 Потенциал интеракций парламентских партий в процессе формирования региональных органов исполнительной власти в Российской Федерации

В современном научном и прикладном дискурсе России идет активное обсуждение потенциала задействования ресурсов общества, в том числе партий и гражданских инициатив, путей модернизации государства и его территорий, возможностей улучшения деятельности органов власти управления, включая региональный уровень. В этой связи в публичной сфере по-прежнему актуальной темой обсуждения является важность активизации взаимодействия парламентских политических партий страны при формировании и деятельности системы исполнительной власти субъектов РФ. Это объясняется двумя основными причинами.

Во-первых, традиционно в постсоветской России исполнительная власть доминировала над законодательной (представительной). Следовательно, чем масштабнее интегрируется идеал меритократии и политическая репрезентативность в систему исполнительной власти, сформированной из представителей политических объединений, тем более качественными являются решения этой власти и ее управленческий эффект в интересах граждан. Во-вторых, эффективные управленческие практики в различных отраслях экономики и социальной сферы, как правило, рождаются в успешных регионах РФ, а затем тиражируются и масштабируются на общенациональном уровне.

2.1 Своеобразие системы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: политологический анализ

Зачастую в основе проектов, реализованных на практике в российских регионах, лежат элементы политического курса парламентских политических партий или идей, оформившихся в результате интеракций данных политических объединений. Поэтому понимание места и роли политических

партий на региональном уровне актуализирует исследование процесса взаимодействия данных региональных акторов.

Важно иметь в виду, что диссертационное исследование потенциала эффективности взаимодействия парламентских политических партий при формировании государственных органов исполнительной власти и управления в субъектах РФ требует операционализации ряда понятий и категорий, значимых цифровых показателей в развитии региональных территорий. Более того, принципиальное значение имеет в данном разрезе и понимание государства РФ, по оценке политологов, как набора нормативно поведенческих комплексов, направленных на решение актуальных для общества задач. Исходя из этого замысла, государство в лице органов власти и управления, определяется особым набором «игроков, норм и правил взаимодействия, используемых ресурсов и т.д.»¹²³.

Игроками в этом случае, наравне с другими, являются и парламентские политические партии РФ, которые вступают во взаимодействие друг с другом при формировании и функционировании системы исполнительной власти в субъекте РФ: администраций, правительств региона. При этом государство становится, по выражению А.И. Соловьева, производителем политики. На региональном же уровне, администрации (правительства) субъектов РФ представляют собой некие государственные функциональные кластеры, причем с меняющимся спектром переменных величин, с разными формами активности государственных структур, позитивными или негативными управленческими практиками. К примеру, переменной величиной становятся и губернаторы от партии «Единая Россия», главы регионов от партии КПРФ, ЛДПР или от партии «Справедливая Россия».

¹²³ Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 270–292.

При выявлении особенностей системы органов исполнительной власти в субъектах РФ целесообразно обратиться к Конституции РФ (статья 77)¹²⁴, а также к федеральному закону № 184-ФЗ от 06.10.1999 года «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹²⁵. Упомянутая нами выше статья Основного Закона определяет, что система органов государственной власти субъектов РФ устанавливается ими самостоятельно, в рамках конституционного строя и действующего законодательства. В этом положении, по оценке автора, состоит своеобразие или особенность системы исполнительной власти российских регионов.

Общим в функционировании органов исполнительной власти субъектов РФ как некоей совокупности, является то, что они входят в единую систему исполнительной власти РФ. А высшее должностное лицо региона (губернатор, глава, президент) избирается, наделяется установленными законом компетенциями, он назначает руководителей структур прямого подчинения, участвует в решении кадровых вопросов структур двойного подчинения, несет федеративную ответственность. При этом в рассмотрении многих вопросов у него имеется канал взаимодействия с лидерами и активом парламентских политических партий.

Стоит отметить сразу, что на начало 2020 года в Российской Федерации имелось в наличии 85 региональных территорий (в 2014 году в состав страны были включены Крым и Севастополь по итогам всенародных референдумов в этих территориях). Вне всякого сомнения, эти 85 субъектов РФ представляют собой «политические регионы» – понятие, под которым стоит понимать географически территориально оформившуюся конструкцию

¹²⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 04.07.2020. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

¹²⁵ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 (ред. от 09.11.2020) // СЗ РФ. – 18.10.1999. – № 42. – Ст. 5005.

политического пространства, границы которого «сопрягают внутренние и внешние поля его активности».¹²⁶ Диссертант полагает, что понятие «региональная территория» и «политический регион» очень близки по значению, но не тождественны. При этом политический регион может обладать де-юре или де-факто большим или меньшим суверенитетом, принимать полностью, частично или отторгать деятельность парламентских политических партий.

И именно для политических регионов в Российской Федерации оформлены свои особенности, в рамках которых субъекты РФ оформлены в виде 46 областей, 9 краев, 3 городов федерального значения, 22 республик, 4 автономных округов и 1 автономной области. Таким образом, исследуя деятельность парламентских политических партий и проблематику функционирования политического региона, диссертант подчеркивает важную миссию этих партий, как скрепляющую конструкцию российской политики в условиях сепаратизма ряда субъектов РФ 1990-х и борьбу за свою особость и суверенитет 2000-х годов, поскольку в политическом регионе на процесс взаимодействия парламентских политических партий при формировании и функционировании органов исполнительной власти субъектов РФ играли и играют региональные идентичности и этнополитический фактор.

В частности, ряд отечественных политологов особо выделяет проблематику этнических и региональных автономий (ЭРА). В период 1990-х и 2000-х годов постсоветской России степень активности российских ЭРА существенно различалась, поскольку «в выдвижении требований и отстаивании своих интересов»¹²⁷ этнические и региональные автономии фактически институционализировали политические практики, где происходило доминирование этнорегиональной повестки дня над

¹²⁶ Дахин А.В. Политическая регионалистика: на пути к устойчивой научной полноте // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 274–311.

¹²⁷ Подвинцев О.Б. Генезис этнических региональных автономий / О.Б. Подвинцев, М.В. Назукина // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 72–89.

общефедеральной повесткой. В данном случае вес и влияние общенациональных парламентских политических партий в этнических региональных автономиях, в отличие от других субъектов РФ (краев и областей), были не настолько значительным.

Важно также подчеркнуть, что структура входящих в систему органов власти субъектов РФ определяется в каждом регионе самостоятельно. Самостоятельно устанавливается и штатная численность госслужащих. Система органов исполнительной власти российских регионов имеет свои количественные и качественные измерения. Так, например, согласно данным Росстата на 2018 год, в государственных органах субъектов Российской Федерации было занято 259,3 тысячи чиновников, в том числе исполнительная власть региональных территорий насчитывала 203,5 тыс. государственных служащих¹²⁸. При этом сами субъекты РФ, по оценкам экспертов, развиваются неравномерно, что является следствием невысокой эффективности органов исполнительной власти территорий, население живет «неравномерными несинхронными настроениями, повестками дня»¹²⁹, что создает сложности для социетальной интеграции.

И если в период 1990-х годов исполнительная власть регионов, в силу радикальных экономических реформ («шоковая терапия»), социальных и политических трансформаций, неблагоприятных внешних факторов, не могла показывать высокую результативность в работе, то в более благоприятный период 2000-х годов («путинская стабильность»), по мнению диссертанта, из более чем 80 субъектов РФ лишь власти 7 – 12 регионов демонстрировали образцы успешности в развитии (из 17 областей ЦФО это Белгородская, Калужская и Липецкая области). Более того, уровень доверия и поддержки глав регионов как руководителей исполнительной власти, по замерам

¹²⁸ Государство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/11191> (дата обращения 12.04.2020).

¹²⁹ Кучинов А.М. Модели действия и взаимодействия акторов: региональный аспект // Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений / С.Г. Айвазова и др.; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – С. 149–162.

социологических центров, был невысоким, что диссонировало на фоне В.В. Путина («низкий уровень респонсивности местной и региональной властей ведет к тому, что он будет отвечать за все и сразу»¹³⁰).

На особенность системы исполнительной власти субъекта РФ указывает то обстоятельство, что высшее должностное лицо наделяет полномочиями члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ – представителя от Правительства субъекта федерации, назначает половину членов Избирательной комиссии региона. Кроме того, глава исполнительной власти региона решает кадровые вопросы при назначении руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, федеральных организаций двойного подчинения, по представлению руководителя субъекта РФ законотворение территории избирает не менее 50% членов Контрольно-счетной палаты региона. Эти положения дают основания главе исполнительной власти субъекта РФ взаимодействовать с парламентскими политическими партиями по интеграции их лидеров и актива в эту систему.

Высшее должностное лицо региона имеет право подписывать от имени политической территории соглашения и договоры, подписывать региональные законы, формировать структуру исполнительной власти (администрацию или региональное правительство), осуществлять широкие полномочия в управлении отраслями и сферами. При этом, политические практики в управлении исполнительной властью на уровне субъектов РФ в виде указов и распоряжений главы региона учитывают предложения и рекомендации отделений парламентских политических партий.

При этом специфическая особенность системы исполнительной власти субъектов РФ состоит в том, что порядок избрания высшего должностного лица региона определяется федеральным законодательством и законами субъекта РФ с учетом исторических традиций и апробированных практик. К

¹³⁰ Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016-2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. Федорова. – М.: ВЦИОМ, 2018. – 440 с.

примеру, с 2012 года губернаторов краев и областей (Белгородской, Московской, Владимирской, Орловской, Калужской, Смоленской и др.) избирают прямым голосованием жители территорий, имеющие право голоса. В ряде же республик Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и др.) высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель исполнительной власти региона) избирается депутатами законодательного собрания данной территории.

Стоит также учитывать тот факт, что система исполнительных органов государственной власти субъекта РФ – это не только органы, составляющие аппарат высшего должностного лица, это также некоторые структуры, входящие в аппарат глав регионов и находящиеся в двойном подчинении: федерального центра и субъекта федерации, что является примером редкого сочетания «социокультурного разнообразия и однородности»¹³¹. Федеральный центр, осуществляя мониторинг и контроль деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ, в числе важных приоритетов государственной региональной политики (совокупность действий федеральных органов власти по поводу «пространственной организации жизнедеятельности территорий»¹³²) рассматривал повышение их эффективности и результативности.

В силу этого приоритета в июне 2007 года появляется первый Указ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», который структурирует процесс мониторинга. В перечень показателей Указа входили 43 пункта (в 2010 году – 48 позиций, в 2012 году – 12 пунктов, в 2017 году – 24 позиции). Указ главы государства, вступивший в силу в апреле 2019 года, снизил количество показателей для губернаторов до 15 пунктов. Новый перечень включает в себя следующие критерии оценки губернаторов: уровень доверия к власти,

¹³¹ Россия в XXI веке / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 520 с.

¹³² Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика / А.Н. Шевцов. – М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с.

количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики, объем инвестиций в основной капитал, уровень бедности и др. Разумеется, реализация этих показателей на уровне субъекта РФ невозможна без эффективного взаимодействия с парламентскими политическими партиями и институтами гражданского общества.

Для политического региона и в рамках трех уровней государственного управления (федеральный, региональный, местный) характерно формирование системы исполнительной власти субъекта РФ, которая функционирует в формате администрации и которой руководит губернатор (глава администрации), глава республики (в Татарстане – президент), мэр или губернатор городов федерального значения. Для совершенствования и баланса в управлении системой исполнительной власти в большинстве субъектов РФ сформированы правительства, которые являются частью региональных администраций (как правило, эти правительства возглавляют главы регионов и губернаторы).

В период 2000-х годов региональные администрации (правительства) субъектов РФ, как один из доминирующих компонентов территориальных политических систем (ТПС), структурировались в виде двух управленческих комплексов: 1) это исполнительные органы государственной власти (ИОГВ), входящие, как правило, в конструкцию региональных правительств, 2) это подразделения, интегрированные с аппаратом губернаторов (глав регионов). В итоге такая структура системы исполнительной власти субъекта РФ оформилась в два приоритетных направления своей работы.

Во-первых, это направление социально-экономического развития руководимых и курируемых отраслевыми региональными министерствами (департаментами) территорий, представляющее собой частичный или полный государственный дирижизм отраслями экономики и социальной сферы. Во-вторых, это направление внутренней политики администраций регионов, состоящих из подразделений аппарата глав регионов и отвечающих за политическое развитие территории (кураторство политических партий, НКО,

диаспор, кадровая политика, контроль и др.). При этом в систему исполнительной власти региона вплетено и взаимодействие региональных властей с управлениями федеральных министерств и ведомств, в чью зону ответственности входит либо отдельный субъект РФ, либо несколько региональных территорий.

Чтобы более основательно рассмотреть в нашем диссертационном исследовании содержание и итоги реализации потенциала интеракций парламентских партий в субъектах РФ, автор предполагает операционализацию следующих категорий: «политический регион», «территория», «система исполнительной власти субъекта РФ», «правительство региона» и др. К примеру, дефиницию «территория» российский политолог Р.Ф. Туровский определяет в рамках институционального подхода как политический институт. Не только с точки зрения административных границ субъектов РФ, но и в аспекте выделения особенностей функционирования органов власти и управления в регионе.

Р.Ф. Туровский в понятие территории включает следующие знаковые компоненты: а) территория имеет административные границы, которые фиксируют пределы регионов страны в их юрисдикции, б) территория – это система власти в данном географическом пространстве, что позволяет иметь государственную и муниципальную бюрократию в субъектах РФ, в) территория – это население конкретного пространства, включённого «в субъект-объектные властные отношения с территориальной бюрократией»¹³³. Диссертант, соглашаясь с данным исследователем, предлагает авторское понимание *территории как политического института в пространственно-временном континууме, с наличием власти (господства) и населения (подчинения), ориентированных на взаимодействие для решения общих задач ее развития и прогресса, приращения общего блага.*

¹³³ Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: монография / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399 с.

И ещё. Дефиниция «территории» нуждается в уточнении и в рамках коммуникативного подхода. Поэтому в рамках данного подхода мы полагаем, что каждая территория страны представляет собой многосоставное общество с наличием небольшого количества функционирующих общенациональных парламентских политических партий в субъектах РФ. И в этом, на наш взгляд, проецируется важный конструктивный фактор. В ином случае, при наличии же большого количества малых политических партий формируются риски того, что каждое политическое объединение будет агрегировать и артикулировать интересы определённой «субкультуры или клиентелы при минимуме объединительных тенденций».¹³⁴ Следствием же этого процесса может быть таргетирование развития общественной демократии в территории.

Более того, в рамках коммуникативного подхода в анализе понятия «территория» нам видится некая конструкция пространства, в рамках которой функционируют политические коммуникации, формирующие и развивающие такое сообщество. Социальная интегрирующая сила коммуникативного действия при этом содержится в формах и мирах жителей конкретной территории, которые скрплены общими интересами и традициями. Таким образом, сообщества в территориях оформляются как географический сгруппированный «сгусток» таких коммуникаций, в работе с которым участвуют парламентские политические партии.

Если же рассматривать деятельность данных партий как элемент публичной политики и как коммуникацию с сообществом, то в данном процессе интеракций происходит некое «дискурсивное формирование мнения и воли публики»¹³⁵ (Ю. Хабермас вместе с Д. Козном называют это явление *deliberative democracy* – совещательной демократией). При этом само взаимодействие как между партиями и жителями, так и между самими

¹³⁴ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ., под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменский. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

¹³⁵ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы : исследование относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Издательство «Весь мир», 2016. – 344 с.

партиями, опирающимися на политическую мобилизацию, представляет собой использование коммуникации в виде производительной силы.

Политические партии с доминантой в виде парламентских партий являются важнейшим институтом политических систем. Рассматривая различные политические системы, диссертант акцентирует внимание в рамках своего исследования на понятии «территориально политических систем», которое, с одной стороны, имеет свои институты, включая органы региональной власти управления, отделения парламентских политических партий, с другой стороны, является субсистемой более широкой политической системы РФ. А главное предназначение политических партий, в первую очередь парламентских на общенациональном и субнациональном уровне, состоит в том, чтобы вести конкурентную борьбу за власть и, получая её, «возглавлять управленческие институты государства»¹³⁶.

Отечественный исследователь С.О. Алехнович, исследуя более расширенное понятие «политической территории», критерии её становления, отмечает, что она [политическая территория] должна иметь следующие признаки. Во-первых, политическая территория должна состоять из политических органов управления. Во-вторых, она должна иметь в наличии зрелые структуры гражданского общества, осуществляющие контроль за функционированием органов региональной власти. В-третьих, политическая территория логично испытывает воздействие политических структур, вызовы и угрозы, давая на эти притязания адекватный ответ. И наконец, в-четвертых, данная территория «управляется политическими методами»¹³⁷.

Правда, такое воздействие политических структур может иметь как знак «плюс», так и знак «минус». Однако в любом случае такое сообщество территории имеет в наличии свою политическую субъектность. Политическое же влияние такого сообщества, в том числе и на федеральном

¹³⁶ Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 431 с.

¹³⁷ Алехнович С.О. Федерализм: концепт и практика российского проекта. – М.: РОССПЭН, 2012. – 327 с.

уровне, зависит от зрелости и качества региональной идентичности, оно является самоощущением, само-пониманием индивидов через «коллективное осмысление социальной реальности»¹³⁸. Вне всякого сомнения, парламентские политические партии РФ учитывают фактор региональной идентичности в своей деятельности при формировании системы органов исполнительной власти, при политическом воздействии на неё в рамках реализации своего политического курса в субъектах РФ.

Исследуя место и роль парламентских политических партий в региональном пространстве политики важно выделять составные его компоненты. Это статичный компонент, выступающий в виде структур и конфигураций (в нашем случае это региональные администрации, коалиционные правительства субъектов РФ). И это динамичный компонент, предстающий перед научным и экспертным сообществом в виде политических действий (акций), сделок (транзакций) и взаимодействия (интеракций). В рамках такого подхода региональное политическое пространство (поле политики) является, с одной стороны, в виде процесса взаимодействия региональных политических акторов, включая отделения парламентских политических партий, с другой стороны, – в виде результата интеракций агентов, по выражению С.Г. Айвазовой, «носителей агентности – т.е. способности менять структуру»¹³⁹ исполнительной власти.

Необходимо также отметить, что на уровне политического региона функционируют наравне с отделениями парламентских политических партий и другие общественные объединения (к примеру, общественные структуры бизнеса). В этом случае, партии, агрегируя и артикулируя субнациональные интересы, соотносят их с интересами общефедеральными. Таким образом, в результате такого взаимодействия партий и общественных объединений

¹³⁸ Панов П.В. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 261 с.

¹³⁹ Айвазова С.Г. Институциональное поле и возможность институционализации политического пространства // Конструирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 53–61.

формируются группы интересов в политическом регионе, влияющие на деятельность органов исполнительной власти субъекта РФ. В итоге, в результате множественных интеракций частные интересы акторов преобразуются в единый общественный интерес, который и становится «детерминантой выработки политического курса»¹⁴⁰.

При этом диссертанту необходимо изначально отделить понятие «политика» от понятия «управления». Политика, как логично понимать, должна действовать (на данном уровне усилиями политических партий), направляя и влияя на «политический курс государства, тогда как управление должно осуществлять этот политический курс»¹⁴¹. Для того чтобы представить, как работает администрация (правительства) на общенациональном или субнациональном региональном уровнях, мы должны вычленить политические потоки, которые, объединяясь, образуют диспозицию и принятие политических решений.

Поскольку на субнациональном уровне РФ функционирует региональное правительство важно различать три вида политических потоков, оказывающих воздействие на него, определённых в свое время Дж. В. Кингдоном как некие структуры, каналы и ресурсы, влияющие на политические решения. Что это за потоки? Это, во-первых, поток проблемных вопросов, исходящих от основных социальных групп в регионе, во-вторых, это лоббистские организации и экспертные группы, влияющие своей постановкой вопросов на политическую повестку дня в субъекте РФ, в-третьих, это баланс политических сил внутри правительства региона, сформированный по итогам конкурентных выборов. Парламентские партии до и после губернаторских выборов, до и после выборов в региональные законодательные собрания оказывают сильное влияние на формирование политической повестки дня системы исполнительной власти субъекта РФ и

¹⁴⁰ GR – связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / под ред. Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 407 с.

¹⁴¹ Гуднау Ф. Политика и управление // Классики теории государственного управления. Американская школа / под ред. Дж. Шафтина, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 43–47.

принятие политических решений правительства (администрации) на субнациональном уровне.

Немаловажное значение в деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ имеют и проблемы (вопросы), попавшие в результате объединения политических потоков в повестку дня региональной власти, которые разрешает региональное правительство. К примеру, в Курской области в 2017-2019 гг. острой была проблема строительства модулей свинокомплексов компании «Мираторг» в природоохранной зоне (данные темы актуализировали гражданские инициативы и отделения политических партий). Таким образом, опираясь на мнение Дж. В. Кингдона, под повесткой дня, над которой работают «правительственные чиновники и люди вне правительства, тесно связаны с чиновниками»,¹⁴² стоит понимать следующие аспекты: а) пункты объявляемого акторами обсуждения, б) план, который обсуждается и принимается, в) набор предложений ретранслирующихся в принимаемые документы (акты).

Отечественные исследователи Л.И. Никовская и В.Н. Якимец, исследуя пространство взаимодействия акторов в регионах РФ, ключевыми из которых выступают политические партии, отмечают значимость публичности политики. Они подчеркивают, что это дает возможность научному и экспертному сообществу проводить компаративный анализ различных политических систем «по степени участия гражданского общества в госуправлении»¹⁴³, а также изучать динамику изменения такого участия в конкретном государстве и в его территориях. При этом объектами исследования являются качество и вектор таких изменений.

К примеру, в Воронежской области антагонистами разработки никелевых месторождений со стороны компании УГМК в 2012 – 2019 гг.

¹⁴² Kingdoh John W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies* / John W. Kingdon. – New York: Harper Collins College Publishers, 1995. – 274 p.

¹⁴³ Никовская Л.И. Публичная политика в регионах России: концептуальные основания и инструментальные методы / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы: научное издание / под ред. Л.В. Сморгунюв. – М.: Издательство Аспект-Пресс, 2015. – С. 345–370.

выступали: КПРФ (парламентская партия), «Яблоко» (внепарламентская партия), казачество (структура гражданского общества). Стоит иметь в виду, что данные акторы отражали мнение большинства населения локальной территории (Новохоперского района) и региональной территории (субъекта РФ) при четкой позиции «за» правительства области в реализации данного проекта на территории региона (потенциально большие налоговые платежи, новые рабочие места). Такие интеракции акторов политического процесса, опирающихся на поддержку общественного мнения, поставили в региональную политическую повестку дня не только проблему возможной экстерналии (экологической проблемы), но и вынудили правительство региона фактически заморозить разработку данного месторождения.

Поскольку диссертант, исследуя проблематику взаимодействия парламентских партий в процессе формирования региональных органов исполнительной власти, выделяет различные форматы таких интеракций, имеет смысл остановиться на особенностях функционирования системы исполнительной власти в ряде субъектов РФ. В рамках формата взаимодействия губернатора – представителя партии «Единая Россия», автор взял за основу Белгородскую, Калужскую Московскую области. В рамках примера взаимодействия губернатора – представителя КПРФ, важно представить специфику исполнительной власти Орловской области. Смоленская область взята в качестве образца для анализа взаимодействия с политическими партиями губернатора, представителя ЛДПР. Забайкальский край – как формат взаимодействия с партиями губернатора, представителя партии «Справедливая Россия».

Итак, в ракурсе подхода Р.Ф. Туровского, по трехуровневому измерению территории (измерение пространства, система власти с государственной бюрократией в субъектах РФ, население, включённое в субъект-объектные властные отношения с территориальной бюрократией) проиллюстрируем это на примере Калужской области. Площадь территории – 29,8 квадратных километров, численность населения на 1 января 2018 года

– 1 млн 12 тысяч человек¹⁴⁴. Правительство Калужской области является высшим коллегиальным исполнительным органом государственной власти, который разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению комплексного социально-экономического развития Калужской области. Губернатор Калужской области по должности является руководителем правительства региона. По официальным данным, на начало 2020 года администрация губернатора Калужской области состояла из 158 штатных единиц.

Аппарат губернатора представлял собой 8 управлений, при этом исполнительные органы государственной власти (ИОГВ) региона представлены 14 министерствами¹⁴⁵. В период 2000-х годов исполнительная власть региона смогла по многим социально-экономическим показателям вывести Калужскую область в число лучших российских регионов. В субъекте РФ были созданы два промышленных кластера (автомобильный и фармацевтический), построено свыше 100 новых предприятий, многие из которых инновационные. Данную эффективность власти подчеркнули эксперты Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ, ориентировав команду губернатора региона на «дальнейшее совершенствование системы управления»¹⁴⁶.

Важно также подчеркнуть, что состав всех правительств Калужской области представлял собой блок «единороссов» и беспартийных (см. таблицу 1)¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.

¹⁴⁵ Официальные данные портала правительства Калужской области [Электронный ресурс] // Официальный портал органов власти Калужской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://admoblkaluga.ru/sub/government/> (дата обращения 12.04.2020).

¹⁴⁶ Социально-правовые исследования в регионах: монография / Ю.А. Тихомиров, Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов и др. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ: ИНФРА-М, 2016. – 256 с.

¹⁴⁷ Данные получены в виде ответа на запрос автора в правительство Калужской области.

**Таблица 1. Партийное представительство
состава правительства Калужской области**

	2005 год	2010 год	2015 год	2019 год
Общее количество членов Правительства	11	24	22	22
Члены ВПП «Единая Россия»	8	18	15	16
Беспартийные	3	6	7	6

Интеракции между парламентскими политическими партиями и исполнительной властью региона в Калужской области в период 2000-х годов имели свою специфику. На эти интеракции накладывали отпечаток три основных фактора: 1) глава региона А. Артамонов являлся членом партии «Единая Россия»; 2) партия власти занимала доминирующее положение в региональной политической системе; 3) численность «ЕР» в двадцатилетний период превышала численность других политических партий, определяя соответствующий партийно-политический дизайн в Калужской области¹⁴⁸.

Для системы интеракций в регионе в октябре 2013 года было создано министерство внутренней политики и массовых коммуникаций Калужской области. Согласно Положению о министерстве, одним из направлений деятельности является взаимодействие с региональными отделениями политических партий. Должностными лицами министерства осуществляется взаимодействие с руководителями региональных отделений как на личных контактах, так и посредством посещения конференций, заседаний бюро, а

¹⁴⁸ Численность региональных отделений парламентских партий. По состоянию на 1 января 2019 года численность Калужского регионального отделения Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» составляло 22 406 человек. В Калужской области функционируют 26 местных и 838 первичных отделений. По состоянию на 1 января 2019 года численность Калужского регионального отделения Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России составляло 3100 человек. В Калужской области функционируют 26 местных и 5 первичных отделений. По состоянию на 1 января 2019 года численность Калужского регионального отделения Политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» – КПРФ составляло 1200 человек. В Калужской области функционируют 28 местных и 5 первичных отделений. По состоянию на 1 января 2019 года численность Регионального отделения Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Калужской области составляло 2625 человек (после сверки на 1 марта – 1770 человек). В Калужской области функционируют 26 местных и 97 первичных отделений. Данные получены автором в ответ на запрос в правительство Калужской области.

также присутствием при проведении публичных мероприятий, проводимых региональными отделениями партий на территории Калужской области. Безусловно, такое взаимодействие носит неформальный характер, однако нельзя отрицать тот факт, что министерством внутренней политики Калужской области ведется работа с представителями политических партий.

В свою очередь, руководители и партийные представители региональных отделений приглашаются для участия в семинарах и совещаниях, организуемых министерством. Руководители и актив местных отделений политических партий приглашаются при проведении общественно-значимых мероприятий на территории региона. На постоянной основе осуществляется мониторинг изменений в составе руководства региональных отделений и партийных фракций, представленных в Законодательном Собрании Калужской области, производится сверка численности партийцев региональных отделений в соответствии с данными управлений Министерства юстиции России, мониторинг сайтов региональных отделений политических партий и социальных сетей.

Белгородская область является по площади чуть меньше Калужской области (27,1 тыс квадратных километров), но большей по численности населения (1 млн 549 тыс человек)¹⁴⁹. Правительство Белгородской области является высшим органом исполнительной власти Белгородской области, правительство региона возглавляет губернатор. В Белгородской области 19 управлений (аппарат главы региона) и 12 департаментов (ИОГВ)¹⁵⁰. Система исполнительной власти Белгородской области, по нашему мнению, является одной из самых эффективных в РФ в последние 10 лет. Ее функционирование базируется на выверенной «Стратегии социально-

¹⁴⁹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.

¹⁵⁰ Официальные данные портала губернатора и правительства Белгородской области [Электронный ресурс] // Губернатор и Правительство Белгородской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://belregion.ru/> (дата обращения 12.04. 2020)

экономического развития на период до 2025 года»¹⁵¹, принятой в 2010 году, гарантирующей ежегодные успешные показатели в привлечении инвестиций, в строительстве, в АПК, в модернизации социальной инфраструктуры.

Система исполнительной власти Московской области (правительство) насчитывает 18 министерств (ИОГВ), аппарат губернатора состоит из 14 главных управлений и 4 комитетов¹⁵². Правительство региона осуществляет управление территорией в 44,3 тыс. квадратных метров, с численностью населения 7 млн 503 тыс. человек (данные на 1 января 2018 года)¹⁵³. По оценке экспертного и научного сообщества, система исполнительной власти региона не была эффективной до 2017 года. Более того, в «нулевые» годы субъект РФ сотрясали коррупционные скандалы. Лишь после уточнения стратегии развития региона, реформирования правительства области, укрупнения органов МСУ («является официально самостоятельной, но частью публичной, государственной, власти»¹⁵⁴), регион стал демонстрировать количественные и качественные показатели в развитии.

Система исполнительной власти в Смоленской области состоит из аппарата администрации (8 управлений и 4 отделов), 21 департамента и 8 главных управлений (ИОГВ)¹⁵⁵. По территории и населению данный регион имеет следующие показатели: 49,8 тыс. квадратных километров и 949 тыс. человек населения¹⁵⁶ (данные на 1 января 2018 года). Ни в 1990-е, ни в 2000-е годы система исполнительной власти, по мнению диссертанта, не была

¹⁵¹ Ольтиона Д. Развитие инновационной экономики в Белгородской области / Д. Ольтиона, Е.А. Стребкова // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2017. – №8. – С.219–224.

¹⁵² Официальные данные с сайта правительства и губернатора Московской области [электронный ресурс] // Правительство Московской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://mosreg.ru/> (дата обращения 12.04.2020)

¹⁵³ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.

¹⁵⁴ Лукьянова М.Н. Оценка уровня стратегического планирования и эффективности реализации стратегий в муниципальных образованиях (на примере Московской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т.16. – С. 456–471.

¹⁵⁵ Официальные данные сайта администрации Смоленской области [электронный ресурс] // Администрация Смоленской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://admin-smolensk.ru/> (дата обращения 12.04.2020)

¹⁵⁶ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.

эффективной, ни одна отрасль экономики субъекта РФ не показывала образцы инновационного развития, что может являться примером продуктивности. В регионе по-прежнему осуществляется ставка на АПК, как определяющую отрасль «для успешного развития»¹⁵⁷.

В правительстве Орловской области функционирует 10 управлений и 12 департаментов (ИОГВ), аппарат губернатора состоит из 4 главных управлений, 5 управлений, 1 департамента и 4 отделов¹⁵⁸. Регион базируется на площади в 24,7 тыс. квадратных километров, с населением в 747 тыс. человек¹⁵⁹ (данные на 1 января 2018 года). Орловская область, являясь агропромышленным регионом, в последнее время демонстрирует относительно благоприятные условия для ведения бизнеса». За счет создания ОЭЗ и ТОСЭР «Мценск» («способность выстраивать отношения с корпоративными агентами»¹⁶⁰) региональная власть тем самым посылает позитивные сигналы инвесторам, что может свидетельствовать о меняющейся в лучшую сторону ситуации.

Территория Забайкальского края имеет площадь в 431,9 тыс. квадратных километров, с численностью населения в 1 млн. 72 тыс. человек¹⁶¹. В период 2000- годов, в том числе и во время руководства данным субъектом РФ губернатором от партии «Справедливая Россия» К. Ильковским в сентябре 2013 – феврале 2016 гг., регион не только не относился к числу успешных, но и характеризовался научным сообществом с точки зрения заметного «отставания в уровне социально-экономического

¹⁵⁷ Потехин Г.А. Современное состояние и тенденции развития агропромышленного комплекса Смоленской области / Г.А. Потехин, А.Г. Лучкин, Н.Е. Новикова, О.Г. Лукашева // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – №3. – С. 13–16.

¹⁵⁸ Официальные данные портала Орловской области – публичного информационного центра [электронный ресурс] // Портал Орловской области – публичный информационный центр: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/index.php> (дата обращения 12.04. 2020)

¹⁵⁹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.

¹⁶⁰ Малышева Н.С. Государство и общество в условиях новых вызовов // Политика и управление государством: новые горизонты и векторы развития: сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 7–24.

¹⁶¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.

развития»¹⁶² (в 2016 году Забайкальский край находится в предбанкротном состоянии, дефицит краевого бюджета составляет 5,5 млрд рублей). Все это ориентировало федеральный центр на ряд действий по улучшению ситуации в территории. В Забайкальском крае стартовало создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), были внедрены и другие формы государственной поддержки.

2.2. Механизмы и формы взаимодействий парламентских партий в процессе формирования органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации

Прежде чем перейти к анализу механизмов, форм и каналов взаимодействия парламентских политических партий в процессе формирования и функционирования органов исполнительной власти субъектов РФ, необходимо заявить следующее. Во-первых, партийно-политический интеракционизм в субъектах РФ не является изобретением регионов, а представляет собой примеры и практики, реализованные на федеральном уровне (об этом подробнее в данном параграфе). Во-вторых, данное взаимодействие складывается во многом как следствие усилий государства по коррекции партийной системы и модернизации органов власти и управления (в работе эти коррекции выделяются). В-третьих, мировоззренческой основой этих интеракций стали близкие подходы парламентских партий в отношении прошлого, настоящего и образа будущего нашей страны. Таким образом, в данном параграфе автор разбирает следующие концепты: 1) **основания для интеракций** (символический интеракционизм), 2) **общефедеральные практики, транслируемые на региональный уровень**, 3) **каналы интеракций**, 4) **формы взаимодействия**, 5) **механизмы взаимодействия**.

¹⁶² Ковальчук Л.Б. Создание территорий опережающего развития в Забайкалье: проблемы и перспективы / Л.Б. Ковальчук, С.А. Кравцова // Известие Байкальского государственного университета. 2019. – Т.29. – №3. – С. 491-498.

При рассмотрении данных аспектов исследования стоит подчеркнуть, что анализ механизмов участия парламентских партий в формировании региональных органов исполнительной власти логично предполагает рассмотрение политико–правовых оснований выдвижения политическими партиями кандидатов в руководители системы исполнительной власти региона. Данные аспекты детально отражены в Федеральном Законе (ФЗ-184), в котором представлены принципы функционирования органов власти российских регионов (законодательных и исполнительных). Речь идет о статьях Федерального Закона 20, 17, 21, 18.

Стоит подчеркнуть, что российские политические партии, согласно Федеральному Закону (ФЗ-95), который регулирует функционирование политических партий (статья 26.3), данный институт обладает полномочиями выдвижения из своей среды кандидатов на статусную должность главы региона (руководителя системы исполнительной власти). Это формирует правовой механизм взаимодействия политических партий с властью, который наряду с организационным, кадровым, информационным, финансовым механизмами институционализирует окно возможностей партий как на участие в борьбе за посты глав регионов (губернаторов), так и на соуправление региональными территориями, отраслями и сферами.

Как мы уже отмечали ранее, если в период 90-х годов процесс становления партийной системы в РФ носил хаотичный характер с минимумом участия в данном процессе института государства, то в 2000-е годы система государственного управления активно влияла на трансформацию партийной системы и на коррекцию числа политических партий в этой системе. Участие государства в коррекции партийной системы имело несколько целей. Одна из этих целей состояла в том, что модернизация российского общества практически невозможна без решения проблем политической модернизации.

Это в свою очередь предполагало управление институциональными изменениями. В том числе производство и воспроизводство норм, правил,

ценностей, которыми руководствуются акторы в политическом поведении. Значимым элементом этих изменений стал и ориентир для политических акторов согласовывать интересы разнообразных социальных групп, выстраивать интеракции между собой и находить консенсус для мобилизации граждан в этих институциональных преобразованиях.

Вторая цель коррекции партийной системы в РФ предусматривала задействование партийного потенциала парламентских партий в широкой консолидации социальных слоев и групп на решение задач прорыва в социально-экономическом развитии страны. А это было бы возможным при политической активности ряда институтов, включающих в себя как «формальные политические институты (государство, политические партии, средства массовой информации)¹⁶³», так и неформальные – поведение основных политических акторов.

Имеет смысл также отметить, что именно за последние 20 лет в России складывались и в целом сложились нормы, правила и ценности, характерные для современного российского общества, на базе которых формируется отечественная политическая культура с особенностями политического участия граждан. На наш взгляд, это подданическая культура с трендом движения к участнической (гражданской) политической культуре. Сформировалась и подсистема парламентских политических партий, которая включает в себя следующие компоненты: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), партия «Единая Россия» и партия «Справедливая Россия». Данные партии имеют свою историю и свои традиции. Взаимодействие между ними, с одной стороны, и взаимодействие партий и системы исполнительной власти, с другой стороны, имеет смысл обозначать как *символический интеракционизм*. Именно это явление и благоприятствует интеракциям сторон на региональном уровне.

¹⁶³ Павлова Т.В. Политическая активность как фактор политической модернизации // Модернизация и развитие в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян; ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 306–319.

Идеологическое основание взаимодействия. Важным направлением во взаимодействии партии «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» с органами исполнительной власти на региональном уровне стала символическая политика. В ее основе лежит общность и близость взглядов и ценностей руководства и актива данных структур (традиция, суверенность, стабильность) и стратегических устремлений (развитие), общее видение перспектив прогресса в России. Кроме того, как полагают отечественные авторы исследования «Интернет и идеологические движения в России», есть и некая общая социальная база всех 4 парламентских партий, которая стимулирует эту символическую политику.

Этот феномен в коллективной монографии ряда авторов назван российским провластным конформизмом и «человеком советским». Это социальные группы, осознающие себя большинством на образе В.В. Путина¹⁶⁴. Важно также подчеркнуть, что причиной активизации взаимодействия между парламентскими партиями и властью послужили внешние (экономические санкции, вводимые странами Запада с 2014 года в отношении РФ и международное давление) и внутренние факторы. Одним из внутренних факторов усиления взаимодействия на региональном уровне стало упразднение в партии «Единая Россия» в 2016 году идеологических платформ. Что очень важно – к этому времени для партии «ЕР» они больше не выполняли функцию расширения электората. Более того, они были скорее определенными раздражителями в интеракциях между партиями, с одной стороны, и между партиями и исполнительной властью, с другой стороны.

Для того чтобы в большей мере отразить суть и результаты взаимодействия политических партий России на федеральном, и в особенности на региональном, уровне, необходимо локализовать имеющиеся основные партии и движения (парламентские и непарламентские, зарегистрированные и незарегистрированные) в политическом пространстве

¹⁶⁴ Интернет и идеологические движения в России: коллективная монография / сост. Г. Никитопец-Такигава, Э. Паин. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 480 с.

на основании двух осей. В основе осей и системы политических координат – континуум предпочтений. Первая ось представляет собой спектр предпочтений от крайней привязанности к государственному интервенционизму (политике вмешательства) до крайней привязанности к рыночному регулированию. Вторая ось ориентирована на континуум других предпочтений – от «крайней предрасположенности к традиционализму до крайней предрасположенности к модернизму»¹⁶⁵ (см. Приложение).

Общесредаральные партийно-политические практики взаимодействия. Кроме того, рассматривая институционализацию взаимодействия парламентских политических партий РФ периода 2000-х годов, стоит выделить два важных аспекта. Первый – данные интеракции, в особенности конструктивные и продуктивные, как правило складывались в результате их инициации со стороны «партии власти» («Единой России»), формируя отечественную традицию нахождения консенсуса между партийно-политическими силами. Примерами такого взаимодействия является поддержка оппозиционными политическими партиями в Госдуме (КПРФ, ЛДПР, «СР») принятия проектов федеральных бюджетов и законопроектов, инициированных правительством РФ (в основном сформированных представителями «ЕР»).

Второй – партия «Единая Россия» как «партия власти», инициируя систему интеракций на федеральном и региональном уровнях в течение 20 лет обладала значительными политическими ресурсами и влиянием, поскольку «сама партия принадлежит власти, являясь ее эпифеноменом»¹⁶⁶. Именно это позволяло ей доводить некоторые взаимодействия с другими партиями до определенного логического завершения. Примером данных интеракций является присутствие в правительстве РФ в рассматриваемый нами период представителей оппозиционных политических партий:

¹⁶⁵ Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни / пер. с польского Е.Г. Генделя. – М.: Мысль, 2012. – 536 с.

¹⁶⁶ Устименко С. «Партия власти» в современной России: ретроспектива и перспектива / С. Устименко, А. Иванов // Власть, 2003. – №8. – С. 6–12.

С.В. Калашникова от ЛДПР (2000-й год – министр труда и социального развития, 2003-2008 – директор департамента социального развития аппарата правительства РФ), И.Ю. Артемьева от партии «Яблоко» (с 2004 год по настоящее время – руководитель Федеральной антимонопольной службы РФ), Д.О. Рогозина от блока «Родина» (с 2008 года по 2018 год – заместитель председателя правительства РФ). Данные примеры с формированием исполнительной власти на федеральном уровне тиражировались и на уровне субъектов РФ.

Другие парламентские партии в партийной системе РФ (КПРФ, ЛДПР, «СР») также инициировали систему транзакций и интеракций между собой и с «Единой Россией». Однако, так как они не обладали мощными ресурсами в сравнении с ресурсами «партии власти», эффект инициации такого взаимодействия оппозиционных парламентских политических партий сводился к минимуму. Более того, партия «Единая Россия» зачастую была противником всяких ситуативных и долговременных политических союзов между ними. Поэтому в данном разрезе стоит рассматривать попытку партии «Справедливая Россия», после своего учреждения в 2006 году, институционализироваться как «вторая партия власти» и создать условия для взаимодействия с КПРФ, ЛДПР, внесистемными движениями как неудачную. Вследствие этого, доминантой присутствия парламентских партий на политическом рынке стала конкуренция.

Исследуя проблематику взаимодействия парламентских политических партий в РФ в разрезе коррекции партийной и избирательной систем, стоит также обратиться к научному подходу западного политолога Р. Роуза о полезности тех или иных систем для политического развития. Данный автор, исследуя особенности функционирования демократических и недемократических стран, пришел к выводу, что демократии различаются по своим избирательным системам и институтам поддержания верховенства закона, а «выборы фиксируют расхождения во мнениях относительно того,

кто должен править»¹⁶⁷. В России же в период 2000-х годов использовались разные избирательные системы как на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания, так и при выборах глав регионов.

Отечественный политолог А.Е. Любарев также отмечает многообразие избирательных систем в постсоветской России. При выборах в российский парламент, полагает он, реализовывалась параллельная система. В частности, на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2003 и в 2016 годах использовались плюральная (мажоритарная относительного большинства) и пропорциональная (с закрытыми списками). Однако отмечает А.Е. Любарев, в 2007 и 2011 годах выборы проходили по пропорциональной системе в «едином округе с закрытыми списками»¹⁶⁸.

Данный исследователь также полагает, что в России на основании федерального закона с 2002 года реализовывалась система абсолютного большинства для выборов глав субъектов РФ. Следовательно, в период с 2002 года по февраль 2005 года «все губернаторские выборы проводились по этой системе»¹⁶⁹. Используется данная избирательная система и после восстановления прямых выборов глав региональных территорий с 2012 года (с марта 2005 по 2011 год действовала система назначения руководителей исполнительной власти российских регионов).

В нашем исследовании проблематики взаимодействия парламентских политических партий, а также особенностей данных интеракций мы вправе предложить гипотезу о том, что с начала 2000-х годов для партии «Единая Россия» создавались особые условия как для ее конкуренции на выборах, так и для ее доминирования в партийной системе. И в 2005 – 2007 гг., по нашему мнению, партия «ЕР» стала не только «партией власти» (правлящей партией), но и доминирующим компонентом в полупартийной системе. Именно

¹⁶⁷ Роуз Р. Демократические и недемократические государства // Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 45–68.

¹⁶⁸ Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. – М.: РОО «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.

¹⁶⁹ Там же. С. 124.

при такой системе формировалось правительство РФ с участием партии, имеющей большинство в парламенте (с 2003 года «ЕР» имеет конституционное большинство в Госдуме). Эта же партия, как правило, определяла модели и практики взаимодействия парламентских партий на разных уровнях.

Исследуя проблематику взаимодействия парламентских партий, нужно иметь в виду и типы политических режимов РФ в период 2000-х (федерального и регионального), в рамках которых осуществлялись данные интеракции. Российский политолог Ю.А. Красин, исследуя режимные трансформации начала «нулевых» годов и возможные изменения в среднесрочной перспективе, осуществлял это на базе антиномии «*демократия – авторитаризм*». Он считал, что в политике российской власти присутствуют и даже в какой-то мере «срастаются два компонента: укрепление государственности и усиление авторитарных тенденций»¹⁷⁰. Вместе с тем, дилемма *демократия-авторитаризм* может быть преодолена, если в обществе происходят глубокие подвижки. Правда, как «показывает историческая практика, этого нельзя сделать одним прорывом»¹⁷¹.

Участие государственной власти в России выразилось и в том, что в период с 2004 по 2007 годы были реализованы меры не только в коррекции партийной системы РФ в направленности сокращения политических партий за счет их присоединения к более крупным или их ликвидации (маятник качнулся и в сторону мажоритарной избирательной системы), но и в создании политических условий для взаимодействия партии «Единая Россия» с парламентскими и непарламентскими партиями, при доминировании «ЕР». Стоит также отметить (это важно для дальнейшего анализа), что согласно ст. 95 Конституции РФ Госдума состоит из 450 депутатов, а избрание в нее регулируется федеральным законом «О выборах депутатов Государственной Думы РФ». И до 2007 года она формировалась по смешанной

¹⁷⁰ Красин Ю.А. Политический выбор России: в лабиринте антиномий // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2003.

¹⁷¹ Там же. С. 278.

пропорционально-мажоритарной системе, где 225 депутатов избирались по партийным спискам, а еще 225 – по одномандатным округам.

Конкретным шагом в формировании действующей в 2000-е годы системы парламентских партий послужила встреча Президента РФ В. Путина с членами Центральной избирательной комиссии (ЦИК), где акцент был сделан на «укрупнение политических структур и формирование малопартийной системы из двух-трех партий»¹⁷². Позднее, и в 2004, и в 2008 годах, согласно социологическим опросам ВЦИОМ, большинство респондентов высказывалось за дизайн многопартийной системы, состоящей из модели «двух-трех хорошо организованных партий (если в 2004 году ее придерживались 30% граждан страны, то 2008 – уже 45%)»¹⁷³.

Таким образом, коррекция партийной системы в РФ, осуществленная в период с 2004 по 2008 год в сторону пропорциональной системы (просуществовала до 2012 года), в результате которой оформился нынешний состав парламентских политических партий с доминированием «ЕР» и основные формы политических интеракций между ними, выразился он в следующих изменениях. Во-первых, выборы в Госдуму стали проводиться только по партийным спискам и с установлением 7% барьера. Во-вторых, акцент в выборных кампаниях был сделан на формирование правительства парламентского большинства. В-третьих, были запрещены региональные партии, на выборах в региональные законодательные собрания 50% получили общедеральные партии, 50% осталось за одномандатниками.

Если к этому добавить, что в 2004 году были отменены выборы глав субъектов РФ всем населением территории и их назначением Президентом РФ с последующим утверждением региональным заксобранием, то партия «Единая Россия» получила и доминирующую возможность предлагать из своего состава кандидатов реальных возможностей на пост руководителей

¹⁷² Шутов А.Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – С.84–100.

¹⁷³ Политическая система должна укрупниться. Российские избиратели высказываются за сокращение количества политических партий // Российская газета. – 02.12.2008. – С. 2.

исполнительной власти территорий. Назначение глав субъектов РФ в период с 2005 по 2012 гг. показывает, что основными претендентами на эти посты были представители «ЕР» и лишь исключения составляли выходцы из других парламентских политических партий: КПРФ, «Справедливой России», ЛДПР.

Данное правило привело к тому, что часть глав регионов, ранее избранных на свою должность не от «Единой России», меняла свою партийную принадлежность для того, чтобы пройти переназначение Президентом РФ. Данные примеры были характерны для губернаторов-коммунистов Александра Михайлова (Курская область), Александра Ткачева (Краснодарский край). Вместе с тем, достаточно продолжительное время в «нулевые» годы губернаторами от КПРФ, не поменявшими партийную принадлежность, были Николай Виноградов (Владимирская область), Николай Максютя (Волгоградская область) и Михаил Машковцев (Камчатский край). Еще более жесткие практики в смене партийной принадлежности сложились в отношении избранных от других партий мэров областных (республиканских) центров.

В 2007 году партия «Единая Россия» уже достаточно смело поставила главную цель в своей деятельности, что было оглашено на VII съезде (Екатеринбург, 2 декабря) в выступлении председателя Б.В. Грызлова. Это «сохранение парламентского большинства в государственной Думе, получение большинства во всех региональных законодательных органах, расширение представительства на муниципальном уровне»¹⁷⁴. А основой для взаимодействия как с политическими партиями, так и с широкими социальными слоями и группами населения стал тезис о том, что «ЕР» предлагает путь гражданского согласия.

В итоге, в период 2006-2008 годов партия «Единая Россия» выстраивала взаимодействие с другими парламентскими партиями с «позиции силы», при котором диалог с иными компонентами партийной системы

¹⁷⁴ Грызлова Б.В. Россия – выбор будущего: политические задачи партии и вопросы стратегии развития России: доклад председателя Всероссийской политической партии «Единая Россия»: материалы VII съезда ВПП «Единая Россия». – Екатеринбург: 2007. – 132 с.

происходил в рамках модели «приводного ремня». И во многом это базировалось на том, что парламентская партия «Единая Россия» оформилась к этому времени как всеохватывающая партия по О. Кирххаймеру (catch-all), или «партия хватай всех». Проблематику всеохватывающей партии исследовал и П. Игнаци, считая это причиной в «падении значимости идеологий»¹⁷⁵.

Во многом соглашаясь с О. Кирххаймером, П. Игнаци видит за всеохватывающей партией модель «государственно-центристской партии», в рамках которой «отвернувшись от общества, партия двинулась в государства». Полагаем, что именно данный тренд в эволюции «ЕР» был причиной роста численности государственно-центристской партии, для которой возможный рост политического протеста «действительно представляет собой серьезное испытание на прочность»¹⁷⁶. Кстати, по оценкам экспертов, на пике популярности «ЕР» в 2007 – 2008 гг. в партию подавали заявления о вступлении по 40 тыс. человек ежемесячно. Таким образом, партия «Единая Россия» становилась массовой партией (2004 год – 740 тыс. членов, 2006 год – 943 тыс. человек, в 2008 году – в пределах 2 млн. членов).

Сложившийся тип партии «ЕР» как всеохватывающей партии логично подтвердить и следующими доводами. Во-первых, «Единая Россия» поглотила часть функционировавших на тот период времени политических партий: Народную партию (с численностью не менее 50 тыс. членов), Российскую объединенную промышленную партию (более 68 тыс. человек). В октябре 2008 года состоялся последний съезд Аграрной партии России (АПР), на котором единогласно было принято решение о ее фактической

¹⁷⁵ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 29–76.

¹⁷⁶ Подвинцев О. «Глиняные ноги» партии власти // ProetContra. – 2010. Май-июнь. – С. 97–114.

ликвидации «путем присоединения к «Единой России»¹⁷⁷. Это сделано на основании ст. 25 п.1 федерального закона «О политических партиях».¹⁷⁸

Во-вторых, в начальной стадии, в особенности до принятия «ЕР» в 2009 году идеологии партии в виде российского консерватизма (триада: стабильность, традиция, развитие), в партии с 2005-2007 гг. до 2012 года функционировали 4 различных политических клуба (с разным мировоззрением и идеологическими установками), преобразовавшиеся затем в идеологические платформы (патриотическую, консервативную и либеральную). В-третьих, партия «ЕР» персонифицировала выборы в Государственную Думу 2007 года под самого популярного политика страны, сформировав предвыборную программу «План Путина», базирующуюся на восьми посланиях президента и состоявшую из нескольких ступеней («Россия как великая цивилизация», конкурентность экономики и выход на уровень мировых держав, защита интересов граждан, суверенное государство).

На наш взгляд, такие тренды в развитии парламентской партии «Единая Россия» в данный отрезок времени преследовали цель монополизации партийно-политического пространства и проведение партийной политики взаимодействия с другими партиями в режиме доминирования («ЕР» к 2009 году сложилась как «доминантная партия особого типа»¹⁷⁹ по оценке С.П. Перегудова) и в рамках механизма «приводных ремней». Не случайно в ноябре 2007 года руководство «ЕР» активно изучало опыт Коммунистической партии Китая (КПК), опубликовав в публичном пространстве «белую книгу» о партийной системе страны, в которой обосновывалась модель однопартийной демократии. При этом руководству «ЕР» было интересно выстраивание в Китае специфичной

¹⁷⁷ Данные официального сайта партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // «Единая Россия»: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://er.ru/> (дата обращения 12.04.2020).

¹⁷⁸ О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. – 16.07.2001. – № 29. – Ст. 2950.

¹⁷⁹ Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007 – 2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации // Политические исследования. – 2009. – №2. – С. 23–38.

демократической системы, при которой одна партия (КПК) полностью управляет страной.

Вместе с тем, последующие события в РФ, в особенности протесты оппозиционных сил в 2011 – 2012 годах, показали всю иллюзорность тиражирования и масштабирования китайского опыта в условиях российских реалий. В том числе и удобных для «ЕР» моделей взаимодействия с другими партиями. Эти же события, включая выборы в Государственную думу 2011 года, привели к смене парадигмы межпартийного сотрудничества «ЕР». Тренд дальнейшей монополизации партией власти партийно-политического пространства перестал быть актуальным. «Единая Россия» не только инициирует проект либерализации ФЗ «О политических партиях», который упрощает порядок регистрации новых партий (на 2011 год в партийной системе РФ было всего 7 партий) и разрешает регистрировать партии при их численности в 500 человек (до этого необходимо было наличие 50 тысяч членов). Таким образом, к марту 2012 года в Министерство юстиции РФ поступило 68 заявок оргкомитетов на создание партий.

Уже цитируемый нами западный исследователь Р. Роуз приводил в свое время важный аргумент в обоснование пропорционального правления. Оно, полагает данный автор, логично потому, что данный тип правления является более справедливым в отношении всех представителей социума. Отвергая принцип и политические практики «победитель получает все», пропорциональное представительство дает возможности политическим партиям получить свои места в соответствии с процентами голосов и влиять на политические решения. Выборы в Госдуму 2011 года в новых условиях политического рынка и конкуренции на нем сориентировали партию власти на новые практики в проведении акций, транзакций (сделок) и интеракций (взаимодействий), которые затем ретранслировались с федерального уровня на региональный.

В частности, в декабре 2011 года между «ЕР» и оппозиционными парламентскими политическими партиями (КПРФ, ЛДПР и «Справедливой

Россией») был заключен ряд сделок (транзакций). Из семи зампредов Государственной Думы РФ трое стали представителями оппозиционных партий. При этом 15 из 29 комитетов получила «ЕР», 14 достались оппозиции. В России в системе диалога стала формироваться традиция достижения консенсуса между правящей и оппозиционными парламентскими партиями, заключения выгодных сделок (не только для сторон, но и для населения), взаимодействий (интеракций) парламентских партий.

Таким образом, уже на рубеже 2011-2012 гг. в системе взаимодействия парламентских политических партий РФ, где солировала и доминировала «партия власти» (ЕР), происходят существенные изменения: пик монополизации «ЕР» партийно-политического пространства в стране остался позади, расширяющиеся протестные настроения аккумулируют иные, чем «Единая Россия», партии и движения, политическим мейнстримом в странах Западной и Восточной Европы становится популизм, который не может не влиять и на постсоветскую Россию.

Как отмечает отечественный исследователь С.П. Перегудов, «популизм для партий не просто средство обрести влияние, но и непереносимое условие самого их существования»¹⁸⁰. Популизм, по мнению исследователя, становится важнейшей их составляющей, их сущностью. Поэтому, с одной стороны, «Единая Россия» усилила интеракции с широкими социальными и общественными движениями, парламентскими и непарламентскими партиями, для укрепления доверия к себе и поддержки, с другой стороны, сами партии и движения готовы были к сделкам и взаимодействию, для обретения властного влияния и ресурсов, которыми обладала «партия власти». При этом выигравшей стороной были и избиратели, которые видели во взаимодействии увеличение общего (публичного) блага.

¹⁸⁰ Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Политические исследования. – 2014. – №1. – С. 45–59.

Именно эти изменения позволяют нам разделить институционализацию и развитие интеракций отечественных парламентских партий на два этапа. 1 этап (2001 – 2010 гг.) – это этап инициации партией «Единая Россия» взаимодействия с другими партиями на основе задач и требований «партии власти», который можно сформулировать слоганом «Присоединяйтесь к нам!». 2 этап (2011 – 2019 гг.) – это этап равного или почти равного взаимодействия сторон, заинтересованных в сохранении политической стабильности, устойчивости партийной системы (при наличии протестных настроений граждан), в достижении организационно-процедурных сделок и в реализации символической политики.

Как считает отечественный политолог Л. Сморгунов, новым для избирательного процесса в РФ в 2012 году, в рамках которого складывалось широкое взаимодействие между парламентскими политическими партиями, с одной стороны, между партиями и избирателями, с другой стороны, стали «коалиционные стратегии кандидатов и партий и использование «предварительного голосования» («праймериз»)¹⁸¹. Взаимодействие парламентских политических партий на федеральном и региональном уровнях в «мирный» и «военный» период (избирательные кампании) стали более выгодными, нежели сильная конкуренция и конфликтная деструкция между ними.

Каналы интеракций. Таким образом, исследуя деятельность парламентских политических партий РФ и функционирование системы исполнительной власти в российских регионах, диссертант отмечает: 1) мощное взаимовлияние, осуществляемое с двух сторон, 2) тиражирование и масштабирование общефедеральных политических практик взаимодействия на уровне субъектов РФ. Это взаимовлияние ретранслируется в результативное взаимодействие партий и региональной власти, варьирующееся от позитивного взаимодействия, через политически

¹⁸¹ Сморгунов Л. Без доверия к выборам нет выбора. О местных выборах 2012 года и перспективах электоральной политики в России [Электронный ресурс] // Российская газета: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://rg.ru/2012/08/01/vibory.html> (дата обращения 12.04.2020)

нейтральное, и до негативного взаимодействия. При этом весь спектр взаимодействия двух сторон (партии – администрации регионов) автор формулирует как двухканальную систему интеракций, влияющих на социально-экономическое и политическое развитие регионов, приращение общего (публичного) блага населения территорий.

Первый канал интеракций. Отделения парламентских политических партий, агрегируя и артикулируя интересы основных социальных групп и слоев территориального сообщества, переносят эти интересы вместе с элементами и установками общенациональных партий на систему принятия решений исполнительной власти субъекта РФ. Это происходит как в рамках деятельности фракций в региональных законодательных собраниях, так и посредством СМИ, социальных сетей и публичной деятельности актива партий. Часть из данных предложений и рекомендаций оформляется в стратегиях социально-экономического развития регионов. Стратегии представляют собой систематическое использование государственными органами находящихся в их распоряжении «ресурсов и властных полномочий с целью достижения общественно значимых целей»¹⁸².

Второй канал интеракций. Руководство исполнительной власти регионов через подразделения аппарата губернатора (блок внутренней политики) реализует часть действий в отношении лидеров и актива отделений парламентских политических партий. Такие действия ряд отечественных политологов называет политическим менеджментом. В нем выделяется три вида управления: «государственное регулирование политических процессов, управление политическими кампаниями, управление в политических организациях»¹⁸³. Примером политического менеджмента, по оценке Г.В. Пушкаревой, является мягкое воздействие на деятельность политической партии по обеспечению работоспособности

¹⁸² Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского, под науч. ред. Я. Охонько. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 472 с.

¹⁸³ Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 365 с.

политической структуры. Причем в интересах социально-экономического и политического развития региона и выполнения программных целей самой партии две этих цели могут совпадать.

Формы взаимодействия парламентских партий и органов исполнительной власти в субъектах РФ *представляют собой смысловые и поведенческие конструкции политических акторов в достижении выверенных общих целей с соблюдением формальных и неформальных правил.* Диссертант в этой связи выделяет три основные формы интеракций на региональном уровне. Во-первых, это создание и функционирование партийно-правительственных коалиций в субъектах РФ (автор представит это на примере Смоленской области).

Суть вопроса. По итогам избирательных циклов в регионах отделения парламентских партий предпочитают не идти на обострение потенциального конфликта с доминирующим политическим актором (губернатором и правительством субъекта РФ), подчеркивая свое пребывание в де-факто сложившейся межпартийной коалиции. Таким образом, в стратегическом отношении для самих партий, для государственных структур и для большинства населения предвыборные альянсы стали выглядеть логичнее и продуктивнее, чем конфликтное соперничество. Более того, система интеракций в организационно-процедурной сфере между парламентскими партиями усиливает стабильность партийной системы РФ, которая, отторгая крайние компоненты, становилась более стабильной и устойчивой.

Во-вторых, это политическое взаимодействие между ведущей (доминирующей) стороной и ведомыми акторами, гарантирующими сторонам материальные (ресурсная поддержка партиям) и политические дивиденды (лояльность губернатору и правительству области со стороны парламентских политических партий). Автор детально исследует это на примерах интеракций сторон в Калужской, Белгородской и Московской областях. Стоит также отметить, что в период 2000-х годов в регионах России происходило не только взаимодействие парламентских политических

партий по ряду направлений, но и институционализация интеракций между парламентскими и непарламентскими политическими партиями. Основой для такого взаимодействия стали поправки к закону «О политических партиях», по которым партии, не представленные в Госдуме и региональных парламентах, могут минимум раз в год выступать на пленарном заседании палаты.

И, в-третьих, это символические проекты, в которых участвуют и органы власти, и отделения политических партий в субъектах РФ (к примеру, в реализации концепции «солидарного общества в Белгородской области»). К данной форме можно отнести и пример следующего порядка. С 2012 года в партии «Единая Россия» в работе находилось 43 проекта, из которых 23 социальные, 15 инфраструктурные, остальные – общественные. Это проекты по строительству в регионах ФОКов и детских садов, проекты «500 бассейнов», «Историческая память», «Народный контроль», «Российский лес», «Управдом», «Дворовый тренер» и др. Именно эти проекты становились основой для координации действий органов исполнительной власти, актива ряда оппозиционных парламентских политических партий, общественности на региональном и местном уровнях.

Стоит также отметить, что, начиная с 2012 года партия «Единая Россия» запустила в реализацию через свои региональные отделения дополнительно 480 партийных проектов. Всего же на декабрь 2012 года в субъектах РФ в рамках партийных проектов было построено 346 ФОКов, появилось 198 тыс мест в детских садах, 50 регионов приняли участие в проекте «Дворовый тренер»¹⁸⁴. Данные проекты стали не только площадкой для взаимодействия в субъектах РФ, но и примером для адаптации опыта «ЕР» с партпроектами в других партиях. Партийные проекты активизировали и такой феномен внутри «ЕР», как совет сторонников «Единой России».

¹⁸⁴ Данные официального сайта партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // «Единая Россия»: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://er.ru/> (дата обращения 12.04.2020)

Уже в октябре 2015 года на расширенном заседании Центрального координационного совета сторонников партии «Единая Россия» были приняты к реализации три особых проекта. Это «Общественная экспертиза», «Мониторинг социальных конфликтов» (защита прав граждан от непродуманных действий региональных и местных органов власти) и «Предпринимательская среда». Все три проекта также задействовали потенциал органов власти и управления, актива парламентских партий, широкой общественности, в том числе и на региональном уровне.

Механизмы интеракций. Рассматривая механизмы взаимодействия парламентских политических партий в процессе формирования органов исполнительной власти на региональном уровне, имеет смысл дать авторское определение таких механизмов. Итак, *механизмы интеракций власти и партий представляют собой комплекс правил, документов и технологий, разработанных сторонами в рамках формальных и неформальных процедур для: 1) совместной деятельности в интересах региона и его жителей, 2) обеспечения этих интеракций политическими ресурсами, 3) создания диалоговых площадок в цивилизованном разрешении кризисов, конфликтов и деструкций.* Механизмы интеракций сторон имеют шансы как на воспроизводство в будущем, так и на их демонтаж.

В связи с данным определением диссертант выделяет четыре основные группы таких механизмов. Во-первых, это конкурсные механизмы, функционирующие в виде избирательных кампаний, где партии между собой и власть региона вместе с партиями могут достигать легитимных договоренностей по ходу и итогам происходящих выборов. Во-вторых, это организационные механизмы, где стороны формируют посреднические структуры (платформы), в рамках которых осуществляется диалог и достижение сделок. В-третьих, процедурные механизмы, в функционировании которых стороны проводят мониторинг политических договоренностей (к примеру, за прозрачностью и честностью выборов). В-

четвертых, гибридные механизмы, сочетающие в себе отдельные элементы трех вышеперечисленных.

Резюмируя выводы по второй главе, отметим следующее.

Во-первых, институционализация взаимодействия парламентских политических партий РФ и исполнительной власти происходила не только на федеральном, но и на уровне региональных территорий. Само понятие территории выступает в данном случае как политический институт в пространственно-временном континууме с наличием власти (господства) и населения (подчинения), ориентированного на взаимодействие акторов (партий и исполнительной власти) для решения общих задач в ее социально-экономическом развитии и политическом прогрессе, в приращении общих (коллективных) благ. Парламентские политические партии (их отделения в региональных территориях), являясь важнейшим институтом территориальных политических систем, имеют предназначение (миссию) в том, чтобы вести конкурентную борьбу за власть в субъектах РФ и, получая её, возглавлять управленческие государственные институты для осуществления политического курса сформированной и функционирующей региональной исполнительной власти.

Во-вторых, в период 2000-х годов региональные администрации (правительства) субъектов РФ, как один из доминирующих компонентов территориальных политических систем (ТПС), структурировались в виде двух управленческих комплексов: 1) это исполнительные органы государственной власти (ИОГВ), 2) это подразделения, интегрированные в аппараты глав регионов. Такая структуризация системы исполнительной власти субъекта РФ оформилась в два приоритетных направления своей работы. Во-первых, это направление социально-экономического развития территорий, представляющее собой частичный или полный государственный дирижизм отраслями экономики и социальной сферы, руководимых и курируемых отраслевыми региональными министерствами (департаментами). Во-вторых, это направление внутренней политики администраций регионов, состоящих

из подразделений аппарата глав регионов и отвечающих за политическое развитие территории (мониторинг деятельности политических партий, НКО, диаспор, кадровая политика, контроль и др.).

В-третьих, институционализация взаимодействия парламентских политических партий в процессе формирования и функционирования исполнительной власти в субъектах РФ представляла собой три основных компонента: каналы интеракций, формы и механизмы взаимодействия. В рамках двухканального взаимодействия отделения парламентских политических партий влияют на систему принятия решений исполнительной власти субъекта РФ, в свою очередь региональная исполнительная власть осуществляет мягкое воздействие на результативность деятельности партий в регионах. Формы взаимодействия парламентских партий и органов исполнительной власти в субъектах РФ – смысловые и поведенческие конструкции сторон в достижении общих целей развития региона. Механизмы интеракций – комплекс правил, документов и технологий, разработанных сторонами при осуществлении интеракционных процедур.

Глава 3 Опыты взаимодействия парламентских партий в процессе формирования региональных органов исполнительной власти в Российской Федерации

Институционализация российской партийной системы в период 2000-х годов с доминантной партией «Единая Россия», становление региональных партийных систем, имеющих схожую конфигурацию с общенациональной партией поставили в партийно-политическую повестку дня и систему транзакций (сделок) и интеракций (взаимодействий). Причем широкое общественное мнение, в том числе и в регионах РФ, делало акцент на востребованность конструктивных, продуктивных интеракций в интересах приращения общего (публичного) блага в целях социально-экономического развития территорий.

Вместе с тем, стоит отметить, что, во-первых, интеракции парламентских политических партий на региональном уровне отличались друг от друга в зависимости от региона, субъективного фактора (успешности главы региона, уровня его поддержки среди населения, его партийной принадлежности), типов региональных политических режимов. Во-вторых, имели место интеракционные качели, которые в рамках определенных временных отрезков либо склонялись в сторону редких контактов между партиями, либо были сориентированы в сторону их высокой интенсивности. Кроме того, на интенсивность такого взаимодействия влияли общефедеральные тренды.

3.1 Основные модели партийно-политических интеракций при доминировании партии «Единая Россия»

В свою очередь, в предыдущих главах диссертационного исследования анализ позволяет автору диссертационного исследования обратиться к проектированию моделей взаимодействия доминирующей (доминантной) партии («ЕР») и оппозиционных политических партий. Автор исследования

считает логичным выделение следующих моделей: «приводного ремня», модели функционирования региональных «технократических команд», создания единичных «коалиционных правительств».

Исследуя систему интеракций парламентских политических партий в российских регионах, выделим направленность с наличием авторитарно-технократических режимов (автор не придает данному термину негативную окраску). Важно также иметь в виду ряд сходств региональных политических режимов в Белгородской и Калужской областях. И здесь автор выражает согласие с точкой зрения российского политолога С.М. Елисеева, где он утверждает, что авторитаризм как правление более адекватный и востребованный в обществе режим, гарантирующий мобилизационный тип развития субъектов РФ. Для такого типа политического режима характерны централизация управления, жесткая иерархизация акторов в регионе под доминирующего политического актора, ненавязчивый общественный контроль, акцент на опережающее развитие политических институтов в регионе в соотношении к иным институтам (экономическим и социальным)¹⁸⁵.

Региональные политические режимы в Калужской и Белгородской областях в период 2000-х годов оформились как режимы традиционалистские (или режимы просвещенного авторитаризма). Эти режимы опирались на доверие и поддержку значительной части населения. Е. Савченко (губернатор Белгородской области) и А. Артамонов (экс-глава Калужской области, ушедший в отставку в январе 2020 года) реализовывали в своих территориях не только успешные отраслевые политики, но и выверенную символическую политику.

Они превозносили в своей деятельности общие цели, принципы власти и общества: справедливость, социальный мир, развитие – все то, что, к

¹⁸⁵ Елисеев С.М. Вызовы современности и проблема развития институциональной матрицы российской политики / Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 252–266.

примеру, О. Хёффе считал базисной идеей обоснования «общего блага», перспективного порядка на службе общего блага¹⁸⁶. Е. Савченко и А. Артамонов соответствовали в своих практиках данным установкам. Таким образом, благодаря опоре на данные принципы в управлении, где вся администрация в большей мере «завязана» на развитие территории, в этих регионах сформировалась **«модель технократических команд»**.

Разумеется, на систему интеракций политических партий в Белгородской и Калужской областях накладывал отпечаток и контекст персоналистских режимов Е. Савченко и А. Артамонова. Разумно пояснить, что в современной политической науке персоналистские режимы изучаются как отдельный тип недемократических режимов. Их выделение «справедливо при разграничении акторов, принимающих ключевые решения в рамках режима»¹⁸⁷. При этом персонализм рассматривается как черта авторитарных политических режимов любого типа. Всем же авторитарным режимам присуща персонификация власти.

Диссертант, исследуя эмпирический материал Калужской области, предлагает рабочую гипотезу и доказывает ее, что в этом регионе наиболее отчетливо реализовывалась модель «технократической команды» губернатора А. Артамонова, который является и членом партии «Единая Россия» и главой региона. Такая команда, опирающаяся на идеал меритократии, на привлечение в том числе и наиболее способных управленцев из других политических партий, обеспечивает высокую эффективность и результативность в экономическом и социальном развитии, способствует устойчивости и стабильности региональной политической системы.

Автор исследования делает акцент на анализе роли доминантной партии в региональной партийной системе, на встроенности реготделений

¹⁸⁶ Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем., под ред. В.С. Малахова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 328 с.

¹⁸⁷ Харитонов О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука: науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; ред. кол.: Е.Ю. Мелешкина – гл. ред. и др. – М., 2012. – №3. – С. 9–31.

«Единой России» в существующую региональную вертикаль власти, замыкающуюся на главу субъекта Федерации при функционирующем авторитарном региональном политическом режиме. Автор опирается на ряд исследований Е.Ю. Мелешкиной, которая использует следующие категории: «технократии», «инкарнации бюрократии». Важно также учесть, что формирование модели технократической команды в системе исполнительной власти Калужской области с партийной доминантой «Единой России» и выстраивание интеракций с оппозиционными парламентскими политическими партиями (КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России») базировалось на основе высокого личного авторитета экс-губернатора А. Артамонова. Кроме того, в рамках данного конструкта оформлялась и система подчинения других акторов, подчинение, которое С. Милгрэм определяет как «психологический механизм, связывающий индивидуальное действие с политической целью. Это цемент, который соединяет людей с системами власти»¹⁸⁸.

Логично предположить, что авторитарно-технократический региональный политический режим А. Артамонова не предполагал ни в период «нулевых» годов, ни в период второго десятилетия XXI века создание некоего коалиционного правительства области с участием оппозиционных парламентских политических партий. Персоналистский режим А. Артамонова делал ставку на модернизацию отраслей экономики и социальной сферы в качестве стратегии развития региона, которая не могла быть реализована без авторитарной консолидации внутри региона.

Рассматривая систему интеракций органа исполнительной власти Калужской области с региональными отделениями парламентских политических партий, обратим внимание на работу отечественного исследователя Е.В. Батаевой, которая выделила ряд разновидностей взаимодействия в виртуальных сообществах. Вместе с тем, данные вариации

¹⁸⁸ Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / пер. с англ. 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 282 с.

интеракций, опираясь на задействованный нами эмпирический материал, можно перенести и на интеракции исполнительной власти региона и партийных акторов. Это интеракции следующего характера: контактоустанавливающие; ориентированные на поддержание товарищески-дружеских отношений; социально-практические договоренности; информационно-сориентированные контакты и др.¹⁸⁹

С 2015 года распоряжением Председателя Законодательного Собрания Калужской области № 2969¹⁹⁰ сформирован совет непарламентских политических партий при спикере регионального парламента. Данный Совет со времени своего создания стал влиятельным консультативно-совещательным органом в субъекте РФ. Совет обсуждает злободневные вопросы развития региона и предложения партий учитываются в деятельности заксобраний при подготовке и принятии областных законов. Представители министерства участвуют в заседаниях Совета, держат на контроле позицию и предложения непарламентских партий по актуальным общественно-политическим и социально-экономическим вопросам, выносимым на заседания. Таким образом, данный алгоритм действий укладывался в парадигму С. Рингена, предполагающую, что «правительства делают одно и только одно: они отдают распоряжения»¹⁹¹.

В сентябре 2014 года Постановлением Законодательного Собрания Калужской области № 1213 при Законодательном Собрании Калужской области создан молодежный парламент, который с этого момента формируется по смешанной системе. В его состав входят представители региональных отделений политических партий, представленных в Законодательном Собрании. Направление в молодежный парламент

¹⁸⁹ Батаева Е.В. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // Социологический журнал. – 2011. – №3. – С. 50–71.

¹⁹⁰ О Совете непарламентских партий при Председателе Законодательного Собрания Калужской области (вместе с «Положением о Совете непарламентских партий при Председателе Законодательного Собрания Калужской области»): Распоряжение Законодательного собрания Калужской области от 16.02.2015 № 2969

¹⁹¹ Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения / пер. с англ. А. Матвеев; под науч. ред. О.Олейникова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 392 с.

представителей политических партий осуществляется в равном количестве от каждой политической партии (регионального отделения политической партии) (по 3 человека) на основании решения и выписки из протокола заседания уполномоченного органа политической партии (регионального отделения политической партии), определенного в соответствии с уставом политической партии.

В период 2000-х годов система взаимодействия партии «ЕР» и оппозиционных парламентских партий складывается и на уровне двух властей одновременно (законодательной и исполнительной). Речь, в первую очередь, идет о рассмотрении проектов и принятии законодательных и парламентских актов Калужской области, подготовленных в правительстве субъекта РФ. Процедура рассмотрения предполагает достижение консенсуса по проектам, достижение транзакций, следствием которых становится принятие этих документов в качестве законов. Для иллюстрации веса и влияния парламентских политических партий приведем количественные показатели по динамике численности фракций парламентских партий в Законодательном Собрании Калужской области (таблица 2).

**Таблица 2. Динамика численности
фракций парламентских партий в Законодательном Собрании Калужской
области**

№ п/п	Наименование фракции	Кол-во членов фракции
Четвертый созыв - 2005-2010 гг.		
1	Фракция КРО ВПП «Единая Россия»	16
2	Фракция КРО КПРФ	4
Пятый созыв - 2010-2015 гг.		
1	Фракция КРО ВПП «Единая Россия»	22
2	Фракция КРО КПРФ	9
3	Фракция КРО ПП ЛДПР	5
4	Фракция РО ПП «Справедливая Россия»	4
Шестой созыв - 2015-2020 гг.		
1	Фракция КРО ВПП «Единая Россия»	32
2	Фракция КРО КПРФ	4
3	Фракция КРО ПП ЛДПР	2
4	Фракция РО ПП «Справедливая Россия»	2

По состоянию на 01 сентября 2019 г. в Законодательном Собрании Калужской области VI созыва (2015-2020 гг.) представлены 4-е партийные фракции: фракция КРО ВПП «Единая Россия» - 32 депутата (руководитель – В.С. Бабурин); фракция КРО КПРФ – 3 депутата (руководитель – Н.И. Яшкин); фракция КРО ПП ЛДПР – 1 депутат (руководитель – М.А. Тришина); фракция РО ПП «Справедливая Россия» – 2 депутата (руководитель Н.В. Илларионова).¹⁹² Одну из постоянных комиссий Законодательного Собрания Калужской области по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного Собрания, возглавляет представитель КПРФ, заместитель руководителя фракции КПРФ в Законодательном Собрании М.В. Костина.

Региональный политический режим в Белгородской области практически по всем характеристикам совпадал с режимом в Калужской области – авторитарным (моноцентрическим, персонифицированным). В силу проведенной губернатором Е. Савченко (работает с 1993 года) авторитарной консолидации и реализации более целостной социальной политики (в регионе в 2011 году была принята концепция «солидарного общества») удалось достигнуть не только высоких результатов в социально-экономическом развитии, но и придать региональной политической системе стабильность и устойчивость. А это важный показатель, поскольку в капиталистической системе «высокая степень стабильности предполагает жесткую сопротивляемость изменениям – как вне, так и внутри системы»¹⁹³.

Приняв на государственном уровне субъекта РФ концепцию «Солидарного общества», правительство Белгородской области не только задействовало более широкий ресурс бизнеса региона в решении социальных проблем, но и активно интегрировало парламентские политические партии, в

¹⁹² Структура Законодательного Собрания Калужской области [Электронный ресурс] // Законодательное Собрание Калужской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.zskaluga.ru/structure/661/struktura.html> (дата обращения 14.04.2020)

¹⁹³ Буржуазное общество в поисках стабильности. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

особенности КПРФ и «СР» как левые и левоцентристские партии в систему реализации данной концепции. Этот шаг больше укрепил доверие между региональной властью и оппозицией.

Более конкретными формами интеракции власти и партии «ЕР» в Белгородской области с оппозиционными парламентскими партиями стала поддержка кандидатов от КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» в преодолении муниципального фильтра на выборах главы региона. Стоит также отметить, что такая практика стала тиражироваться и масштабироваться по большинству субъектов РФ. Кстати, она получила одобрение и на федеральном уровне. Так, ЦК КПРФ обращался к «Единой России» за помощью в преодолении муниципального фильтра на региональных выборах в сентябре 2017 года. В 2012 году новацией и для Белгородской области стало использование коалиционных стратегий кандидатов и партий, а также проведение праймериз «ЕР», в которых могли принять участие как непартийные кандидаты, так и представители других политических партий. Эти практики политолог Л.В. Сморгунув назвал коалиции с обществом¹⁹⁴.

В конце 90-х годов прошлого столетия и в 2000-х годах в Белгородской области как успешном регионе РФ не делали попыток не только создания коалиционных правительств, но и приглашения наиболее подготовленных активистов реготделений парламентских партий в команду Е. Савченко. На фоне продуктивных интеракций региональной власти с парламентской политической оппозицией имели место и конфликтные деструкции. К примеру, резонансное участие В. Жириновского в выборах губернатора Белгородской области в 1999 году, сопровождавшееся публичными скандалами, конфликт в 2013 году между мэром г. Белгорода С. Боженковым и реготделением КПРФ по поводу переноса памятника В.И. Ленину с центральной площади города на Народный бульвар.

¹⁹⁴ Сморгунув Л. Без доверия к выборам нет выбора. О местных выборах 2012 года и перспективах электоральной политики в России [Электронный ресурс] // Российская газета: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://rg.ru/2012/08/01/vibory.html> (дата обращения 12.04.2020)

Вместе с тем, динамика социально-экономических и политических изменений в Белгородской области не исключает в последующем некоторые вариации коалиционности в системе исполнительной власти партии «Единая Россия» с КПРФ, «СР» и даже ЛДПР. Как не снимается с повестки дня и процесс отхода региона от автократии к большей демократичности, поскольку, как отмечает немецкий исследователь О. Хёффе, «демократия как желательный базовый образец широко признана в мире (по крайней мере, на словах), и путь к ней – развитие демократизации – считается политическим прогрессом»¹⁹⁵.

Разумеется, сложно оспаривать тезис о том, что важнейшим политическим фактором стабильности выступает системное равновесие государственной власти во всех его проявлениях и деятельность политических партий на здоровой конкурирующей основе. Как логично и другое, и на этом настаивает отечественный исследователь Р.Х. Усманов. Он полагает, что, во-первых, ни одна партия самостоятельно не может справиться с мощностью российской бюрократической машины, во-вторых, сама российская бюрократия высших эшелонов власти успешно манипулирует институтом партии в своих интересах, совершенно не заботясь о престиже и авторитете «партии власти» и партийной системы в целом»¹⁹⁶.

Для региональных политических систем характерны устойчивость и стабильность, следствием которых, с одной стороны, стала модель технократических команд, агрегирующих и артикулирующих интересы населения регионов, установки оппозиционных парламентских партий в процесс принятия решений, с другой стороны – высокая эффективность деятельности всей системы исполнительной власти данных регионов. В период 2000-х годов данная модель, с соблюдением процедурной

¹⁹⁵ Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 328 с.

¹⁹⁶ Усманов Р.Х. Демократизация партийных организаций как фактор устойчивости современных политических систем // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – С. 278–287.

демократии, обеспечила региону то, что С. Хедлунд назвал «добавленной ценностью»¹⁹⁷, что является редкостью для социально-экономического развития регионов.

Кроме того, для региональных политических систем Калужской и Белгородской областей характерно равновесие. Это научное понятие, которое западный исследователь Т. Шеллинг охарактеризовал следующим образом. Это территория, в которой все приведено «в устойчивое, сбалансированное» состояние»¹⁹⁸. Благодаря системе интеракций технократических команд с руководством и активом парламентских политических партий многие элементы, включая партийные, адаптировались, обретя баланс, внося свой вклад в общее (публичное) благо своих регионов.

Модель «приводного ремня». Особенности такой модели взаимодействия власти и институтов гражданского общества, «основанной на доминировании власти»¹⁹⁹, ввели в научный дискурс отечественные политологи А.Л. Нездуров, А.Ю. Сунгуров. Такая модель характерна и для интеракций региональных органов госуправления и реготделений политических партий. Причем на наш взгляд, предложенная выше модель имела свои разновидности. Если в нулевые годы на региональном уровне это была разновидность прямолинейного доминирования, то в период с 2012 по 2019 гг. эта разновидность была завуалированной.

Исследуя в период 2000-х годов интеракции глав российских регионов, являющихся членами партии «Единой России», с региональными отделениями оппозиционных парламентских политических партий, логично выделить еще одну знаковую разновидность модели «приводного ремня» – завуалированное доминирование. С одной стороны, эта разновидность стала

¹⁹⁷ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автомонова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.

¹⁹⁸ Шеллинг Т.К. Микромотивы и макроповедение / пер. с англ. И. Кушнareвой; ред. перевода Д. Шестаков. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 344 с.

¹⁹⁹ Нездуров А.Л. Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России / А.Л. Нездуров, А.Ю. Сунгуров // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. – С. 209–236.

наиболее массовым явлением при взаимодействии сторон после 2012 года, с другой стороны, во взаимоотношениях партии власти и оппозиционных политических партий проявился понятный и востребованный формат мобилизации активной части населения субъектов РФ. Эти политические практики были характерны для ряда регионов, в том числе и для Московской и Владимирской областей.

Однако с течением времени явное и сильное доминирование «ЕР», пусть и завуалированное, в работе с младшими партнерами на региональном уровне стало ослабевать. Этому содействовали три причины: 1) протестные выступления 2011-2012 гг. оформили для КПРФ, ЛДПР и «СР» альтернативу интеракций для оппозиционных парламентских партий в лице внесистемных движений («ЕР» была вынуждена учитывать это), 2) федеральный центр стал предлагать кандидатов во врио губернаторов не только от партии власти, а сама система выборов глав регионов становилась конкурентной, 3) за «Единой Россией» закрепился ряд негативных оценок, которые устойчиво воспроизводились ее оппонентами в общественном мнении.

К примеру, в Московской области модель «приводного ремня» с завуалированной разновидностью доминирования не только не исчезла, но и укрепилась. Углублению данной модели в деятельности органов исполнительной власти Московской области способствовал и ряд субъективных условий, в первую очередь личностные характеристики губернатора А. Воробьева. В 2013 году федеральные и региональные эксперты на основе эмпирических данных выделяли три главных составляющих образа нового на тот момент главы региона А. Воробьева. Первое – «человек из федеральной элиты», член команды «Единая Россия» высокого уровня. Второе – молодость и активность. Третье – открытость, готовность к диалогу, внешняя демократичность. Главными ожиданиями от нового подмосковного губернатора были «наведение порядка» в муниципалитетах и решение застарелых хозяйственных проблем.

Вследствие этого в Московской области сформировался региональный политический режим, основными элементами которого стали: по специфике принятия решений – либеральный, тяготеющий к диктабланда (экономическая либерализация в регионе с формированием жесткой вертикали власти), по партийным и мировоззренческим установкам – идеологизированный (партийный). Эти обстоятельства предопределили развитие взаимодействия в рамках модели исполнительной власти Московской области губернатора А. Воробьева с оппозиционными парламентскими политическими партиями в рамках модели «приводного ремня». Вследствие этого, даже при конкурентном региональном политическом режиме основную роль в данном аспекте играли не партии, а оппозиция среди глав ряда муниципалитетов региона.

Скрепляло эту модель интеракций и сформированное по итогам выборов в региональное законодательное собрание региона партийное большинство «ЕР» в Московской областной думе. Соотношение составило: 38 депутатов от партии власти («Единая Россия») к 12 депутатам от оппозиционных парламентских партий (таблица 3).²⁰⁰

Таблица 3. Численность фракций парламентских партий в Законодательном Собрании Московской области

№ п/п	Наименование фракции	Кол-во членов фракции
Созыв 2016-2021 гг.		
1	Фракция ВПП «Единая Россия»	38
2	Фракция КПРФ	5
3	Фракция ЛДПР	5
4	Фракция «Справедливая Россия»	2

Таким образом, завуалированная разновидность доминирования «ЕР» определяла интеракции реготделений партий при подготовке, обсуждении и

²⁰⁰ Структура Московской областной Думы [Электронный ресурс] // Московская областная Дума: [официальный сайт]. Режим доступа: https://www.mosoblduma.ru/O_dume/Struktura (дата обращения 14.04.2020)

принятии законопроектов, вышедших из недр исполнительной власти региона.

Данный аспект повлиял и на невозможность создания коалиционного правительства в Московской области.

Модель взаимодействия между исполнительной властью и оппозиционными политическими партиями во Владимирской области, которую стоит определить как модель приводного ремня, был обусловлен по выражению Р.Ф. Туровского, теорией «регионального авторитаризма»²⁰¹. Данный тип режима был характерен и для губернатора от КПРФ Н. Виноградова, и для главы региона от «Единой России» С. Орловой (2013-2018 гг.). И именно при этом главе региона модель взаимодействия сложилась как модель «приводного ремня» с доминированием партии власти.

Вместе с тем, отчасти эту модель интеракций корректировали прежние, более конструктивные и продуктивные политические практики взаимодействия, имевшие место в 90-е годы XX века и в нулевые годы нового века. В частности, реготделение КПРФ стало одним из учредителей областного общественного Движения «Справедливость и народовластие» (официальная дата создания – 12.07.1995). Участники – физические и юридические лица, в том числе ряд региональных отделений политических партий (на момент образования – 18 отделений партий и общественных организаций) – добивались избрания в органы государственной власти и местного самоуправления подлинных выразителей интересов жителей, способных изменить курс реформ в интересах большинства граждан.

В 2011 году региональное отделение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» выступило с инициативой подписания соглашения «За честные выборы». Цель – избежать дестабилизации политической ситуации в регионе, противоправных действий и распространения так называемых «черных» материалов. Основным посылом

²⁰¹ Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. – 2009. – №2. – С. 77–95.

соглашения стало проведение честных, справедливых и открытых выборов, на основе соблюдения закона и уважительного отношения ко всем участникам избирательного процесса. Соглашение состоялось с участием представителей региональных отделений партий, принимающих участие в выборах цикла «Осень-2011». Подписи под документом поставили Сергей Бородин («Единая Россия»), Александр Синягин (КПРФ), Виталий Золочевский (ЛДПР).

В 2013 году были выдвинуты кандидаты на должность губернатора Владимирской области от девяти политических партий, в том числе и от трех парламентских: «Единой России», КПРФ, ЛДПР. В выборах приняли участие 339 тысяч человек, явка избирателей составила 28,52. Победу одержал кандидат, выдвинутый от политической партий «ЕР» – Светлана Орлова. Тип регионального политического режима, сформировавшийся по итогам выборов во Владимирской области, имел свои особенности: по партийным и мировоззренческим установкам – это прагматический режим (партийный, «ЕР»), по наличию оппозиции – конкурентный, по специфике принятия решений – авторитарный (коллегиальный).

При этом модель интеракций партийных акторов на региональном уровне как модель «приводного ремня» с течением времени усиливалась, что было связано с весом (в том числе численностью) регионального отделения «Единой России на фоне других парламентских политических партий»²⁰². Кроме того, у представителей «ЕР» в системе исполнительной власти уже

²⁰² Численность региональных отделений парламентских партий во Владимирской области: Владимирское региональное отделение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» – 10 649 членов; Владимирское региональное отделение политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России – 3 814 членов; Владимирское региональное отделение политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» – 1 335 членов; региональное отделение партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ во Владимирской области – 386 членов. Количество местных отделений парламентских партий: Владимирское региональное отделение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» – 21 местное отделение, 996 первичных отделений; Владимирское региональное отделение политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России – соответственно 18 и 5; Владимирское региональное отделение политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» – 19 и 116; региональное отделение партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ во Владимирской области – 18 и 4.

появились результаты. Это новые объекты – школы, дороги, дома, поликлиники, которые были «построены за эти годы по инициативе «Единой России». Введены новые производства и дополнительные рабочие места»²⁰³.

Таблица 4. Тип регионального политического режима во Владимирской области²⁰⁴

С. Орлова (2013-2018 гг.)			
По специфике принятия и реализации политических решений	По наличию оппозиции	По партийным мировоззренческим установкам	По уровню консолидации
Авторитарный (коллегиальный)	Конкурентный	Прагматический (партийный)	Неконсолидированный
В. Сипягин (с 2018 г. по настоящее время)			
Либеральный (сомнительная демократия, полицентрический)	Конкурентный	Прагматический (конъюнктурный)	Неконсолидированный

Известный западный специалист по проблематике управления А. Шаркански подчеркивал, что при изучении проблем, которые власти нужно решить в рамках разных стратегических решений, логично располагать прогнозными характеристиками успеха или неудачи²⁰⁵. Командой С. Орловой, которая реализовывала модель «приводного ремня» в интеракциях с оппозиционными парламентскими политическими партиями, не был учтен ряд факторов, в том числе потенциал коммуникаций с населением ее партийных конкурентов.

²⁰³ «Единая Россия» – курс на перемены. Председатель ЕР Дмитрий Медведев о новых приоритетах партии, персональной ответственности и работе с НКО // Известия. – 01.07.2019. – С. 1, 3.

²⁰⁴ Меркулов П.А. Особенности функционирования региональных политических режимов в субъектах РФ (на примере областей ЦФО) / П.А. Меркулов, Д.Н. Нечаев, Е.С. Селиванова // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Том 20. – №. 3. – С.4–15.

²⁰⁵ Шаркански А. Что может сказать политолог разработчику стратегии о вероятности успеха или неудачи // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 800 с.

В 2018 году во втором туре выборов главы Владимирской области С. Орлова, баллотировавшаяся на второй срок, проиграла кандидату от ЛДПР В. Сипягину, своими действиями доказав, что в реализации модели «приводного ремня» есть пределы. И при определенных условиях данная модель не только не является оптимальной, но и контрпродуктивной.

3.2 Политические практики управления региональными органами исполнительной власти губернаторами от партий парламентской оппозиции

Период 2000-х годов в постсоветской России в управлении страной и ее территорией большинством отечественных политологов связывался с укреплением вертикали власти и на федеральном, и на региональном уровнях государственного управления, и в местном самоуправлении. Все это происходило параллельно с так называемыми реформами второго эшелона или с институциональными реформами, отразившимися и на всей системе вертикали власти, и на государственной службе в РФ²⁰⁶.

В сложившейся в период 2000-х годов вертикали власти, в которой доминирующую роль играла партия «Единая Россия», оформились и новые ниши. В этих политико-управленческих нишах лидеры и актив оппозиционных партий в лице КПРФ, «СР» и ЛДПР, могли рассчитывать на управление рядом субъектов РФ. В итоге, главы регионов, представители парламентской оппозиции стали выстраивать систему взаимодействия по трем основным направлениям. Первое направление – интеракции с федеральным центром, где глава государства и председатель правительства имели непосредственное отношение к «партии власти». Второе направление – взаимодействие с лидерами реготделений партии «ЕР», обладавшими большинством в местных заксобраниях. Третье направление – интеракции с

²⁰⁶ Городецкий А.Е. Государство и институциональный императив / под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна: в 4 т. Том 4; под ред. А.Е. Городецкого – СПб.: Алетей, 2015. – С. 301–319.

представителями других партий – как оппозиционных парламентских, так и внесистемных партий.

Модель интеракционизма КПРФ. Деятельность КПРФ в постсоветский период представляла и представляет собой перманентный процесс политических трансформаций, инициированных, как внешними (влиянием постсоветского государства), так и внутрипартийными условиями (сменой идеологии, стратегий и тактик). Во многом это было связано и с преодолением политической травмы, поскольку ранее КПСС обладала абсолютной властью при однопартийной системе в СССР. А в конкурентных условиях компартия вынуждена быть одной из многих партий, как некий марксистский проект посткапиталистического модерна²⁰⁷.

В 2000-е годы руководство КПРФ, фракция в Госдуме, губернаторы-коммунисты, актив партии оказались интегрированы в либерально-управленческую модель капитализма. Кроме того, учитывая историческое и политическое прошлое КПРФ (партия стала правопреемницей КПСС), когда политическая организация была «руководящей и направляющей силой» в СССР, не давала руководству компартии уйти в две крайности: а) в революционистскую парадигму по захвату власти (в 90-е годы XX века такая возможность была); б) дистанцироваться от власти вообще и не участвовать в демократических процедурах, став радикальной политической организацией. В итоге КПРФ выбрала срединный вариант, приняв нормы и правила политической игры.

Причину такой линии поведения КПРФ на федеральном и региональном уровнях по взаимодействию с идеологическими антагонистами можно найти у Э.Гидденса и Ф. Саттона, которые в процессе анализа взаимодействий и коммуникаций различных акторов придавали большое значение символическому интеракционизму. Социологов интересовала этнометодология как исследовательская перспектива, в том числе для ответов на сложные вопросы. В частности, «как люди придают смысл миру, в

²⁰⁷ Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. – 2011. – №1. – С. 10–27.

котором они живут»²⁰⁸ и как они взаимодействуют друг с другом. На наш взгляд, именно социальная среда и ценностные предпочтения населения с доминантами безопасности и социальной справедливости, сильное государство, особое отношение к власти (сакральность), трансформировали стратегию и тактику КПРФ, ориентируя ее на интеракции с властью.

На участие губернаторов-коммунистов в управлении субъектами РФ в пору институционализации и развития «вертикали власти» в 2000-е годы повлиял ряд политических условий (причем данные условия в течение 20 лет существенно менялись). В первом временном отрезке (2000-2004 гг.) губернаторы от КПРФ руководили регионами, побеждая на всенародных выборах глав регионов еще в 90-е годы XX века. Такой феномен характерен для Волгоградской области, в которой губернатор-коммунист Н. Максютин руководил субъектом РФ с 1997 по 2010 год. Политическими условиями его победы и достаточно долгого пребывания у власти являлись, с одной стороны, открытость, прозрачность всенародных выборов без всяких ограничений и преференций, с другой – профессиональные компетенции Н. Максютина и его умение выстраивать эффективные взаимодействия.

Именно эти условия были характерны и для Владимирской области, в которой победил на всенародных выборах глава региона от КПРФ Н. Виноградов в 1997 году, который эффективно руководил регионом до 2013 года. Сменившая его С. Орлова от «Единой России» смогла проработать только один срок с 2013 по 2018 год, проиграв выборы кандидату от ЛДПР В. Сипягину. По нашему мнению, в основе управления регионом Н. Виноградова была лидерская субсистема, содержащая в себе элементы правящего класса, к которым можно отнести том числе ближнее, дальнее и административное окружение. Платформой объединения этих окружений становится персональная или идейная лояльность лидеру. Особенностью персональной лояльности, как считает ряд отечественных политологов,

²⁰⁸ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон; пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. – 336 с.

становится отсутствие рационально-логических оснований, ввиду чего лидер «для людей из своего окружения – это средоточие правды, а не истины, и поэтому для его поддержки нужна не столько логика, сколько вера»²⁰⁹.

В начале 2000-х годов ряд кандидатов от КПРФ побеждал на конкурентных всенародных губернаторских выборах. К примеру, в 2000 году губернатором Курской области стал А. Михайлов, губернатором Камчатского края был избран М. Машковцев. Позже доминировали уже другие политические условия, менее благоприятные для кандидатов от КПРФ. Федеральный центр подготовил жесткую конструкцию управления регионами. Были созданы федеральные округа с полпредами Президента РФ, которые участвовали в подборе кандидатов реальных возможностей от власти и федеральный центр фактически контролировал избирательный процесс. Однако сил и ресурсов, кандидатов от власти не всегда хватало на все субъекты РФ, поэтому в приоритете оказывались ресурсные и успешные регионы, в проблемных и менее ресурсных субъектах РФ иногда побеждали представители оппозиции.

Вследствие этого Курская область и Камчатский край в список приоритетных для федерального центра регионов не входили. Однако тренд политической вертикальности в избирательных кампаниях глав регионов и взаимодействия региональных лидеров с федеральным центром последовательно и настойчиво заменялся трендом на укрепление власти. В частности, было дезавуировано большинство соглашений между субъектами РФ и федеральным уровнем власти о разграничении предметов ведения. Была создана и определенная мотивация для губернаторов от оппозиционных парламентских политических партий для их тесной интеграции в вертикаль власти. Ряд губернаторов-коммунистов, включая А. Михайлова, вышли из КПРФ и затем вступили в партию власти – в «Единую Россию».

²⁰⁹ Пушкарёва Г.В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография / Г.В. Пушкарёва, А.И. Соловьёв, О.В. Михайлова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 272 с.

Политические условия, продиктованные необходимостью укрепления вертикали власти к концу 2004 года, влияли не только на ход и итоги выборов глав регионов, но и на выборы в региональные заксобрания (представительная демократия). К началу 2005 года (времени отмены прямых выборов губернаторов) в РФ практически не осталось глав регионов, представляющих оппозиционные парламентские партии, а в региональных законодательных собраниях большинство депутатов представляло партию «Единая Россия». Таким образом, формирование представительной демократии со всеобщим избирательным правом, проходило в терминологии Дж. Кина, «в бурных обстоятельствах и нередко при ожесточенном сопротивлении сильных элит»²¹⁰.

Кроме того, на федеральном уровне в начале 2006 года КПРФ первой из четырех парламентских политических партий прошла проверку Федеральной регистрационной службы на предмет соответствия уставной деятельности требованиям закона «О политических партиях» и получила регистрационное свидетельство. В январе 2006 года на момент окончания проверки в КПРФ состояло 184 тысячи членов²¹¹. Однако партия власти «Единая Россия» не спешила выстраивать эффективное взаимодействие с КПРФ в управлении территориями, сводила к минимуму число руководителей комитетов (комиссий) в заксобраниях со стороны представителей КПРФ, игнорировала деятельных лидеров партии коммунистов в региональных правительствах.

Два наиболее авторитетных отечественных исследователя политических партий РФ Г.М. Михалева и В.Я. Гельман так оценивают политические условия и окна возможностей КПРФ, ЛДПР, других политических партий в завоевании власти в регионах РФ. И данные оценки периода 2005-2010 гг. были достаточно критичны как для

²¹⁰ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нацисслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 312 с.

²¹¹ Об организационно-политическом укреплении партии и работе с союзниками: Доклад Г.А. Зюганова на VII Пленуме ЦК КПРФ 17 июля 2006 г. // Правда. – 20-21 июня 2006. – С. 1.

сформировавшегося институционального дизайна в стране, так и в отношении шансов политической оппозиции. В отношении политической оппозиции этого временного отрезка функционирования партийной системы РФ В.Я. Гельман употребляет дефиницию «коллапс». По его оценкам, коллапс российской оппозиции был обусловлен двумя факторами: во-первых, эффекты институционального дизайна с сильной президентской властью. Во-вторых, в 2000-е годы ограничение политической конкуренции в России было достигнуто за счет «навязанного консенсуса» элит»²¹².

Не менее критично оценила позиции КПРФ на федеральном и региональном уровнях и российский партолог Г.М. Михалева. В монографии «Российские партии в контексте трансформации» она доказывает, что во второй президентский срок В. Путина КПРФ стремительно теряла влияние, вследствие чего «институциональные рамки и режимные изменения заставляли еще оставшихся среди представителей региональной элиты коммунистов менять партийную идентификацию для сохранения мест»²¹³.

Продолжая рассматривать контекст точек зрения В.Я. Гельмана и Г.М. Михалевой, предположим, что к этому времени в рамках партотгенеза внутри партии власти «Единая Россия» формировалась тенденция, которую в свое время М.Я. Острогорский и Р. Михельс называли процессом институционализации партийной олигархии. Правда формирование этого конструкта происходило не везде равномерно. Исследователь проблематики демократизации партийных структур Р.Х. Усманов полагает, что не везде «партия власти» федерального уровня является «партией власти» региона. Например, Астраханское отделение партии «Справедливая Россия», руководимое О.В. Шеиным, добилось «на парламентских выборах 2007 г. самого лучшего результата среди всех регионов России – 20,2% голосов»²¹⁴.

²¹² Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. – 2008. – №4. – С. 135-152.

²¹³ Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

²¹⁴ Усманов Р.Х. Демократизация партийных организаций как фактор устойчивости современных политических систем // Проблема устойчивости политических систем современного мира:

Период 2008-2011 гг. для КПРФ по влиянию был самым проблемным, а в разрезе интеракций (взаимодействий) с властью – малоэффективным и непродуктивным. КПРФ необходима была власти и партии власти, с одной стороны, как представительская структура, с другой – как демократический фасад для внешнего показа. Сама же партия власти («Единая Россия») изучала опыт Китая по построению однопартийной демократии.

Осознав данную проблему, руководство КПРФ сочло необходимым работать по двум направлениям: укрепление веса «левой оппозиции» и переход к более радикальным, но конструктивным действиям (тем более в условиях начавшегося мирового экономического кризиса, негативно отразившегося на России). В конце нулевых годов в общественно-политической повестке дня все чаще возникал вопрос о консолидации левых сил, альтернативных КПРФ. В апреле 2008 года была проведена конференция «Политическая ситуация в России и путь левой оппозиции», которая во многом положила начало к их объединению.

Мировой экономический кризис болезненно отразился на системе управления экономикой и социальной сферой. В ряде территорий России возникали социальные очаги напряженности: на АО «АВТОВАЗ» в Тольятти непроданные автомобили привели к невыплатам налогов и заработной платы; в моногороде Пикалево (Ленинградская область) рабочие бюджетобразующего предприятия перекрыли федеральную трассу. В этих условиях у КПРФ возникал шанс либо по участию в возможном коалиционном правительстве (как в 1998 году после дефолта ряд коммунистов, включая Ю. Маслюкова, вошли в правительство Е. Примакова), либо по делегированию своих представителей в систему исполнительной власти РФ.

При этом даже с учетом того, что в конце 2009 года на пленуме КПРФ лидер партии Г. Зюганов в докладе поставил задачу стать партией

социального наступления, предоставленный шанс не был использован ни на федеральном уровне, ни на уровне формирования команд в российских регионах. Причина этой упущенной возможности состоит в том, что Л.Я. Машезерская называет проблемой расщепления власти, которой в тот период времени не были озадачены ни федеральный центр, ни партия власти. Вникая в суть проблемы, Л.Я. Машезерская полагает, что первичные тотальности демократии предполагают «преодоление институционального вакуума, наряду с утверждением принципов расщепления власти»²¹⁵. Данные действия, по ее же оценке, подтачивают «номенклатурные» авторитарные режимы.

Экономический кризис 2008-2009 годов, а затем акции протеста в Москве на Болотной площади и другие выступления недовольных граждан («рассерженные горожане») помогли КПРФ более четко заявить о своих ценностях, отобилизовать своих сочувствующих и симпатизантов. Кроме того, КПРФ смогла провести инвентаризацию информационно-политических ресурсов, включая запуск новых медиа, перейти к более радикальным действиям в регионах. Это позволило КПРФ оформить плацдарм для переговоров и транзакций (сделок) с властью по поводу перераспределения власти в субъектах РФ. Данные тезисы необходимо проиллюстрировать на конкретных примерах, которые являются и аргументами в системе доказательств данной гипотезы.

В условиях протестных акций 2011-2012 годов КПРФ не исключала взаимодействие с внесистемной оппозицией, пытаясь, с одной стороны, выстроить ситуативный союз (либералы-западники, левые радикалы С. Удальцова и национально-патриотическими движениями), интегрируя часть их идей и социальной базы; с другой – занять за счет интеракций более выгодную позицию в политическом торге с федеральной властью,

²¹⁵ Машезерская Л.Я. Социальные и политические предпосылки инновационного типа развития: проблема демократического консенсуса / Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 35–60.

рассчитывая на статусные должности своих представителей в управлении рядом субъектов РФ. Применительно к расширению социальной базы поддержки, в 2013 году КПРФ решила «зарегистрировать всероссийское созидательное движение «Русский лад» под руководством лидера партии Г. Зюганова. По замыслу, движение должно было объединить патриотические организации и выступать в защиту русского языка, литературы и истории.

Политические протесты в Москве 2011-2012 гг. кардинально изменили политическую линию партии власти по отношению к оппозиции, включая КПРФ. Данная линия имела две основные составляющие: 1) жесткая линия по отношению к внесистемной (радикальной) оппозиции; 2) нахождение консенсуса с парламентскими политическими партиями, транзакции и интеракции с ними, интеграция ее профессионально подготовленных лидеров в систему исполнительной власти, в том числе делегирование их на должности глав исполнительной власти субъектов РФ.

Как отмечает российский исследователь партийной системы П. Данилин, представительство КПРФ в губернаторском корпусе в феврале 2014 года было восстановлено. По Указу Президента РФ врио главы Орловской области был назначен депутат Госдумы от КПРФ В. Потомский. В июне «его кандидатура была поддержана «Единой Россией»²¹⁶, и победа на выборах губернатора в сентябре была фактически предрешена. Такую трансформацию губернаторского корпуса в России эксперты и политологи стали связывать с «курсом власти и публичной активностью экспертного сообщества»²¹⁷.

Базовой конструкцией взаимодействия (интеракций) между федеральной властью, фактически партией власти, стал межпартийный консенсус, который политолог и эксперт Д. Орлов определил как «орловский

²¹⁶ Данилин П. Партийная система современной России. – М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015. – 400 с.

²¹⁷ Ефремова В.Н. Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов) // Политическая наука. – 2015. – №3. – С. 112–125.

консенсус». По его оценкам, партийную основу согласия составляет «Единая Россия», дополняют ЛДПР и часть КПрФ, центральное руководство которого ценит В. Потомского. Вне рамок «орловского консенсуса» была часть местных коммунистов, сохранивших амбиции и продвигавших в Госдуму своего лидера В. Иконникова, в то время как в «Единой России» была сделана ставка на Н. Ковалева. «Справедливая Россия» не вписывалась ни в «орловский», ни в «смоленский» консенсусы, оставаясь слабым игроком для Орловской области. Такое положение гипотетически позволяло партии играть на контрэлитном поле²¹⁸.

Отсчет в системе транзакций федеральной власти и оппозиционных политических партий стоит датировать 2013 годом, когда представитель партии «Справедливая Россия» К. Ильковский был назначен губернатором Забайкальского края (об этом в п. 3.3 настоящего исследования). Назначение же В. Потомского²¹⁹ главой исполнительной власти Орловской области было крайне важным для компартии, поскольку «КПрФ осталась единственной из парламентских партий без представительства в губернаторском корпусе, после того, как в 2013 году не были продлены полномочия Николая Виноградова во Владимирской области»²²⁰.

Основные причины такой политической транзакции состояли в следующем. Во-первых, Орловская область – родина руководителя КПрФ Г. Зюганова. Во-вторых, Орловская область не являлась ресурсным регионом, в котором сталкивались бы интересы финансово-политических групп, более того, рынок представлял собой депрессивную в социально-экономическом отношении территорию. Возможные провалы в работе губернатора-коммуниста не сказались бы на репутации федеральной власти.

²¹⁸ Орлов Д. Губернаторы-оппозиционеры и их регионы: специфика кампании-2016 // Региональная политика-2016: сборник статей и аналитических докладов / под ред. Д.И. Орлова; Агентство политических и экономических коммуникаций. – М.: Грифон, 2017. – С. 127–147.

²¹⁹ В. Потомский свою политическую и деловую карьеру выстроил в Ленинградской области. В 2000-2006 годах занимал должность генерального директора муниципального предприятия «Экология» во Всеволожске Ленинградской области (сфера ЖКХ); в 2011 году стал депутатом Госдумы, где вошел в состав комитета по ЖКХ.

²²⁰ Иванов В.В. Глава субъекта Российской Федерации. История губернаторов. Том I. Книга II. – М.: «Издание книг ком», 2019. – 624 с.

В-третьих, в данном субъекте РФ были достаточно сильны традиции советского прошлого, так что появление губернатора-коммуниста легло на благоприятную почву в разрезе культурно-символических смыслов.

Система интеракций исполнительной власти и парламентских политических партий в Орловской области оформилась в четыре ключевые направления. Первое – это *создание правительства региона, в которое вошли представители разных политических сил, а само правительство стало близким к определению коалиционного*. Представители других политических сил стали участвовать в принятии политических решений на уровне субъекта РФ в команде губернатора-коммуниста. При этом складывающийся региональный политический режим, по нашему мнению, был демократическим, неконсолидированным, надпартийным (а в рамках типологий режимов, по Р.Ф. Туровскому²²¹). Такую позицию диссертанта подчеркивают публичные действия В. Потомского, который явно демонстрировал свою надпартийность и равноудаленность от всех политических сил.

Второе. *Система интеракций разных партийно-политических сил и главы исполнительной власти Орловской области отражалась в выдвижении согласованных кандидатов реальных возможностей в Государственную Думу РФ* летом 2016 года. Третьим направлением интеракций исполнительной власти региона и парламентских партий стало *планирование сторонами итогов выборов в Орловский областной совет народных депутатов 2016 года, определение его руководства, в том числе спикера, его заместителей, председателей комитетов заксобрания*. В итоге после проведения выборов в Областной совет народных депутатов фракции политических партий имели следующий численный состав: 6 – КПРФ, 34 – «Единая Россия», 5 – ЛДПР, 3 – «Справедливая Россия».²²² Спикером был

²²¹ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.

²²² Депутатские объединения Орловского областного Совета народных депутатов созыва 2016-2021 гг. [Электронный ресурс] // Орловский областной Совет народных депутатов: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://oreloblsovet.ru/structure/fraktsii.html> (дата обращения 14.04.2020)

избран представитель фракции «Единая Россия». Важным элементом взаимодействия стали законопроекты, абсолютное большинство которых было подготовлено в команде губернатора-коммуниста В. Потомского.

Четвертым направлением взаимодействия исполнительной власти региона и парламентских партий стало *единство действий сторон на интеграцию органов МСУ в функционирующую «вертикаль власти»*. Губернатор-коммунист В. Потомский, вслед за губернаторами от «Единой России», предложил курс, начатый «ЕР». Более того, он избрал максимально радикальный вариант централизации МСУ и фактически отменил выборность главы поселений муниципальных районов и городских округов и ввел систему делегирования депутатов на уровне муниципальных районов».

Анализируя систему интеракций администрации Орловской области и парламентских политических партий, диссертант считает их полезными и эффективными для региона и его жителей. Поскольку такое взаимодействие обеспечивало устойчивость и стабильность территориальной политической системы (ТПС). Вместе с тем, в 2017 году Президент РФ своим Указом досрочно прекратил действие полномочий губернатора Орловской области» В. Потомского. По нашему мнению, это не значит, что направленность и практики политических интеракций сторон были неправильными. Дело в том, что эффективность работы системы исполнительной власти в регионе по социально-экономическому развитию региона оказалась невысокой.

По данным Росстата, по итогам 2016 года объем инвестиций в основной капитал составил 47,8 млрд рублей (0,3% в общероссийском показателе). Индекс промышленного производства составил 98,9% по сравнению с 2015 годом. Доля валового регионального продукта (ВРП) в валовом внутреннем продукте (ВВП) России составила лишь 0,3 процента, продукция сельского хозяйства в общероссийском показателе – 1,3 процента²²³. Вместе с тем, идея продуктивных интеракций губернатора

²²³ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017: стат. сб. – М.: Росстат, 2017. – 751 с.

КПРФ во главе данного субъекта РФ, сама система интеракций политических сил на региональном уровне подтвердила свою жизнеспособность и результативность. В 2018 году В. Путин назначил врио главы региона А. Клычкова (КПРФ), за которого в сентябре этого же года на прямых выборах губернатора проголосовало 83,55% избирателей.

Федеральный центр с партией власти во взаимодействии с КПРФ не стал создавать административные и иные трудности ставленникам коммунистов на прямых выборах губернаторов, где баллотировались кандидаты реальных возможностей от «Единой России». В частности, в 2015 году С. Левченко был избран губернатором Иркутской области, обойдя врио главы региона Сергея Ерощенко на 15%, и тем самым вошел в историю как первый кандидат от КПРФ, выигравший выборы у представителя правящей партии «Единой России» с учетом муниципального фильтра.

Таким образом, в 2013-2019 гг. федеральный центр кардинально трансформировал систему взаимоотношений с оппозиционными политическими партиями, в первую очередь с КПРФ, урезая в правовом и политическом пространстве монополизм «Единой России» на управление системой исполнительной власти в субъектах РФ. В этот же период времени апробируется идея формирования коалиционных правительств на практике, создавая возможность реализации консенсуса между политическими силами. Кроме того, федеральные структуры и ЦК КПРФ, делегируя кандидатов от КПРФ в губернаторы, формируют знаковый политический тренд сотрудничества субъектов политики. С одной стороны, они дают возможность приобрести значимый управленческий опыт коммунистам-руководителям в интересах развития территорий, с другой – своим участием в системе исполнительной власти губернаторы-коммунисты становятся частью правящей власти, лишаясь возможности называть ее антинародной и шансов на радикальные действия по ее неконвенциональному захвату.

Политические практики интеракций ЛДПР. Феномен парламентской оппозиционной партии ЛДПР с ее лидером В. Жириновским с

момента возникновения устойчиво демонстрировал политическую риторику и практики с опорой на государственнические позиции (этатизм) и укрепление вертикали власти. Уже в первой половине 2000-х годов ЛДПР была ориентирована не только на взаимодействие с партией власти («Единой Россией»), но и на возможное создание коалиционных правительств в системе исполнительной власти в субъектах РФ. Российский исследователь Ю.Г. Коргунюк указывает также на высокую адаптивность ЛДПР, отмечая, что «партия может приспособиться к чему угодно, но она никогда не возглавит переход от одной системы к другой»²²⁴.

Более того, в первое десятилетие нового века фракция ЛДПР в Государственной Думе РФ своими действиями (поддержка практически всех законопроектов, инициированных правительством, голосование за принятие бюджетов) демонстрировала готовность членов партии войти в федеральную исполнительную власть. Своими действиями ЛДПР в период 1990-х и 2000-х годов демонстрировала, что готова играть ролевую функцию «младшего брата» в возможных коалиционных правительствах на федеральном и региональном уровнях. В данном случае, на наш взгляд, основой такой политической адаптивности являлась и является идеологическая размытость партийного движения В. Жириновского, поскольку ЛДПР сочетает в себе компоненты мировоззрений консерваторов, либералов и левых сил.

Исследуя идеологическую основу ЛДПР как базовый элемент для возможных интеракций с системой исполнительной власти, важно отметить, что сама партия и ее лидер в своей идеологической доктрине педалировали либерализм. Что логично рассматривать как политическое течение, которое, по мысли исследователя Л.Г. Фишмана, предполагает «политические и гражданские свободы, представительную демократию как институциональное воплощение способа артикуляции интересов групп»²²⁵.

²²⁴ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.

²²⁵ Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? // Полис. Политические исследования. – 2014. – №4. – С. 152-165.

Однако в политических практиках партии В. Жириновского это четкое следование ориентиру было далеко не всегда. Идеологическая всеядность в высказываниях и действиях ее лидера В. Жириновского была отличительной стороной в политических практиках ЛДПР, что объяснялось складывающейся политической конъюнктурой в пространственно-временном континууме постсоветской России.

Следовательно, политическая конъюнктура, идеологическая всеядность ЛДПР при снижении роли идеологических доктрин в целом во всех странах мира стали базовой основой интеракций ЛДПР и власти в субъектах РФ. Кстати, по оценке М. Манна, государства и партии стали в принципе менее идеологизированными. При этом либеральные, консервативные, социал-демократические политические силы стали более прагматичны, ввиду их схожести по ряду характеристик с либеральным капитализмом. М. Манн подчеркивает, что «можно повысить качество капитализма и «одомашнить» его..., воспитать, придать человеческое лицо»²²⁶. Таким образом, можно предложить, что являясь идеологически всеядной и вождистской партией, (партия В. Жириновского) ЛДПР принимала не только объективные условия либерального капитализма, но и была готова к политическим союзам и коалициям с партиями власти.

Важно отметить, что в декабре 2005 года на XVII съезде ЛДПР устав партии был приведен в соответствие с законом о партиях и была утверждена новая программа, по-прежнему, с нечеткими идеологическими постулатами, сочетая либеральные и консервативные установки. Такая же универсалистская идеология лежала в основе функционирования партии «Единая Россия» в период нулевых годов с наличием в партии власти четырех клубов и трех идеологических течений (либерального, социалистического, консервативного). Данную парадигму не изменило и

²²⁶ Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 208 с.

официальное принятие «ЕР» идеологии российского консерватизма (об этом было сказано выше).

Таким образом, и «ЕР», и ЛДПР объединяла в нулевые годы идеологическая всеядность, что могло быть основой для включения членов партии В. Жириновского в федеральные и региональные правительства. Вместе с тем, на наш взгляд, реализации таких проектов помешал субъективный фактор: в руководстве партии власти («ЕР») считали, что публичные интеракции с В. Жириновским будут создавать трудности имиджу «Единой России». Тем более что в научном и прикладном дискурсах ЛДПР, будучи «партией Жириновского», существует за счет популярности лидера в части общества, склонной «принимать низкопробный популизм и демагогию за проявление политического мастерства и самостоятельности»²²⁷.

Кроме того, на рубеже 2005-2008 годов в партии «Единая Россия» нахождение в Правительстве РФ руководителя ведомства С. Калашникова, отвечавшего за вопросы социального развития и охраны окружающей среды, признано достаточно неудачным экспериментом. А в сочетании с тем, что все лучшие управленцы уже находились в партии власти (общепринятое мнение в «ЕР»), а остальные (ряд губернаторов и мэров областных центров, избранных от других партий) были уже интегрированы в управленческо-партийную вертикаль власти, общее решение было следующим: коалиционность в субъектах РФ не практиковать, сделав ставку на однопартийные региональные правительства.

Следствием этого стало то, что, как отмечает российский исследователь Г.М. Михалева, во второй срок президента В.В. Путина (2004 – 2008 гг.) политическая линия действия ЛДПР была в привычном алгоритме, была скорректирована лишь демонстративная поддержка Кремля лидеров партии. В. Жириновский был «вынужден радикализировать свою риторику, чтобы она отличалась от официальной кремлевской позиции, и еще больше

²²⁷ Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации (Часть I). // Полис. – 2009. – №2. – С. 23–38.

использовать эпатаж»²²⁸. Таким образом, в нулевые годы вместо консенсуса и системы интеракций ЛДПР была вынуждена реализовывать некоторые элементы конфликтологической парадигмы.

Такие складывающиеся политические практики ЛДПР на федеральном и региональном уровнях принуждают руководство партии В. Жириновского корректировать стратегию и тактику в своих программных и уставных документах. К примеру, в мае 2008 года на съезде ЛДПР были приняты поправки в устав партии и объявлена внутрипартийная дискуссия о внесении изменений в Конституцию РФ, суть которых сводилась к переходу к парламентской республике.²²⁹ По мысли инициаторов конституционных изменений, политические партии при этом будут играть более значительную роль в управлении государством, чем «при других формах политического устройства страны»²³⁰.

Есть основания полагать, что участие членов ЛДПР в формировании региональных правительств, что рассматривалось бы в качестве основ формирования консенсусной демократии, было не виной партии В. Жириновского. Это был общий тренд партии «Единая Россия» периода нулевых годов, как на федеральном, так и на региональном уровнях. И поскольку, как отмечает научный сотрудник ИНИОН РАН Ю. Коргунюк, партия ЛДПР представляла собой скорее полукоммерческую фирму, активно торгующую франшизами, сама система власти в «нулевые» годы считала порочной любую открытую форму сотрудничества. При этом как некоторое утешение для ЛДПР и других партий при отсутствии практик участия глав партии в коалиционных правительствах оппозиционным парламентским

²²⁸ Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

²²⁹ Устав политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России [Электронный ресурс] // ЛДПР: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://ldpr.ru/party> (дата обращения 14.04.2020)

²³⁰ Данилин П. Партийная система современной России. – М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015. – 400 с.

партиям в свое время «был кинут очень неплохой кусок – государственное финансирование, привязанное к голосам избирателей»²³¹.

Вместе с тем, научный и прикладной политический дискурс 1990-х годов и период нулевых годов XXI века поставил в повестку дня и необходимость институционализации системы интеракций политических акторов, а также нахождение консенсуса между ними, включая создание коалиционных правительств как непереносимое условие устойчивого социально-экономического и политического развития РФ. В этом отношении справиться с комплексом проблем, которые трудно решить стандартным путем, по мысли Г. О’Доннелла, можно благодаря поэтапному подходу к их разрешению и с использованием перспектив договорных отношений сторон с взаимными уступками. Ведь в совокупности это увеличивает готовность всех политических акторов признать друг друга равноправными собеседниками и повышает в «их глазах ценность института, формирующего их связи»²³². Данный подход рассматривает институты как локации принятия решений в текущем политическом процессе, образуя при этом крепкую институционализированную демократию.

Анализируя двадцатилетний отрезок времени взаимодействия ЛДПР с другими политическими силами и системой исполнительной власти, выделим четыре разные этапа интеракций. *Первый этап* – с 2000-го по 2009-й год – стоит оценить как *время политического изоляционизма партии В. Жириновского* со стороны власти и партии власти. И это при том, что разброс поддержки политической партии и ее лидера на выборах разных уровней был различен, но в целом не мал. Лучший результат ЛДПР получила на выборах в Госдуму в 1993 году – 22,9% (ЛДПР лидировала в 64 субъектах Федерации), самый низкий в 1999 году – 5,9%. На выборах в Госдуму в 2011 году партия

²³¹ Коргунюк Ю. Кризис партийного статус-кво. Эксперт-онлайн. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://expert.ru/2019/05/17/krizis-partijnogo-statusa-kvo/> (дата обращения 10.08.2019)

²³² О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. – 1994. – №2/3. – С. 54–57.

набрала 11,6%²³³. В. Жириновский пять раз участвовал в выборах президента. Лучший результат лидер ЛДПР показал в 2008 году – 9,3%, худший – в 2000 году (2,7%). В 2012 году на президентских выборах В. Жириновский набрал 6,2%.²³⁴

Второй период – с 2010 по 2011 год – предусматривал *интеракции ЛДПР с общественными движениями, близкими по политическим предпочтениям, и ситуативные союзы* рядом партий, для формирования некоей массовой основы в последующем политическом торге с органами исполнительной власти. В частности, в мае 2010 года в Москве по инициативе ЛДПР состоялся IV Всемирный конгресс патриотических партий. В своем докладе лидер ЛДПР В. Жириновский отметил, что патриотическое направление – самое сложное и выразил желание, чтобы XXI век был веком свободы, в котором ушли бы в прошлое навязываемые силой доктрины и режимы, которые приходят к власти неконвенциональным путем.

Этот период, который на пике его завершения совпал с началом протестных выступлений несистемной оппозиции (русских националистических движений, левых радикалов и радикальных либералов-западников) и который характеризуется конкретными интеракциями ЛДПР по интеграции партией части спектра протестных движений. При этом ЛДПР преследовала конкретную цель. А именно усиление веса партии на переговорных площадках с властью по поводу распределения властного ресурса. Эти действия во многом стали побудительным мотивом для власти и партии власти в последующих интеракциях с ЛДПР.

Третий этап в системе взаимодействия ЛДПР и власти (2012 г. – август 2019 г.) оказался наиболее продуктивным. *Рост переговорного потенциала и влияния либерал-демократов* привели их кандидатов на ряд

²³³ Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения 14.04.2020)

²³⁴ Выборы Президента Российской Федерации [электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/ (дата обращения 14.04.2020)

постов губернаторов в субъектах РФ (А. Островский – Смоленская область, В. Сипягин – Владимирская область и С. Фургал – Хабаровский край). Кроме того, на наш взгляд, есть политическое обоснование утверждать о начале нового периода функционирования ЛДПР (с сентября 2019 года), когда вся власть субъекта РФ (Хабаровский край) оказалась сконцентрирована в руках либерал-демократов (исполнительная, законодательная власти в регионе, депутаты Госдумы от данной политической силы), что позволяет говорить о наличии особого феномена ЛДПР.

Одним из российских регионов, где федеральная власть и партия власти решили провести эксперимент, поручив одному из лидеров ЛДПР управлять субъектом РФ, стала Смоленская область. Именно там и был осуществлен политический проект создания коалиционного правительства. В частности, в составе областного правительства на ключевых должностях был назначен ряд представителей ЛДПР и других парламентских политических партий («ЕР» и КПРФ). Стоит также отметить, что в Совете Федерации Смоленскую область представляет член ЛДПР Л. Козлова²³⁵. За время руководства территорией (А. Островский был назначен врио губернатора в апреле 2012 года, в 2015-м выиграл прямые выборы с результатом 65,2 %²³⁶) главе региона пришлось приложить серьезные усилия по достижению внутриэлитного и межпартийного консенсуса.

Для того чтобы представить диспозицию политических сил в Смоленской области накануне утверждения А. Островского губернатором данного региона, предложим ряд ключевых данных. В частности, на начало 2009 года в Смоленской области, по данным Росстата, проживало 974,1 тыс. человек, или 0,69% населения РФ. По оценке НИСП, тип региона по уровню

²³⁵ Орлов Д. Губернаторы-оппозиционеры и их регионы: специфика кампании-2016 // Региональная политика-2016: сборник статей и аналитических докладов; под ред. Д.И. Орлова; Агентство политических и экономических коммуникаций. – М.: Грифон, 2017. – С. 127–147.

²³⁶ Досрочные выборы Губернатора Смоленской области [электронный ресурс] // Избирательная комиссия Смоленской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.smolensk.vybory.izbirkom.ru/region/smolensk?action=show&vrn=2672000696404®ion=67&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения 14.04.2020)

социально-экономического развития характеризуется как «более урбанизированный освоенный регион «средней» группы»²³⁷.

Таблица 5. Результаты выборов Смоленской областной думы 02.12.2007 года по мажоритарной системе²³⁸

Субъект выдвижения	Кандидатов	Избрано
«Единая Россия»	22	19
Самовыдвижение	32	3
«Справедливая Россия»	18	1
КПРФ	13	1
ЛДПР	15	-
СПС	4	-
«Патриоты России»	1	-

Таким образом, с 2012 года в субъектах РФ территориальные политические системы (ТПС) опосредуются вертикалью власти и унифицируются. Еще один ракурс произошедших в ТПС изменений состоял в том, что «ключевую роль в них начинают играть только парламентские партии»²³⁹. Строго говоря, эксперимент с коалиционными правительствами в ряде регионов изменил институциональный дизайн и усилил потенциальные возможности оппозиционных парламентских политических партий. Правда, при этом сама российская модель управления не сильно видоизменилась, поскольку на всех этапах развития выглядела намного «более иерархической, централизованной и директивной, менее гибкой, чем западная»²⁴⁰.

Фундаментом «смоленской коалиции» стали «Единая Россия» и «ЛДПР». У обеих политических партий была потребность во взаимной

²³⁷ Кынев А.В. Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. – М.: Центр «Панорама», 2009. – 516 с.

²³⁸ Выборы депутатов Смоленской областной Думы четвертого созыва [электронный ресурс] // Избирательная комиссия Смоленской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.smolensk.vybory.izbirkom.ru/region/smolensk?action=show&vtn=2672000198358®ion=67&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения 14.04.2020)

²³⁹ Шашкова Я. Ю. Региональные партийные системы: смена парадигм / Я.Ю. Шашкова, В.А. Ковалев, А.В. Баранов, П.В. Панов // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 272–294.

²⁴⁰ Аксенова О.В. Модели управления в России и на Западе: риски и перспективы развития // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2018. – С. 348–373.

поддержке. Для губернатора от ЛДПР была необходима поддержка большинства членов коалиции и федеральных политических акторов. Для партии власти – усиление влияния в субъекте РФ. Частью смоленской коалиции была также КПРФ. Губернатор от ЛДПР назначил своим заместителем члена коммунистической партии Н. Кузнецова, что позволило существенно смягчить межпартийные разногласия. Однако во взаимодействии ЛДПР и КПРФ в рамках «смоленской коалиции» возникли противоречия после того, как на выборах президента в марте 2018 года кандидат от КПРФ П. Грудинин показал второй результат по области, получив 13,17 % голосов избирателей. В результате этого баланс сил был смещен в сторону «Единой России» и ЛДПР.

Создание коалиционного правительства в Смоленской области имело несколько тактических задач. Во-первых, снять накал протестов; во-вторых, показать образец для несистемной оппозиции, в каком направлении ей работать; в-третьих, представить на внешний периметр пример демонополизации власти. Вместе с тем, стратегически вертикаль власти остается неизменной, ведь именно такая форма организации, в том числе по М. Веберу, оказывается наиболее эффективной среди прочих разработанных и применяемых ранее форм. Для идеального типа веберовской бюрократии характерны «строгая иерархия господства; предсказуемое поведение служащих, действующих согласно прописанным правилам; долгосрочные контракты со служащими»²⁴¹.

«Справедливая Россия» – единственная из парламентских партий, которая осталась за пределами «смоленского консенсуса». Она существенно снизила свою активность в регионе в 2012-2019 гг. Этому способствовали два фактора. С. Лебедев, руководитель регионального отделения «СР», который был наиболее заметным соперником А. Островского на губернаторских выборах, в нынешней президентской кампании призвал поддержать

²⁴¹ Цит. по: Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики, 2018. – 336 с.

В. Путина. Это послужило причиной того, что она фактически вышла из игры в качестве оппозиционной силы в субъекте РФ. Кроме того, депутат Смоленской областной думы М. Атрощенко, который был основным оппонентом губернатора А. Островского, сложил полномочия. В итоге «Справедливая Россия» не только оказалась в политической изоляции, но и встала на путь политической маргинализации.

Создание коалиционного правительства под эгидой губернатора от ЛДПР усилило позиции партии в общефедеральном политическом пространстве, позволяя лидеру либерал-демократов В. Жириновскому продвигать идею тиражирования и масштабирования данного политического проекта в РФ. Данный прецедент широко обсуждался в 2013 году на XXVI Съезде ЛДПР, где был обновлен высший совет: вместо семи в нем стало одиннадцать человек. На Съезде было 968 делегатов из 83 регионов России. В докладе председателя ЛДПР были предложены тезисы о том, что ЛДПР – это чистое явление русской политической мысли, ЛДПР – партия середины, партия русской провинции.

Прошедшие в 2013 году выборы в Смоленскую областную думу не изменили существенно регионального политического расклада. Партийные мандаты были распределены следующим образом: «Единая Россия» – 41,17%, КПРФ – 15,02%, ЛДПР – 13,49%, «Справедливая Россия» – 7,58%. Результаты выборов обозначили тенденцию, в рамках которой при общем тренде на лидерство «Единой России» «остальные партии получили значительную поддержку в регионе без явного доминирования одной из оппозиционных структур, что является основой сложившегося в регионе баланса сил.

Эта тенденция подчеркивает еще один феномен, который ряд отечественных политологов сформулировал как «вариации доминирования»²⁴² в региональной политике «Единой России». Кстати, в

²⁴² Подвинцев О.Б. Выборы регионального и местного уровня: пределы политики доминирования / О.Б. Подвинцев, П.В. Панов, М.В. Иванова // Партийная организация и партийная конкуренция в

основе смоленского партийно-политического консенсуса играла особую роль фигура депутата Госдумы от «ЕР» С. Неверова, помогавшего выстраиванию эффективной модели отношений с федеральным центром и «Единой Россией» и являвшегося депутатом парламента РФ от одномандатного округа №175.

Акцентируя внимание на политических механизмах формирования смоленского консенсуса, не следует упускать из виду то, что отечественный политолог С.П. Перегудов относит к системе «риал политик». Он констатирует, что вместо взаимодействия общества и власти (а это характерно и для Смоленской области) все чаще возникает взаимодействие влиятельных заинтересованных групп. При этом отмечается рост смещений в партийно-групповой активности, следствием чего становится «все более заметная персонификация политического управления, т.е. замыкание его преимущественно на тех, кто принимает наиболее ответственные решения»²⁴³.

Определенный успех работы коалиционного правительства в Смоленской области, при котором появилась возможность различным политическим партиям влиять на принятие решений в регионе, позволил ЛДПР выдвинуть инициативу в общефедеральную повестку дня. Таким предложением в 2015 году стала законодательная инициатива ЛДПР об обязательном формировании «коалиционных правительств» губернаторами. В соответствии с предложением ЛДПР, губернатор при вступлении в должность обязан назначить своими заместителями представителей политических партий, которые имеют фракции в региональном Заксобрании. При выдвижении такой инициативы указывалось на главный плюс «коалиционного правительства» – возможность консолидировать ведущие политические силы без политизации остро стоящих вопросов. В то же время

«недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О. Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 217–259.

²⁴³ Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия. // Полис. – 2014. – №1. – С. 45–59.

«коалиционное правительство» подразумевает равное распределение ответственности между политическими силами за курс, который проводит губернатор²⁴⁴.

Вместе с тем, исследуя смоленский феномен в различных его аспектах, подчеркнем следующее. Перед нами тип регионального политического режима – демократический персоналистский. В современной политической науке персоналистские режимы изучаются как отдельный тип недемократических режимов. Их выделение «справедливо при разграничении акторов, принимающих ключевые решения в рамках режима»²⁴⁵. При этом персонализм рассматривается как черта авторитарных политических режимов любого типа. Всем же авторитарным режимам присуща персонификация власти.

Важным элементом работы коалиционного правительства А. Островского стало поддержание связи с федеральным руководством ЛДПР. В. Жириновский неоднократно отмечал, что удовлетворен работой губернатора. Основной характеристикой положения региона для центра остается улучшение ряда социально-экономических показателей и отсутствие серьезных негативных сигналов из субъекта.

Алексей Островский как член партии ЛДПР стремится максимально увеличить взаимодействие между своей «материнской» партией и партией большинства. Сама же партия ЛДПР поддерживает политику, проводимую губернатором в области, и дает положительную оценку работе администрации в 2017, 2018 и 2019 годах. Кроме того, партией приветствуется работа губернатора в направлении создания межпартийных транзакций и интеракций. Стоит также подчеркнуть, что участие в коалиционном правительстве членов «Единой России» как более

²⁴⁴ Мамонова В. «Коалиционное правительство», кадровая политика Алексея Островского и консолидация смоленской элиты // Региональные комментарии. – 02.07.2018.

²⁴⁵ Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука: науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; ред. кол.: Е.Ю. Мелешкина – гл. ред. и др. – М., 2012. – №3. – С. 9–31.

рационально бюрократической партии, чем ЛДПР, повышает результативность исполнительной власти субъекта РФ.

В данном разрезе исполнительная власть А. Островского, с одной стороны, приобретала черты бюрократической организации. С другой стороны, администрация области не становилась менее акторской. К слову, акторская модель управления включает в себя стандарты, нормы, правила, алгоритмы, без которых «управление в индустриальном обществе попросту невозможно»²⁴⁶ Характеризуя коалиционное правительство Смоленской области, приведем и конкретные примеры его персоналистского состава. Так, долгое время одним из вице-губернаторов остается Н. Кузнецов, назначенный А. Островским еще в 2012 году. Кузнецов принимал участие в выборах губернатора в 2015-м как кандидат от КПРФ. Он занял третье место и снова был приглашен на должность заместителя губернатора. Еще одним вице-губернатором остается Л. Платонов, ранее возглавлявший Смоленское региональное отделение ЛДПР. Также в «коалиционное правительство» А. Островского входит ряд деятелей, связанных с «Единой Россией».

«Коалиционное правительство» при губернаторе от ЛДПР А. Островском не стало застывшей структурой. Для мотивации руководящего состава администрации Смоленской области, а также начальников департаментов и их заместителей Алексеем Островским утвержден порядок ежегодного перезаключения контрактов с данными категориями госслужащих. В таком режиме в начале 2018 года были прекращены трудовые отношения с начальником департамента по здравоохранению В. Степченковым, начальником главного управления ветеринарии И. Кугелевым и начальником службы по обеспечению деятельности мировых судей В. Калининным.

Подводя итоги интеракций ЛДПР и власти в Смоленской области, можно констатировать, что «коалиционное правительство» с губернатором

²⁴⁶ Аксенова О.В. Модели управления в России и на Западе: риски и перспективы развития // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2018. – С. 348–373.

от ЛДПР – достаточно эффективная политическая модель, являющаяся ценностью не только для субъекта РФ, но и для российской партийно-политической системы в целом. К тому же она перестала быть уникальной, хотя роль губернатора Смоленской области А. Островского в ее создании довольно велика²⁴⁷. Путь А. Островского прошли еще два представителя ЛДПР. С. Фургал стал одним из нескольких губернаторов, выигравших выборы у кандидатов «Единой России» в сентябре 2018 года. Он обошел во втором туре экс-главу края Вячеслава Шпорта. Еще один член ЛДПР Владимир Сипягин избран главой Владимирской области.

Опыт интеракций партии «Справедливой Россия». Институционализация партии «Справедливая Россия» как идея проектирования левоцентристской политической партии, на наш взгляд, имела несколько целей. Во-первых, сконцентрировать на левом фланге партийного спектра новую партию с агрегированием и артикулированием социального недовольства граждан социально-экономической политикой правительства. Во-вторых, таргетирование КПрФ на левом фланге российской партиомы с оттягиванием голосов при проведении различного рода выборов. В-третьих, выстраивание более плотных и эффективных интеракций с данной политической силой как в системе законодательной (представительной) власти, так и в системе исполнительной власти. К середине нулевых годов в условиях построения «вертикали власти» в РФ, коррелировавшей с трансформацией политической системы, всей системы государственного управления в стране, как отмечала политолог Л. Шевцова, требовалась новая динамика с определением нескольких факторов, которые приобретали бы роль системных детерминант: «ответственность, легитимность, субъектность, воспроизводство власти»²⁴⁸.

²⁴⁷ Мамонова В. «Коалиционное правительство», кадровая политика Алексея Островского и консолидация смоленской элиты // Региональные комментарии. – 02.07.2018.

²⁴⁸ Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. – Том 8. – №3. – 2004. – С. 36–56.

Вследствие этого возникал запрос не только на оптимизацию (численное сокращение) малоэффективных политических партий, но и на массовую партию в РФ, имевшую бы в программных документах ряд идеологических доктрин: «социальная справедливость», «выравнивание неравенства», «социализм». Стоит отметить, что категория социальной справедливости, несмотря на крах советского проекта, была не только востребована в постсоветской России, но и относилась к числу приоритетных ценностей граждан страны наравне с категорией «безопасность» и «государство».

Более того, данная категория, по-прежнему, была востребована не только в государствах с переходными обществами (так называемый «второй мир», бывшие социалистические страны), но и в первом мире (развитые страны Запада) и в «третьем мире» (развивающиеся страны). Данную проблематику активно интегрировали в своих практиках социалистические, социал-демократические и лейбористские страны как в системах управления своих стран в статусе правящих и оппозиционных партийно-политических структур, так и в рамках Социнтерна (международное объединение данного типа партий). Для политических практик реализации принципов социальной справедливости в системах управления уже имелась научно-теоретическая база. И эта база позволяла как предлагать политическим партиям социалистического спектра для своих избирателей данные концепты, выстраивать систему интеракций с родственными партиями и формировать ситуативные и долговременные союзы на данной основе, так и в случае прихода к власти реализовывать данные принципы. Во многом эту базу составили работы Дж. Ролза, А. Сен, Н. Больца²⁴⁹.

²⁴⁹ Ролз Дж. Теория справедливости: / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.; Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И.А. Женина; под науч. ред. Я.Н. Охонько. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.; Сен А. Идея справедливости / Амартия Сен; пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.

В частности, исследователь Дж. Ролз рассматривал справедливость институтов и социальных практик как в широком смысле, так и в отдельных случаях их проявления. Он считал, что понятие справедливости применимо на практике (и в деятельности партийных структур, и в системе государственного управления) всегда, когда есть место распределению чего-либо, что рационально оценивается как «приобретение или ущерб, тогда мы заинтересованы только в одном примере его применения»²⁵⁰.

Как мы полагаем, и запросы российского общества, и запросы федеральной власти на более управляемую левоцентристскую политическую силу в отличие от КПРФ мотивировали инициаторов создания новой партии (ее федеральной сети в целом и региональных отделений – в частности). Вследствие этого, на I съезде «Справедливой России» в феврале 2007 года лидер партии С. Миронов заявил, что набирающий силу во всем мире социализм XXI века в состоянии дать ответ на вызовы, стоящие перед Россией. Таким образом, партия активно позиционировала себя как партия с социал-демократической идеологией.

Стоит отметить, что учрежденная партия «Справедливая Россия», находясь в центре системы партийно-политических координат (см. ранее схему политической локализации). Причем созданная как проект конвергенции трех относительно перспективных партий под политика С. Миронова («Родина», «Партия пенсионеров», «Партия жизни»)²⁵¹, она была во многом идеальным партнером в системе взаимодействия других партийных акторов как справа («Единая Россия» и ЛДПР), так и слева (КПРФ). Причем и на федеральном, и на региональном уровнях в системе исполнительной власти. Тем более, как считает Г.Л. Кертман, в рамках сформировавшейся отечественной традиции политические партии в РФ

²⁵⁰ Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.

²⁵¹ Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

соотносятся к политическим силам, причастным к органам власти, и в силу этих обстоятельств ориентированным на участия в делах государства²⁵².

Рассматривая деятельность политической партии «Справедливая Россия» (2006-2019 гг.) в системе конфликтов и интеракций с властью и партией власти, стоит выделить три периода. *Первый период* (2007-2009 гг.) – *время надежд на интеграцию во власть и признание себя «второй партией власти»* самой властью и российским обществом. *Второй период* (2010-2012 гг.) – *уход в оппозицию и реализация конфликтологической парадигмы с «Единой Россией» как партийного олицетворения исполнительной власти*. И третий период (2013-2019 гг.) – *период доминирования «Справедливой России» в ряде субъектов РФ*. Этот процесс оказался связан с назначением (избранием) некоторых членов «Справедливой России» руководителями администраций российских регионов.

Важно иметь в виду, что изначально для «Справедливой России» в институционализирующейся партийной системе РФ была отведена особая роль в парадигме «суверенной демократии» (авторство принадлежало В. Суркову). В масштабном пятитомном исследовании «Политические партии и демократия» под редакцией К. Лоусона был отмечен следующий вывод о том, что понятие «суверенная демократия» в РФ оказалось достаточно устойчивым. В данном исследовании акцентировалось внимание на том, что спрос на «стабильность и порядок среди населения был высоким»²⁵³. Более того, идея второй партии власти, или «второй ноги системы», уже давно вынашивалась в администрации Президента РФ.

Вместе с тем, в этот же период времени «вторая партия власти» (СР) вступила во внутриэлитный спор с «первой партией власти» (ЕР). Хотя, как полагает российский политолог В.Я. Гельман, созданные «кремлевские проекты» служили «двум не исключаящим друг друга целям: (1)

²⁵² Кертман Г.Л. Статус политики в российском массовом сознании. // Политическая наука. – 2008. – №2. – С. 151–173.

²⁵³ Kulik A. Are the Parties of the Russian “Sovereign Democracy” Sustaining Democratic Governance? // Political parties and democracy. Volume III. Post-soviet and Asian political parties / Kay Lawson, set. editor. – Praeger, 2010. – P. 57–85.

страхование «партий власти» путем формирования своего рода «резерва», или субститута по принципу «не класть все яйца в одну корзину»... и (2) ослабление оппозиции путем разбиения ее голосов партиями-«спойлерами»²⁵⁴. И именно этот замысел был основанием для надежд новой политической силы в перехватывании определенных сегментов в системе исполнительной власти.

В рамках первого этапа партия «Справедливая Россия» достаточно удачно преодолела ряд организационно-политических и финансово-материальных вызовов. В частности, на выборах в Госдуму 2 декабря 2007 года партия преодолела семипроцентный барьер и 10 декабря 2007 года в рамках формирующихся интеракций с властью партия поддержала кандидатуру Дмитрия Медведева на пост президента РФ. Вместе с тем, первый период деятельности «Справедливой России» в российских регионах оказался крайне низким по результативности. Влияние, воздействие «эсеров» (именно так стали называть членов партии) на губернаторов от «Единой России» в части внедрения в программы действий исполнительной власти регионов идеологических установок «СР» не имело успеха.

Причина этого, как отмечает Г. Голосов, применительно ко всем оппозиционным политическим силам состояла в том, что нужно было создать такую систему, при которой губернатор, с одной стороны, «не мог бы оставаться вне партийной политики, а с другой – был бы вынужден поддерживать только одну партию – «Единую Россию». Именно такая система и пришла на смену прямым губернаторским выборам»²⁵⁵. Не стали эффективными и форматы взаимодействия «Справедливой России» с другими партиями на региональном уровне. КПРФ, ЛДПР, внесистемные партии видели в ней вторую, малую партию власти и, как правило, не имели

²⁵⁴ Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. – 2008. – №4. – С. 135–152.

²⁵⁵ Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. – Январь-февраль, 2008. – С. 22–35.

с ней дел как с искусственно созданным проектом Кремля. Реготделения «Единой России» не шли навстречу «СР», не желая делиться властью.

Попытка руководства «эсэров» выстроить интеракции с бизнесом так же не увенчалась успехом. Так, к примеру, на Первом всероссийском земельном конгрессе С. Миронов предложил создать качественный кадастр объектов недвижимости, поскольку именно в этом совпадают интересы бизнеса, общества и государства. Впоследствии кадастр был создан, однако «Справедливой России» не удалось возглавить эту инициативу, заручиться тем самым поддержкой бизнес-сообщества и получить политические дивиденды. Таким образом, интеракционизм партии «Справедливая Россия», направленный на расширение базы поддержки, оказался неудачным. В этот же период у «СР» возникли и серьезные проблемы идеологического порядка.

С одной стороны, партия провозглашала лозунги социальной справедливости и стремление выравнивать социальное неравенство (последствия мирового экономического кризиса обострили социальные проблемы в РФ), с другой – партия, не имеющая заметного представительства в федеральном и региональных правительствах, не смогла повлиять на либеральную модель социально-экономической политики всей исполнительной власти, внося «немного социализма». Кроме того, проблематика ликвидации неравенства и формирования стандартов социальной справедливости в большей мере оказалась трудно разрешимой задачей в прикладных практиках социалистических (социал-демократических, лейбористских) правительств Европы, и даже в теоретических исследованиях.

К примеру, Н. Больц, исследуя концепт неравенства, отмечает, что равенство и соразмерность, заслуги и общее благо противоречат друг другу, а не дополняют друг друга. И «как они будут разрешаться – сегодня – одна из

самых больших загадок»²⁵⁶. Более того, отечественный исследователь С.П. Перегудов, анализируя особенности политической системы РФ после выборов 2007-2008 годов, отмечал ее следующие особенности применительно к оппозиционным парламентским политическим партиям, включая «Справедливую Россию». Специфика «системной оппозиции», по мысли С.П. Перегудова, состоит в ее неспособности добиться «действенных мер по реформированию политической системы и внедрению в нее тех демократических начал, дефицит которых все более ощутимо сказывается на ее функционировании в качестве выразителя общественных интересов и инструмента модернизации экономики»²⁵⁷.

Такие жесткие реалии, не позволявшие «эсэрам» интегрироваться в систему исполнительной власти в субъектах РФ, ориентировали руководство «СР» снять с повестки дня не только необходимость транзакций. В апреле 2010 года лидер «Справедливой России» С. Миронов призывал соратников по партии не вступать ни в какие альянсы с «Единой Россией» в ходе проведения предвыборных кампаний. Не посылались аналогичные сигналы руководства партии и на места, в первую очередь, на предмет возможных интеракций партии социалистов с «ЕР» в рамках формирования исполнительной власти в российских регионах.

Более того, в разрезе между рациональным выбором акций (действий), транзакций (сделок) и интеракций (взаимодействий) руководство «СР» выбрало вариант жестких акций по отношению к партии «Единая Россия» в том числе в субъектах РФ, где создавались и функционировали фактически однопартийные правительства территорий. Наконец, партия, не афишируя свой замысел, ужесточила свою политическую риторику в отношении политических оппонентов справа («ЕР») и слева (КПРФ), и в отношении власти, упрекая ее в десоциализации государственной социально-

²⁵⁶ Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И.А. Женина; под науч. ред. Я.Н. Охонько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.

²⁵⁷ Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007-2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации (Часть I). // Полис. – 2009. – №2. – С. 23–38.

экономической политики. По сути, в этот период политические практики «СР» в большей мере отвечают духу и букве популистской партии, для которой соперничество стоит превыше сотрудничества, а конфликт более эффективен, чем интеракции.

В определенной мере такая линия поведения «Справедливой России» в 2010-2012 гг. созвучна многим популистским партийно-политическим проектам. Более того, такая линия отвечала теоретическим выкладкам специалиста по популизму Я.-В. Мюллера, который полагал, что они (популисты) придерживаются идеи о некотором единственном всеобщем благе. И естественно, народ ясно себе представляет важность этого и жаждет его обрести. При этом данный исследователь подчеркивал следующий тезис, что в этой ситуации есть политик или партия (или, что менее вероятно, движение), которые «способны обеспечить политический курс, гарантирующий обретение этого блага»²⁵⁸.

Вместе с тем, в мае 2010 года представители «Справедливой России» объявили о создании всероссийского движения «Россия, вперед!», причиной появления которого стало неисполнение предложений Президента РФ Д. Медведева по модернизации страны. Таким образом, блокируя взаимодействие с партией «Единая Россия» в субъектах РФ, руководство «СР» не закрывало возможности интеракций на уровне главы государства. Данный посыл мог бы сыграть свою роль. Однако в 2012 году определенными действиями внутри «Справедливой России» партию ослабили ее функционеры, ранее являвшиеся лидерами других политических сил, но объединившиеся в укрупненную партию С. Миронова. В год шестилетия объединения партий Российской партии жизни, «Родина» и Российской партии пенсионеров в 2012 году руководители последних двух партий – А. Журавлев и И. Зотов – объявили о своем выходе из «Справедливой России».

²⁵⁸ Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 144 с.

Данные шаги, повлиявшие на снижение влияния «Справедливой России», не позволили политическому руководству страны уже в 2012 году рассмотреть возможность назначения наиболее подготовленного представителя «эсэров» руководителем исполнительной власти одного из субъектов РФ. Если переложить точку зрения Г.Л. Кертмана на партию «Справедливая Россия» этого периода, где он подчеркивает, что «отождествление «партии власти» с государственной властью оказывается не просто возможным, но и естественным»²⁵⁹, то данный алгоритм действий в этом случае не только не совпадает с реалиями, но и противоречит данному тезису. Кроме того, стоит отметить, что еще в 2008 году в политической практике действий власти оформился следующий парадокс в отношении «второй партии власти». Его суть состояла в том, что в отношении «Справедливой России» федеральный центр всегда придерживался принципа качелей, в рамках которого власть то приближает ее к себе, то отталкивает.

В 2012 году представители региональных отделений и идеологи «Справедливой России», изучая опыт партии власти («Единая Россия») по расширению социальной базы и функционированию внутри политической организации нескольких идеологических платформ, настаивали на партийных форумах «СР» на необходимости ее реформирования. В частности, по замыслу новаторов «СР», в партии могло бы быть создано несколько платформ: социально-либеральная, лево социалистическая, экологическая и, возможно, какие-то другие. Таким образом, «эсеры», находясь в соперничестве с «единороссами», пытались интегрировать в свою партию часть апробированных и эффективных технологий партийного строительства от «Единой России» (технологии интеграции идей политических конкурентов).

В рамках третьего, наиболее продуктивного, этапа партия «Справедливая Россия» реализовала интеракции, обеспечившие ей реальную

²⁵⁹ Кертман Г.Л. Статус политики в российском массовом сознании. // Политическая наука. – 2008. – №2. – С. 151–173.

власть в субъектах РФ. И это взаимодействие связано с политиком К. Ильковским, который в начале 2013 года стал депутатом российского парламента от партии «СР», а затем обрел статус главы Забайкальского края. Осенью 2013 года К. Ильковский при поддержке партии «Единая Россия» выиграл выборы губернатора региона, получив поддержку избирателей в 71,63% голосов. В конкурентных губернаторских выборах участвовали лишь партии КПРФ, ЛДПР и «Гражданской силы»²⁶⁰.

Эти результаты К. Ильковского, действия федерального центра и партии «ЕР» ориентируют автора на вывод о том, что «Справедливая Россия» дала отчет новому периоду в своей деятельности (2013-2019 гг.), который подчеркивал ее интеграцию в систему исполнительной власти. Что касается взаимодействия власти и партии «СР» в данный период, то логично констатировать и формирование неких новых правил игры, с учетом времени, в которые встраивались и сами оппозиционные парламентские политические партии²⁶¹.

Рассматривая модель взаимодействия губернатора-«эсэра» К. Ильковского с парламентскими политическими партиями на региональном уровне, отметим ряд ее особенностей. Методом исключения из трех рассматриваемых нами моделей действий главы исполнительной власти региона, не принадлежащего к партии власти (создание коалиционного правительства, надпартийная и внепартийная модель), сразу опустим модель создания и функционирования коалиционного правительства.

К. Ильковский, как губернатор-«эсэр», выстроил жесткую модель конфронтации с реготделением партии КПРФ в Забайкальском крае (об этом чуть ниже), стоит также иметь в виду, что в его команду не входили и представители ЛДПР. Отношение к реготделению партии В. Жириновского стоит назвать нейтрально-индифферентным. Оно не было таким

²⁶⁰ Данилин П. Партийная система современной России. – М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015. – 400 с.

²⁶¹ Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 448 с.

конфликтным, как с КПРФ, но уровень интеракций был низким, а взаимодействия сводились к нулю. В марте 2015 года коммунисты приступили к подготовке к митингу против власти губернатора региона. Фракция КПРФ законодательного собрания Забайкалья обратилась с открытым письмом к президенту В. Путину, в котором депутаты от КПРФ попросили главу государства оказать экстренную финансовую помощь краю и дать оценку местному правительству, которое довело регион до предбанкротного состояния. Был поставлен вопрос по его возможной отставке, поскольку стали известны его доходы и собственность.

Не отвечала деятельность К. Ильковского как губернатора-«эсэра» ни модели коалиционного правительства (консолидация партий, ставящих проблемы территории «выше партийных целей»²⁶²), ни модели деятельности надпартийного регионального правительства (ее использовал В. Потомский в Орловской области), предполагающей равное отношение к парламентским политическим партиям. К. Ильковский предпочитал работать с федеральным центром, не акцентируя необходимость продуктивного взаимодействия с политсоветом партии «Единая Россия» в Забайкальском крае. Вследствие этого характер интеракций К. Ильковского с парламентскими партиями в субъекте РФ стоит назвать как модель внепартийную, де-факто не учитывающую в деятельности регионального правительства сам институт политических партий. Причем в ряде публичных акций К. Ильковский предпочитал не коррелировать свою публичную деятельность даже со «Справедливой Россией».

Вместе с тем, К. Ильковский в период с 2013 по 2019 гг. в интересах развития Забайкальского края выделял и реализовывал в своей деятельности приоритеты взаимодействия с федеральными структурами исполнительной власти. Разумеется, оценки экспертного и научного сообщества, федеральных органов власти и управления были критические, что потом

²⁶² Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем / 2-е изд, испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 361 с.

выразилось в кадровом решении по отставке К. Ильковского с должности главы региона в 2016 году. Однако в активе у губернатора-«эсэра» оказались и следующие не глобальные, не системные, но продуктивные, хотя и невысокие, результаты деятельности, что являлось результатом интеракций К. Ильковского с партией власти «Единая Россия».

Какие же это итоги? Во-первых, в 2015 году был получен бюджетный кредит в размере 7 миллиардов рублей, а также 1,2 миллиарда рублей получено в виде прямого бюджетного финансирования на выплату зарплат и выполнение других социальных обязательств (данное решение стоит рассматривать двояко: и как политическое давление КПРФ, и как давление главы региона на федеральный центр). Во-вторых, в 2016 году Забайкалью выделено 7 миллиардов рублей в виде бюджетного кредита на выполнение обязательств. В-третьих, в 2015 году администрацией края была подана заявка на присвоение Краснокаменску статуса территории опережающего развития. В 2016 году постановление о создании ТОР было подписано председателем правительства РФ Д. Медведевым.

Вместе с тем, игнорирование партийного фактора и отсутствие эффективных интеракций с реготделениями парламентских политических партий создавало в деятельности краевого правительства К. Ильковского негативный информационно-политический фон как на региональном, так и на федеральном уровнях. По итогам двух лет правления губернатора-«эсэра» речь уже не только не шла о функционировании механизма работы коалиционного правительства, но даже и о наличии внутриэлитного и межпартийного консенсуса. Этот ракурс проблем подчеркивал имеющуюся в регионе социальную и политическую нестабильность с невысокой результативностью органов власти в социально-экономическом развитии Забайкальского края.

Есть еще одна проблема, на которую обращают внимание отечественные исследователи. Суть ее состоит в том, что интегрированность политических партий во властные структуры недостаточна для их «реального

влияния на государственную политику»²⁶³. В этом ракурсе ресурс влияния партии «Справедливая Россия» оказался невысоким с учетом стиля правления К. Ильковского. А он (стиль) в большей мере соответствовал авторитарно-технократическому, что было бы логичным для губернатора-единоросса, но не для представителя оппозиционной политической партии – «Справедливой России». Seriously осложнило позиции К. Ильковского и внутри региона, и на федеральном уровне популистское, но неудачное решение в системе управления субъектом, а именно оптимизация структуры управления, выразившаяся в сокращении численности администрации края. За это время был сокращен аппарат администрации края, по некоторым данным, с 250 до 170 человек. Это организационно-управленческое решение сузило возможности актива политических партий в системе социального лифтинга.

Используемая К. Ильковским как губернатором от партии «Справедливая Россия» модель игнорирования других оппозиционных политических партий (КПРФ и ЛДПР) при нейтральном отношении к региональному отделению «Единой России» и позитивному отношению к федеральному руководству привела к закономерному результату – досрочной отставке главы региона. Федеральный центр, анализируя деятельность главы исполнительной власти Забайкальского края, который занимал эту должность 882 дня (с 18 сентября 2013 года по 17 февраля 2016 года), акцентировал внимание при принятии решения об отставке на проблематику социальной и политической нестабильности. Кроме того, проблемными были и результаты в социально-экономическом развитии данного субъекта РФ.

К примеру, за время его нахождения в должности макроэкономические показатели выглядели следующим образом: индекс промышленного производства по итогам 2015 года составил 99,4% в сравнении с 2014 годом, инвестиции в 2015 году – 73,3 млрд. рублей (0,5% в валовом внутреннем

²⁶³ Дураев Т.А. Правовые проблемы взаимодействия государства и политических партий в современной России // Изв. Саратов. Ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т. 18, вып. 4. – С.472–476.

продукте РФ), продукция сельского хозяйства в общероссийском показателе составляла лишь 0,5%. Среди социальных показателей – низкая рождаемость и высокая смертность²⁶⁴. Как итог: в 2016 году К. Ильковский был досрочно отправлен в отставку Президентом России В.В. Путиным. А модель интеракций К. Ильковского стала не только не эффективной, но и деструктивной.

Рассматривая взаимодействие парламентских политических партий в рамках системы функционирования системы исполнительной власти в субъектах РФ в период 2000-х годов, отметим наличие ряда тенденций, обуславливающих усиление данных интеракций. Причем от чисто декларативных идей нулевых годов поделиться властью от «Единой России» до – допустить возможность руководства регионом – губернатора оппозиционной партии, перейти к началу второго десятилетия XXI века к прямому осуществлению данных идей. В данном аспекте нельзя не согласиться с точкой зрения отечественного исследователя Л.В. Сморгунова, в соответствии с которой причину данной трансформации следует искать в «картельном характере современных партий и их стремлении координировать межпартийную кооперацию»²⁶⁵, а также в возрастающем значении связей политических партий РФ с институтом государства.

Подводя итоги третьей главы диссертационного исследования, автор считает необходимым предложить следующие выводы.

Во-первых, достаточно распространенной моделью интеракций «ЕР» с парламентской политической оппозицией на уровне субъектов РФ стала модель «приводного ремня». В рамках этой модели при подготовке и реализации управленческих решений в системе исполнительной власти члены и актив КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» допускались в качестве лиц, имевших совещательный голос, и в качестве исполнителей

²⁶⁴ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016: стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – 671 с.

²⁶⁵ Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. – 2014. – №4. – С. 21–37.

политической воли глав регионов, являвшихся членами партии власти. Такая модель функционировала во Владимирской области (губернатор С. Орлова, 2013-2018 гг.) и в Московской области (губернатор А. Воробьев, с 2013 г. по настоящее время). Стоит подчеркнуть, что и С. Орлова, и А. Воробьев до работы главами регионов занимали в федеральном руководстве «ЕР» статусные позиции, сформировавшие у них особое отношение к политическим конкурентам. Таким образом, политическая оппозиция априори рассматривалась как неравный партнер, как некий механизм, который приводит в движение доминирующая «политическая машина».

Кроме того, в период 2000-2019 гг. в большинстве субъектов РФ в условиях доминирования партии «Единая Россия» при формировании исполнительной власти (администраций, правительств) не сложилась и не могла сложиться модель создания и функционирования региональных коалиционных правительств. Объяснение этого феномена базируется на: 1) монополии «ЕР» при победе на выборах главы региона как представителя партии власти; 2) институционализации большинства «ЕР» в региональных законодательных собраниях; 3) коалиционности как прикладной практике допускается на уровне субъектов РФ только в случае, если глава региона представляет оппозиционную парламентскую политическую партию (коалиционность – признак слабости).

Во-вторых, усилиями КПРФ, ЛДПР и «СР» после властной монополии «Единой России» этим парламентским партиям на региональном уровне удалось в период с 2011 по 2019 гг. отвоевать нишу управления исполнительной властью в ряде регионов РФ. Во многом это связано с основным содержанием взаимодействия в конституционном праве, где сам процесс интеракций определяется как «осуществление совместных действий для достижения государственно-значимых целей»²⁶⁶. С главами регионов от КПРФ, ЛДПР и «СР» в субъектах РФ институционализировалась

²⁶⁶ Коновальчиков Я.А. Взаимодействие политических партий и государства как конституционно-правовая категория // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №9. – С. 74–81.

политическая конструкция коалиционных правительств, которая в большей мере отвечала устойчивому политическому развитию данных регионов, формируя региональные демократические режимы как альтернативу авторитарно-технократическим режимам с губернаторами-членами партии «Единая Россия».

В-третьих, система предоставления шансов оппозиционным парламентским партиям от федерального центра на управление субъектами РФ и в формате назначений (2012 г. – В. Потомский в Орловской области, 2013 г. – К. Ильковский в Забайкальский край), и в системе прохождения в рамках избирательных кампаний дали разные результаты. Во многом это было связано с тем, что главы регионов от трех оппозиционных парламентских партий реализовывали разные модели интеракций: от модели игнорирования других оппозиционных партий и нейтралитета к «ЕР» (К. Ильковский) к более эффективной модели создания коалиционного правительства. В целом же сформировавшиеся демократические режимы в данных субъектах РФ, руководимые главами от оппозиционных партий при наличии ряда достижений в социально-экономическом развитии своих территорий, не вошли в группу регионов-лидеров в РФ. Причина этого кроется в самом феномене демократии как не самой эффективной модели управления, предполагающей трудное и долгое согласование интересов различных акторов при принятии управленческих решений.

Заключение

Проходящие в субъектах РФ в единый день голосования выборы разных уровней (глав регионов и региональных законодательных собраний) подтвердили важность и востребованность института парламентских политических партий, которые в конкурентных политических условиях реализовывали две парадигмы взаимодействия: конфликтологическую и парадигму сотрудничества. Эти логические модели способны, с одной стороны, обеспечить институциональные изменения, влияющие на динамику социально-экономического и политического развития; с другой – помогают избежать хаоса, во многом гарантируя за счет соревновательных избирательных процедур устойчивость и стабильность политической системы.

В период 2000-х годов в Российской Федерации произошла институционализация взаимодействия парламентских политических партий в рамках процесса формирования и функционирования органов исполнительной власти в субъектах РФ. Данные интеракции имели свои каналы, формы и механизмы. Реализуя в своих действиях интеракции, парламентские партии обеспечивали политический порядок, реализовывали тренд на преемственность и обновление государственного управления и государственной политики в российских регионах. На основании сложившихся политических практик можно сделать вывод о том, что, конкурируя и сотрудничая друг с другом, парламентские политические партии формируют отечественную традицию нахождения ценностного и процедурного консенсуса, согласия по реализации политики в интересах большинства населения, обеспечивая общее (публичное) благо.

Стоит также подчеркнуть, что современное российское общество и государство заинтересовано в широкой системе такого взаимодействия (интеракций) между парламентскими политическими партиями. Более того, такие взаимодействия поощряются государственными институтами. К примеру, в период 2000-х годов на уровне субъектов РФ

институционализировалось взаимодействие при принятии и реализации политических решений в двух ключевых направлениях: 1) губернатор, член партии «Единой России» и реготделения парламентских политических партий (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»); 2) губернатор, представитель оппозиционных политических партий, и региональное отделение партии власти – «Единой России».

И если в рамках первого направления в «нулевые» годы такие интеракции носили нерегулярный характер, то в первое десятилетие XXI века такое взаимодействие носило уже системный и более конструктивный характер. Основные причины – «ЕР» демонстрировала этим взаимодействием консолидацию общества, ретранслирующуюся затем в символическую политику в субъектах РФ. Доминирующей моделью таких интеракций была модель создания технократических команд в системе исполнительной власти регионов и модель «приводного ремня».

Применительно к модели технократических команд такая модель характерна для Калужской (губернатор А. Артамонов) и Белгородской (глава региона Е. Савченко) областей. Модель «приводных ремней» функционировала во Владимирской области (губернатор С. Орлова, 2013-2018 гг.) и в Московской области (губернатор А. Воробьев, с 2013 г. по настоящее время). В период 2000-2019 гг. в большинстве субъектов РФ в условиях доминирования партии «Единая Россия» при формировании исполнительной власти (администраций, правительств) не сложилась и не могла сложиться модель создания и функционирования региональных коалиционных правительств. Объяснение этого феномена базируется на: 1) монополии «ЕР» при победе на выборах главы региона как представителя партии власти; 2) институционализации большинства «ЕР» в региональных законодательных собраниях; 3) ограниченной коалиционности, которая как прикладная практика допускается на уровне субъектов РФ только в случае, если глава региона представляет оппозиционную парламентскую политическую партию (коалиционность – признак слабости).

В рамках второго направления усилиями КПРФ, ЛДПР и «СР» после властной монополии «Единой России» этим парламентским партиям на региональном уровне удалось в период с 2011 по 2019 гг. отвоевать нишу управления исполнительной властью в ряде регионов РФ. С главами регионов от КПРФ, ЛДПР и «СР» в российских территориях институционализировалась политическая конструкция коалиционных правительств, которая в большей мере отвечала устойчивому политическому развитию данных регионов, формируя региональные демократические режимы как альтернативу авторитарно-технократическим режимам с губернаторами-членами партии «Единая Россия».

Система предоставления шансов оппозиционным парламентским партиям от федерального центра на управление субъектами РФ и в формате назначений (2012 г. – В. Потомский в Орловской области, 2013 г. – К. Ильковский в Забайкальском крае), и в системе прохождения в рамках избирательных кампаний дали разные результаты. Во многом это было связано с тем, что главы регионов от трех оппозиционных парламентских партий реализовывали разные модели интеракций: от модели игнорирования других оппозиционных партий и нейтралитета к «ЕР» (К. Ильковский) к более эффективной модели создания коалиционного правительства.

В целом же сформировавшиеся демократические режимы в данных субъектах РФ, руководимые главами от оппозиционных партий при наличии ряда достижений в социально-экономическом развитии своих территорий, не вошли в группу регионов-лидеров в РФ. Причина этого кроется в самом феномене демократии как не самой эффективной модели управления, предполагающей трудное и долгое согласование интересов различных акторов при принятии управленческих решений.

Исследуя выборные кампании 2000-х годов, процессы формирования региональных администраций, в которых участвуют парламентские партии, можно утверждать следующее. В постсоветской России институционализировалась не только отечественная партиома, но и три

вектора действий парламентских политических партий: акции (действия), транзакции (политические сделки) и интеракции (взаимодействия). Несмотря на то что партии системной оппозиции, как и «Единая Россия», имели дело с противоречивыми итогами выборов, партийная система за счет конкуренции (соперничества) и сотрудничества стала зрелой и устойчивой.

Так, например, более или менее заметное в зависимости от региона протестное голосование позволило КПрФ и ЛДПР в 2018 году потеснить партию власти («Единую Россию»), выиграв губернаторские выборы в ряде субъектов РФ (Владимирская область), а в случае с ЛДПР, в Хабаровском крае, даже одержать над ней победу в 2018 году (победа на губернаторских выборах С. Фургала) и в 2019 году (большинство ЛДПР на выборах в региональное заксобрание). Постепенно институционализируется и система политических транзакций (сделок на региональном уровне). В ряде случаев системные партии договаривались с властью и партией власти («Единая Россия»), не выдвигая сильных кандидатов и рассчитывая затем на получение должностей для своих активистов в системе исполнительной власти избранных губернаторов-единороссов.

В целом, избирательные кампании последних трех лет на субнациональном уровне демонстрируют тренд большого потенциала в деятельности традиционных (системных) политических партий. Так, например, в 2019 году КПрФ утроила свое представительство в Московской городской думе и стала главным бенефициаром перераспределения мандатов в обновленных законодательных собраниях ряда регионов РФ. Особым феноменом стала двукратная победа ЛДПР в Хабаровском крае, где партия В. Жириновского стала правящей, создав прецедент и образец для подражания. Как позитивный итог стоит рассматривать и работу «Справедливой России», которая заметно увеличила число контролируемых ею мест в региональных законодательных собраниях.

Для активизации взаимодействия парламентских партий при формировании и функционировании системы исполнительной власти в

субъектах РФ, на наш взгляд необходимы следующие меры в политико-законодательной сфере, которые диссертант предлагает в виде рекомендаций.

1. В смешанной избирательной системе на выборах депутатов Государственной Думы и депутатов в региональные законодательные собрания целесообразно установить соотношение. На федеральном уровне избрание 75 депутатов Госдумы по партийным спискам, 25 по одномандатным округам. На региональном уровне желательно повсеместно перейти к системе 50/50. При этом важно чтобы выдвижение кандидатов осуществляли только политические партии, предоставлять возможность выдвижения на выборах в Государственную Думу независимых кандидатов нецелесообразно и контрпродуктивно.

2. Целесообразно снизить до 4 % проходной барьер на выборах депутатов Государственной Думы, что позволит сохранить нынешнюю конструкцию 4 парламентских партий и актуализирует конкуренцию со стороны непарламентских партий.

3. Для стимулирования межпартийного взаимодействия считать необходимым восстановление права политических партий блокироваться на выборах – либо в форме избирательных блоков, либо в форме общих списков, что усилит вес и притягательность ныне функционирующих парламентских политических партий.

4. Восстановить право общественных объединений любого уровня, имеющих письменные соглашения с парламентскими политическими партиями, направлять наблюдателей на избирательные участки.

5. Законодательно ввести возможность создания межрегиональных партий через допущение их регистрации в Министерстве юстиции РФ.

6. Представляется логичным установление правила финансирования политической партии государственным бюджетом, набравшей 1,5% голосов избирателей на выборах в Государственную Думу РФ. При этом существующее государственное финансирование партий не должно

содействовать консервации партийно-политической системы и монополизму существующих 4 парламентских партий.

7. Считать необходимым и важным законодательное закрепление положения о создании коалиционных правительств в регионах, где оппозиционные политические партии совокупно получили не менее 30 процентов депутатских мест в региональном законодательном собрании.

Список использованной литературы

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 04.07.2020. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // СЗ РФ. – 18.10.1999. – № 42. – Ст. 5005.

3. О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. – 16.07.2001. – № 29. – Ст. 2950.

4. О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами: Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. – 18.05.2009. – № 20. – Ст. 2392.

5. О Совете непарламентских партий при Председателе Законодательного Собрания Калужской области (вместе с «Положением о Совете непарламентских партий при Председателе Законодательного Собрания Калужской области»): Распоряжение Законодательного собрания Калужской области от 16.02.2015 № 2969

Специальная литература:

6. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общей редакцией д. филос. н. В.П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.

7. Айвазова С.Г. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических

политических изменений / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.В. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.

8. Алехнович С.О. Федерализм: концепт и практика российского проекта. – М.: РОССПЭН, 2012. – 327 с.

9. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. – М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2012. – 288 с.

10. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с франц. Г.И. Семеновой. – М.: Текст, 1993. – 303 с.

11. Асемоглу Д. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асемоглу, Дж. А. Робинсон; пер. с англ. С.В. Моисеева; под науч. ред. Л.И. Полищука, Г.Р. Сюняева, Т.В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 512 с.

12. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

13. Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И.А. Женина; под науч. ред. Я.Н. Охонько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.

14. Буржуазное общество в поисках стабильности. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

15. Вебер М. Власть и политика / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вступ. ст. А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 432 с.

16. Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; Общ.ред. В.В. Мотылева. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. – 368 с.

17. Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни / пер. с польского Е.Г. Генделя. – М.: Мысль, 2012. – 536 с.

18. Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016-2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. Федорова. – М.: ВЦИОМ, 2018. – 440 с.

19. Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики: сб. статей / Под ред. В. Гульмана и О. Маргания. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 64–88.

20. Гельман В.Я. Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 34 с.

21. Гидденс Э. Основные понятия в социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон; пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики, 2018. – 336 с.

22. Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993-2003. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.

23. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнаревой; вступит. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 536 с.

24. GR – связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / под ред. Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 407 с.

25. Грызлова Б.В. Россия – выбор будущего: политические задачи партии и вопросы стратегии развития России: доклад председателя Всероссийской политической партии «Единая Россия»: материалы VII съезда ВПП «Единая Россия». – Екатеринбург: 2007. – 132 с.

26. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
27. Данилин П. Партийная система современной России. – М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015. – 400 с.
28. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 288 с.
29. Дегтярев А. А. Основы политической теории. – М: Высшая школа, 1998. – 239 с.
30. Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. Л.А. Зиминной. – М.: Академический Проект, 2002. – 560 с.
31. Жегулев И. Операция «Единая Россия». Неизвестная история партии власти / И. Жегулев, Л. Романов. – М.: Эксмо, 2012. – 304 с.
32. Иванов В.В. Глава субъекта Российской Федерации. История губернаторов. Том I. Книга II. – М.: «Издание книг ком», 2019. – 624 с.
33. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. М. Коробочкин. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
34. Интернет и идеологические движения в России: коллективная монография / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 480 с.
35. Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем / 2-е изд., исп. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 361 с.
36. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
37. Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 800 с.
38. Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т

«Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.

39. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.

40. Красин Ю.А. Политический выбор России: в лабиринте антиномий // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2003.

41. Купряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с.

42. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – 1030 с.

43. Кынев А.В. Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. – М.: Центр «Панорама», 2009. – 516 с.

44. Кынев А.В. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция / А.В. Кынев, А.Е. Любарев. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 792 с.

45. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

46. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. – М.; Челябинск: Социум, 2018. – 494 с.

47. Луман. Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб.: «Наука», 2007. – 648 с.

48. Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. – М.: РОО «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.

49. Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии / пер с англ. А. Кырлежева. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.

50. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского, под науч. ред. Я. Охонько. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 472 с.

51. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 208 с.

52. Маркс К. О демократии / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1988. – 518 с.

53. Мид Дж.Г. Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьминова; под науч. ред. В.Г. Николаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.

54. Мизес Л. ф. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война / пер. с англ. Б.С. Пинскера, под ред. А.В. Куряева; комментарии В.В. Кизилова. – Москва; Челябинск: Социум, 2013. – 458 с.

55. Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / пер. с англ. 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 282 с.

56. Минцберг Г. Менеджмент: природа и структура организаций / пер. с англ. Е.Д. Ряхиной. – Москва: Эксмо, 2018. – 512 с.

57. Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

58. Моска Г. История политических доктрин / пер с итал. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 2012. – 326 с.

59. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 144 с.

60. Наим М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 512 с.
61. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ., под ред. Ю. Кузнецова, Гр. Сапова. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
62. Новая философская энциклопедия в 4-х томах / Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. Т. 1. – М.: Мысль, 2000. – 2659 с.
63. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
64. Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. – М.: Новое издательство, 2012. – 212 с.
65. Осборн Д. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, Л. Пластрик; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Л.И. Лопатникова. – М.: ОАО Издательская группа «Прогресс», 2001. – 536 с.
66. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 760 с.
67. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.
68. Панов П.В. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 261 с.
69. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.

70. Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
71. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланоовского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
72. Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство / С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семенов И.С. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.
73. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 431 с.
74. Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопад. – М.: Вече, 1999. – 816 с.
75. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 448 с.
76. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / под общ. ред. С.Е. Федорова; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. – СПб.: Алетейя, 2014. – 312 с.
77. Портер М.Э. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. – 495 с.; Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / пер. с англ. А.В. Куряева, Д.А. Бабушкина, под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2010. – 272 с.
78. Пушкарёва Г.В. Идеи и ценности в государственном управлении: монография / Г.В. Пушкарёва, А.И. Соловьёв, О.В. Михайлова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 272 с.
79. Пушкарёва Г.В. Политический менеджмент. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 365 с.

80. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. / пер. с англ., под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 320 с.
81. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016: стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – 671 с.
82. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017: стат. сб. – М.: Росстат, 2017. – 751 с.
83. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – 751 с.
84. Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения / пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. О.Олейникова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 392 с.
85. Роббинс Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / пер. с англ. Н.В. Автономовой, под ред. В.С. Автономова. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017. – 488 с.
86. Ролз Дж. Теория справедливости: / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 536 с.
87. Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли / пер. с англ., под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2018. – 656 с.
88. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / пер. с англ. Б.С. Пинскера, под ред. Гр. Сапова. Челябинск: Социум, 2016. – С. 284.
89. Россия в XXI веке / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 520 с.
90. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.
91. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. – М.: Эксмо, 2017. – 1056 с.

92. Социально-правовые исследования в регионах: монография / Ю.А. Тихомиров, Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов и др. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ: ИНФРА-М, 2016. – 256 с.
93. Тилли Ч. Демократия / пер с англ. Т.Б. Менской. – М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. – 264 с.
94. Токвиль де А. О демократии в Америке: перевод с 14-го французского издания. – М.: Книга по требованию, 2016. – 636 с.
95. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 256 с.
96. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.
97. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: монография / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399 с.
98. Уайт Х. Откуда берутся рынки? // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с.
99. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Научное редактирование и вступительная статья В.С. Каткало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Каткало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова, Н.Н. Цытович. – СПб.: Лениздат; CEVPress, 1996. – 702 с.
100. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: пер. с англ. / под общ.ред., с предисл. Н.Н. Яковлева. – М.: Издательство «Весь мир», 2000. – 592 с.
101. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 624 с.

102. Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. – Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 308 с.

103. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Издательство «Весь мир», 2016. – 344 с.

104. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.

105. Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем., под ред. В.С. Малахова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 328 с.

106. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

107. Хэлд Д. Модели демократии. Третье издание / пер. с англ. М. Рудакова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.

108. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 271 с.

109. Шаркански А. Что может сказать политолог разработчику стратегии о вероятности успеха или неудачи // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 800 с.

110. Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика / А.Н. Шевцов. – М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с.

111. Шеллинг Т.К. Микромотивы и макроповедение / пер. с англ. И. Кушнareвой; ред. перевода Д. Шестаков. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 344 с.

112. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

113. Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода А. Морозов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 296 с.

114. Eckstein G. Rationale Wahl im Mehrparteiensystem. Die Bedeutung von Koalitionen im raumlichen Model der Parteienkonkurrenz. – Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 1995. – 308 p.

115. Grafstein R. Institutional Realism: Social and Political Constraints on Rational Actors // New Haven and London: Yale University Press, 1992. – 244 p.

116. Kingdoh John W. Agendas, Alternatives, and Public Policies / John W. Kingdon. – New York: Harper Collins College Publishers, 1995. – 274 p.

117. March James G. New Institutionalism / James G. March, Johan P. Olsen // Political institutions / R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman. – New York: Oxford: University press. – 2006. – 228 p.

118. March J.G. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / James G. March, Johan P. Olsen – New York, London: The Free Press, 1989. – 228 p.

119. Political parties and democracy. Volume III. Post-soviet and Asian political parties / Kay Lawson, set. editor. – Santa Barbara, Denver, Oxford: Praeger, 2010. – 300 p.

Публикации периодической печати и научных сборников:

120. Айвазова С.Г. Институциональное поле и возможность институционализации политического пространства // Конструирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред.

С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 53–61.

121. Аксенова О.В. Модели управления в России и на Западе: риски и перспективы развития // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2018. – № 16. – С. 348–373.

122. Алмонд Г.А. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры / Г.А. Алмонд, С. Верба // Полития. – 2010. – №2 (57). – С. 122–144.

123. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. – 2011. – №1. – С. 10–27.

124. Баранов Н.А. Устойчивость политических систем: институты и технологии // Проблема устойчивости политических систем современного мира: материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – С. 211–220.

125. Барзилей М. Прорыв сквозь демократию / М. Барзилей, Б. Армаджани // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 654–683.

126. Батаева Е.В. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // Социологический журнал. – 2011. – №3. – С. 50–71.

127. Баумоль У. Дж. Состязательные рынки: мятеж в теории структуры отрасли. / пер. Демченко О.В. / Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков. Т.5. Под общ. ред. А.Г. Случкого. – СПб.: Экономическая школа. 2003. – С. 110–141.

128. Берталанфи фон Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / Общ ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Издательство «Прогресс», 1969. – С. 23–82.

129. Богаартс М. Избирательные системы и институциональный дизайн в новых демократиях // Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч.ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюк. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С.379–401.

130. Винер Дж. Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Теория потребительского поведения и спроса. Серия «Вехи экономической мысли» / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1993. – № 1. – С. 48.

131. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. – 2008. – №4. – С. 135–152.

132. Голосов Г. Политическая реформа: эволюция стратегий доминирования и партийная система // Политическое развитие России. 2014–2016: Институты и практики: авторитарная консолидация / под ред. К. Рогова. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2016. – С.99–115.

133. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. – Январь-февраль, 2008. – С. 22–35.

134. Городецкий А.Е. Государство и институциональный императив / под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна: в 4 т. Том 4; под ред. А.Е. Городецкого – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 301–319.

135. Грайворонский О.Ю. Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. – 2018. – №1. – С. 45–61.

136. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренности // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 345–379.

137. Гуднау Ф. Политика и управление // Классики теории государственного управления. Американская школа / под ред. Дж. Шафтина, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 43–47.

138. Дахин А.В. Политическая регионалистика: на пути к устойчивой научной полноте // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 274–311.

139. Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука, 2010. – №4. – С.49–76.

140. Димаджо П.Дж. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / П.Дж. Димаджо, У.В. Пауэлл // Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 164–192.

141. Дураев Т.А. Правовые проблемы взаимодействия государства и политических партий в современной России // Изв. Саратов. Ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т. 18, вып. 4. – С.472–476.

142. «Единая Россия» – курс на перемены. Председатель ЕР Дмитрий Медведев о новых приоритетах партии, персональной ответственности и работе с НКО // Известия. – 01.07.2019. – С. 1, 3. Елисеев С.М. Вызовы современности и проблема развития институциональной матрицы российской политики / Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 252–266.

143. Ефремова В.Н. Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов) // Политическая наука. – 2015. – №3. – С. 112–125.

144. Игнаци П. Партии и демократии в постиндустриальную эру // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 29–76.
145. Иноземцев В.Л. Превентивная демократия. Понятие, предпосылки возникновения, шансы для России // Политические исследования. – 2012. – №6. – С.101–111.
146. Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006. – С.94–105.
147. Катц Д. Системный подход к изучению организаций / Д. Катц, Р.Л. Кан // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 269–284.
148. Кац Р.С. Картельная партия: возвращение к тезису / Р.С. Кац, П. Мэир // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 77–113.
149. Каширских О.Н. Политические партии Германии в контексте модернизации политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. – 2009. – №2. – С. 108–129.
150. Кертман Г.Л. Статус политики в российском массовом сознании. // Политическая наука. – 2008. – №2. – С. 151–173.
151. Кисовская И.К. Партии и перспективы демократизации в России // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: ООО «Феникс+», 2001. – С. 444–463.
152. Клычков А.Е. К вопросу об основных моделях демократии: институт политических партий в условиях конкурентных демократических процедур // Научные ведомости Белгородского государственного университета, 2019. – №4. – С. 774–782.
153. Клычков А.Е. Проблематика развития политических партий в ракурсе основных теорий и разновидностей институционализма // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Том 14. – №3. – С. 57–78.

154. Ковальчук Л.Б. Создание территорий опережающего развития в Забайкалье: проблемы и перспективы / Л.Б. Ковальчук, С.А. Кравцова // Известие Байкальского государственного университета. 2019. – Т.29. – №3. – С. 491-498.

155. Коновальчиков Я.А. Взаимодействие политических партий и государства как конституционно- правовая категория // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №9. – С. 74–81.

156. Коуз Р.Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995. (Вехи экономической мысли). – № 2. – С. 11–32.

157. Кулик А. Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 8–28.

158. Купряшин Л.Г. Государственное управление посредством институциональных изменений // Политические исследования. – 2012. – №6. – С. 112–125.

159. Кучинов А.М. Модели действия и взаимодействия акторов: региональный аспект // Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических политических изменений / С.Г. Айвазова и др.; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – С. 149–162.

160. Липсет С.М. Размышление о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. / Научный редактор С. Кордонский. – М.: «Век XX и Мир», 1994. – С. 10–26.

161. Липски М. «Уличный» уровень бюрократической системы управления: важнейшая роль чиновников данного уровня // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 524–536.

162. Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 29–142.

163. Лукьянова М.Н. Оценка уровня стратегического планирования и эффективности реализации стратегий в муниципальных образованиях (на примере Московской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т.16. – С. 456–471.

164. Майр П. Смаги против партий: ответственное правительство и его институциональные ограничения // Политика в эпоху жесткой экономии / под ред. А.Шефара, В.Штрика; пер. с англ. А.А. Алвертян, Н.С. Глазкова, А.Г. Кузянина, Д.В. Мышьяковой, А.А. Порецковой; под науч. ред. А.А. Порецковой, И.В. Соболевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – С.200–233.

165. Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя / Б.И. Макаренко // Политическая наука. 2018. – № 1. – С. 122–147.

166. Малышева Н.С. Государство и общество в условиях новых вызовов // Политика и управление государством: новые горизонты и векторы развития: сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 7–24.

167. Мамонова В. «Коалиционное правительство», кадровая политика Алексея Островского и консолидация смоленской элиты // Региональные комментарии. – 02.07.2018.

168. Машезерская Л.Я. Социальные и политические предпосылки инновационного типа развития: проблема демократического консенсуса / Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 35–60.

169. Меркулов П.А. Особенности функционирования региональных политических режимов в субъектах РФ (на примере областей ЦФО) / П.А. Меркулов, Д.Н. Нечаев, Е.С. Селиванова // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Том 20. – №. 3. – С.4–15.

170. Михелс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Вся политика. Хрестоматия / Сост. В.Д. Нечаев, А.В. Филиппов. – М.: Издательство «Европа», 2006. – С.158–168.

171. Морлино Л. Политические партии // Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 350–378.

172. Мэннинг Н. Реформа государственного управления: Международный опыт / Ник Мэннинг, Нил Парисон; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 496 с. – С. 35–36.

173. Нежданов Д.В. Метафора «политический рынок» как дискурсивный компонент и теоретико-методологическая основа современных политических исследований / Д.В. Нежданов, О.Ф. Русакова // Полития. – №4(55). – 2009. – С. 185–195.

174. Нездюров А.Л. Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России / А.Л. Нездюров, А.Ю. Сунгуров // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008. – С. 209–236.

175. Нечаев Д.Н. Партийное строительство в регионах России: институционализация «полуторпартийной» модели // Вестник РУДН. – 2007. – №1. – С. 42–51.

176. Никовская Л.И. Публичная политика в регионах России: концептуальные основания и инструментальные методы / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы: научное издание / под ред. Л.В. Сморгун. – М.: Издательство Аспект-Пресс, 2015. – С. 345–370.

177. Об организационно-политическом укреплении партии и работе с союзниками: Доклад Г.А. Зюганова на VII Пленуме ЦК КПРФ 17 июля 2006 г. // Правда. – 20-21 июня 2006. – С. 1.

178. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Политология. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. – СПб.: Питер, 2006. – С. 255–257.

179. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. – 1994. – №2/3. – С. 54–57.

180. Ольтиона Д. Развитие инновационной экономики в Белгородской области / Д. Ольтиона, Е.А. Стребкова // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2017. – №8. – С.219–224.

181. Орлов Д. Губернаторы-оппозиционеры и их регионы: специфика кампании-2016 // Региональная политика-2016: сборник статей и аналитических докладов / под ред. Д.И. Орлова; Агентство политических и экономических коммуникаций. – М.: Грифон, 2017. – С. 127–147.

182. Павлова Т.В. Политическая активность как фактор политической модернизации // Модернизация и развитие в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян; ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 306–319.

183. Паин Э. Особенности постсоветского политического режима // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: сб. ст.; под ред. Э. Паина. – М.: Три квадрата, 2010. – С. 266–296.

184. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – №2. – С.66–75.

185. Паппи Ф.У. Политическое поведение: мыслящие избиратели и многопартийные системы // Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопап. – М.: Вече, 1999. – С. 262–280.

186. Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Политические исследования. – 2012. – №6. – С. 55–67.

187. Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Политические исследования. – 2014. – №1. – С. 45–59.

188. Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007 – 2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации // Политические исследования. – 2009. – №2. – С. 23–38.

189. Попова О.В. Партии и партийные системы. Основные тенденции развития партологии в России / О.В. Попова, Я.Ю. Шашкова, Ю.Г. Коргунюк, Б.А. Исаев // Структурная трансформация и развитие отечественных школ политологии: Научное издание / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – С. 111–123.

190. Подвинцев О.Б. Выборы регионального и местного уровня: пределы политики доминирования / О.Б. Подвинцев, П.В. Панов, М.В. Иванова // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О. Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 217–259.

191. Подвинцев О.Б. Генезис этнических региональных автономий / О.Б. Подвинцев, М.В. Назукина // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 72–89.

192. Подвинцев О.Б. «Глиняные ноги» партии власти // ProetContra. – 2010. Май-июнь. – С. 97–114.

193. Политическая система должна укрупниться. Российские избиратели высказываются за сокращение количества политических партий // Российская газета. – 02.12.2008. – С. 2.

194. Потехин Г.А. Современное состояние и тенденции развития агропромышленного комплекса Смоленской области / Г.А. Потехин, А.Г. Лучкин, Н.Е. Новикова, О.Г. Лукашева // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – №3. – С. 13–16.

195. Поцелуев С.П. Моральные диалоги в модели «отзывчивой демократии» А. Этциони // Политическая концептология. – 2010. – №4. – С. 208–234.

196. Поцелуев С.П. Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: научное издание / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – С. 208–226.

197. Прессман Дж.Л. Реализация программы / Дж, Л. Прессман, А. Вильдавски // Классики теории государственного управления. Американская школа; под ред. Дж. Шафтица, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 460–466.

198. Розенблум Д.Х. Теория государственного управления и принцип разделения властей // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С.571–588.

199. Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана. 2006. – №4. – С. 73–163.

200. Роуз Р. Демократические и недемократические государства // Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 45–68.

201. Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: суждения и оценки западных политологов:

сборник статей / Пер с англ., нем., исп., венг., итал., составитель Киселева Е.А. – М.: Политологический центр РАУ, 1992. – С.122–127.

202. Семененко И.С. Группы интересов в социокультурном пространстве: вызов демократии или ресурс демократии? // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна: ООО «Феникс+», 2001. – С. 81–99.

203. Симонов К.В. Формула консервативной партии: государство, эффективность, модернизация // Библиотека Единой России: Действия. – М., 2006. – С. 3–5.

204. Смирнов В.В. Некоторые итоги конгресса МАПН в Квебеке / XVIII всемирный конгресс международной ассоциации политической науки // Полис, 2000. – №6. – С. 166–169.

205. Сморгунов Л. Без доверия к выборам нет выбора. О местных выборах 2012 года и перспективах электоральной политики в России // Российская газета. – 01.08.2012. – С. 6.

206. Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. – 2014. – №4. – С. 21–37.

207. Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 270–292.

208. Стейнмо С. Управление государством как техническая задача: политическая экономия шведского успеха // Политика в эпоху жесткой экономики / под ред. А. Шефара, В. Штрика; пер. с англ. А.А. Алвертян, Н.С. Глазкова, А.Г. Кузянина, Д.В. Мышьяковой, А.А. Порецковой; под науч.ред. А.А. Порецковой, И.В. Соболевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 123–157.

209. Таагапера Р. Описание избирательных систем / Р. Таагапера, М.С. Шугарт // Политические исследования, 1997. – №3. – С. 114–136.

210. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. – 2009. – №2. – С. 77–95.
211. Усманов Р.Х. Демократизация партийных организаций как фактор устойчивости современных политических систем // Проблема устойчивости политических систем современного мира: материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – С. 278–287.
212. Устименко С. «Партия власти» в современной России: ретроспектива и перспектива / С. Устименко, А. Иванов // Власть, 2003. – №8. – С. 6–12.
213. Федотова В.Г. Культура, институты, политика / В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров // Политические исследования, 2018. – №1. – С. 143–156.
214. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187.
215. Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? // Полис. Политические исследования. – 2014. – №4. – С. 152–165.
216. Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука: науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; ред. кол.: Е.Ю. Мелешкина – гл. ред. и др. – М., 2012. – №3. – С. 9–31.
217. Шашкова Я.Ю. Региональные партийные системы: смена парадигм / Я.Ю. Шашкова, В.А. Ковалев, А.В. Баранов, П.В. Панов // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 272–293.

218. Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // *Pro et Contra*. – Том 8. – №3. – 2004. – С. 36–56.
219. Шмиттер Ф.К. Неокорпоратизм // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – №2. – С. 14–23.
220. Шмиттер Ф.К. Угрозы и дилеммы демократии // *Пределы власти*. / Научный редактор С. Кордонский. – М.: «Век XX и Мир», 1994. – С. 27–48.
221. Шутов А.Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. – 2013. – С.84–100.
222. Aldrich J. H Political Parties In and Out of Legislatures // *The Oxford Handbook of Political Institutions*; Edited by R.A. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. – P. 555–576.
223. Henry E. Hale, *Russian Patronal Politics Beyond Putin*, Daedalus, Spring. – 2017. – № 2. – P. 30–40.
224. Kulik A. Are the Parties of the Russian “Sovereign Democracy” Sustaining Democratic Governance? // *Political parties and democracy. Volume III. Post-soviet and Asian political parties* / Kay Lawson, set. editor. – Praeger, 2010. – P. 57–85.
225. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / *The American Political Science Review*, 1984. – № 3. – 734–749.

Электронные ресурсы:

226. Коргунюк Ю. Кризис партийного статус-кво. Эксперт-онлайн. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://expert.ru/2019/05/17/krizis-partijnogo-statusa-kvo/> (дата обращения 10.08.2019)
227. Сморгунов Л. Без доверия к выборам нет выбора. О местных выборах 2012 года и перспективах электоральной политики в России [Электронный ресурс] // *Российская газета: [официальный сайт]*. Режим доступа: <https://rg.ru/2012/08/01/vibory.html> (дата обращения 12.04.2020)

228. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения 14.04.2020)

229. Выборы депутатов Смоленской областной Думы четвертого созыва [электронный ресурс] // Избирательная комиссия Смоленской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.smolensk.vybory.izbirkom.ru/region/smolensk?action=show&vrn=2672000198358®ion=67&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения 14.04.2020)

230. Выборы Президента Российской Федерации [электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/ (дата обращения 14.04.2020)

231. Государство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/11191> (дата обращения 12.04.2020).

232. Данные официального сайта партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // «Единая Россия»: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://er.ru/> (дата обращения 12.04.2020).

233. Депутатские объединения Орловского областного Совета народных депутатов созыва 2016-2021 гг. [Электронный ресурс] // Орловский областной Совет народных депутатов: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://oreoblsovnet.ru/structure/fraktsii.html> (дата обращения 14.04.2020)

234. Досрочные выборы Губернатора Смоленской области [электронный ресурс] // Избирательная комиссия Смоленской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.smolensk.vybory.izbirkom.ru/region/smolensk?action=show&vrn=2672000696404®ion=67&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения 14.04.2020)

235. Официальные данные портала губернатора и правительства Белгородской области [Электронный ресурс] // Губернатор и Правительство

Белгородской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://belregion.ru/> (дата обращения 12.04. 2020)

236. Официальные данные портала Орловской области – публичного информационного центра [электронный ресурс] // Портал Орловской области – публичный информационный центр: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/index.php> (дата обращения 12.04. 2020)

237. Официальные данные портала правительства Калужской области [Электронный ресурс] // Официальный портал органов власти Калужской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://admoblkaluga.ru/sub/government/> (дата обращения 12.04.2020).

238. Официальные данные сайта администрации Смоленской области [электронный ресурс] // Администрация Смоленской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://admin-smolensk.ru/> (дата обращения 12.04.2020)

239. Официальные данные сайта правительства и губернатора Московской области [электронный ресурс] // Правительство Московской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://mosreg.ru/> (дата обращения 12.04.2020)

240. Сводные финансовые отчеты политических партий за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_18.php (дата обращения 31.08.2019)

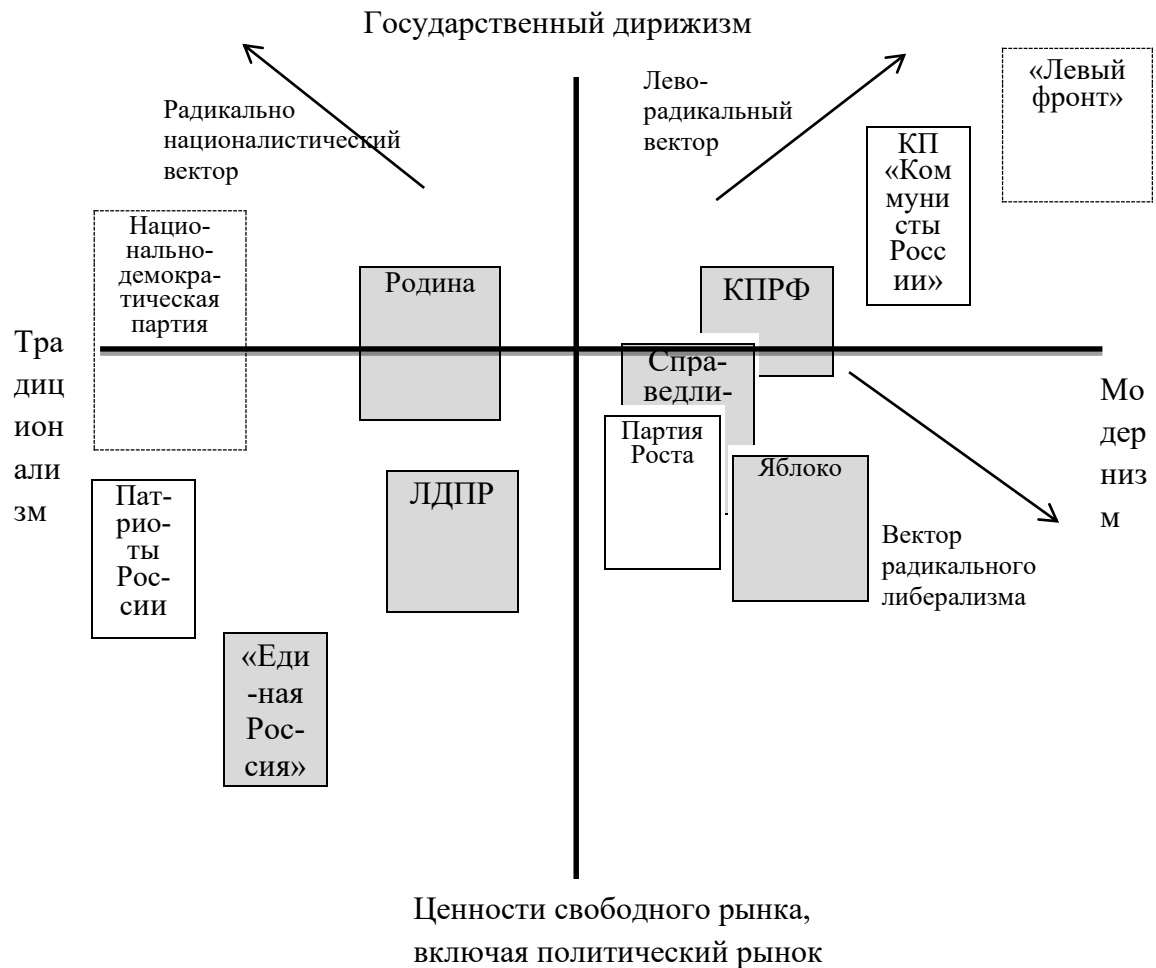
241. Структура Законодательного Собрания Калужской области [Электронный ресурс] // Законодательное Собрание Калужской области: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.zskaluga.ru/structure/661/struktura.html> (дата обращения 14.04.2020)

242. Структура Московской областной Думы [Электронный ресурс] // Московская областная Дума: [официальный сайт]. Режим доступа: https://www.mosoblduma.ru/O_dume/Struktura (дата обращения 14.04.2020)

243. Устав политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России [Электронный ресурс] // ЛДПР: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://ldpr.ru/party> (дата обращения 14.04.2020)

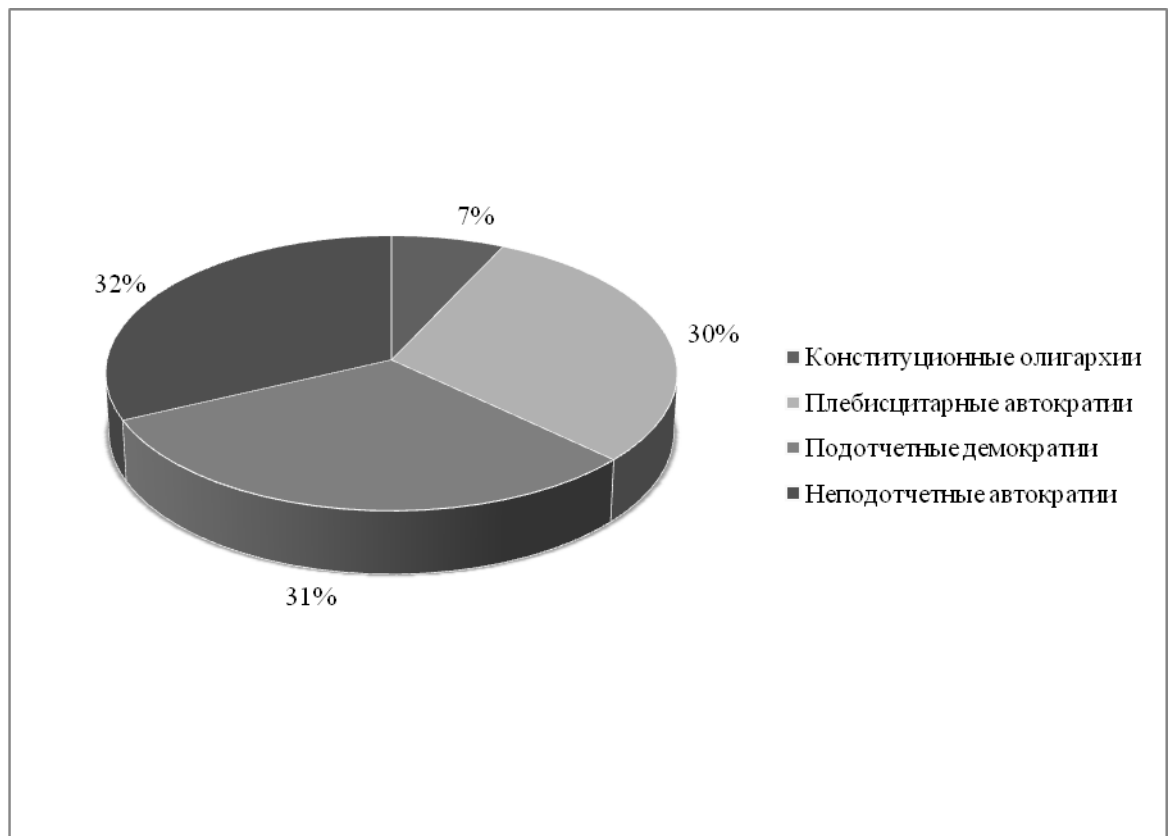
Приложение А

Схема 1. Локализация парламентских партий в политическом пространстве РФ 2000-х годов в ракурсе их идеологических и ценностных установок

Приложение Б

Диаграмма 1. Обзор существующих в мире режимов²⁶⁷

Источники: Выборка из 180 стран классифицирована в соответствии с тем, является ли режим электоральной демократией согласно рейтингу Freedom House 2007 г. и ставит ли соблюдение принципа верховенства закона режим наравне или выше Румынии в индексе восприятия коррупции Transparency International 2007 г. (см.: www.transparency.org– декабрь 2007 г.).

²⁶⁷ Роуз Р. Демократические и недемократические государства // Демократизация / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С.45–68.

Приложение В

Итоги голосования на выборах в ГД-2003

Итоги голосования	%	Мандатов
1	2	3
«Единая Россия»	37,57	300
КПРФ	12,61	52
Блок «Родина»	9,02	36
ЛДПР	11,45	36
«Яблоко»	4,30	-
«СПС»	3,97	-
«Аграрная партия»	3,64	-
Блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости»	3,09	-
Против всех	4,7	-

Итоги голосования на выборах в ГД-2007

Итоги голосования	%	Мандатов
1	2	3
«Единая Россия»	64,3	315
КПРФ	11,57	57
ЛДПР	8,14	40
«Справедливая Россия»	7,74	38
«Аграрная партия»	2,3	-
«Яблоко»	1,59	-
«Гражданская сила»	1,05	-
«Союз правых сил»	0,96	-

«Патриоты России»	0,89	-
«Партия социальной справедливости»	0,22	-
«Демократическая партия России»	0,13	-

Источник: Сведения о проводящих выборах и референдумах [Электронный ресурс] // ЦИК РФ: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/> (дата обращения 01.06.2019).

Итоги голосования на выборах в ГД-2011

Итоги голосования	%	Мандатов
1	2	3
«Единая Россия»	49,34	238
КПРФ	19,19	92
«Справедливая Россия»	13,24	64
ЛДПР	11,67	56
«Яблоко»	3,42	-
«Патриоты России»	0,97	-
«Правое дело»	0,60	-

Итоги голосования на выборах в ГД-2016

Итоги голосования	%	Мандатов
1	2	3
«Единая Россия»	76,22	343
КПРФ	9,33	42
«Справедливая Россия»	5,11	23
ЛДПР	8,67	39
«Родина»	0,22	1
«Гражданская платформа»	0,22	1
Самовыдвижение	0,22	1

Источник: Сведения о проводящих выборах и референдумах [Электронный ресурс] // ЦИК РФ: [официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/> (дата обращения 01.06.2019).